Г99 5/57

Г99 5/57

НА ФРОНТАХ ПЯТИ ЛЕТКИ

Сборник

ДОНБАСС УДАРНЫЙ

1930
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г99 Б 57

НА ФРОНТАХ ПЯТИЛЕТКИ

ДОНБАСС УДАРНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1930

Сборник подготовлен к печати редколлегией новинок пролетарской литературы и отредактирован ударной бригадой редакторов Гос. изд-ва художественной литературы в сост. тт. А. Исбаха и Як. Черняка.

БИБЛИОТЕКА Г. И. И.
№ 29435
20-XII 1930.

Главл. А-81032. X-21. Огиз 37. Заказ № 2762. Тираж 25 000. 12½ п. л.
1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Валовая, 28.

В ДОНБАССЕ НУЖЕН КРУТОЙ ПЕРЕЛОМ

В четвертой пятидневке сентября Донбасс выполнил задание на 67,4%. Заметно некоторое увеличение добычи, но явно недостаточное. Темпы роста добычи угля не могут нас ни в коем случае удовлетворить.

Донбасс имеет все объективные предпосылки для того, чтобы *немедленно* достигнуть нужных темпов добычи. Никакие ссылки на так называемые «объективные причины» не могут ни в малейшей степени объяснить глубокий прорыв в Донбассе. Что это так — доказывает блестящий опыт работы криворожцев.

В самом деле, какими объективными причинами можно объяснить тот факт, что Криворожье выполняет свой значительно повышенный промфинплан, а Донбасс допустил огромный прорыв в добыче угля? Может быть, Криворожье снабжается лучше Донбасса? Нет, лишь несколько месяцев назад криворожские горняки были в снабжении приравнены *к донецким шахтерам*. Может быть, хозяйственные органы наметили для Криворожья меньше и легче достижимые темпы добычи руды, чем для Донбасса? Нет, криворожская партийная организация, вопреки Южнорудному тресту, вопреки своим собственным профсоюзам, добилась *значительного увеличения программы* по добыче руды, по существу — представила свой встречный промфинплан.

Как известно, ЦК ВКП(б) в начале второго полугодия вновь увеличил программу по добыче руды. Но, может быть, Криворожье механизировано лучше Донбасса? Нет, как известно, Донбасс в этом отношении обеспечен значительно лучше. В Криворожьи жилищные условия хуже, чем в Донбассе. Текучесть? Она есть и в Донбассе и в Криворожьи. Почему же текучесть так потрясла Донбасс? Почему же криворожские горняки преодолевают все трудности на своем пути и записывают своими усилиями славную победу в социалистическом строительстве, а Донбасс позорно не выполняет своего плана? *Дело в работе хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и в первую голову партийных организаций.*

Весь рабочий класс, вся партия знают донецких шахтеров, которые не раз за время революции показывали героические образцы большевистских темпов работы. Этот основной костяк, основная масса шахтеров преодолевала и преодолеет тот вред, который наносят производству «летуны», прогульщики, рвачи и лодыри. И если кривая добычи в Донбассе до сих пор не поднялась на необходимую высоту, то в этом повинны растерянность, преступная безрукость хозяйственного и административно-технического персонала, в этом повинна бездеятельность и нередко явная правооппортунистическая практика профсоюзов и партийных организаций.

В июле — августе мы имели прорыв на почве отлива рабочей силы в Донбассе и Криворожьи. Но что сделали криворожские горняки и их организации? Они не стали ссылаться на «объективные причины», хныкать и т. д., — они перестроились. Криворожские орга-

низации поступили так, как поступает боевая воинская единица на фронте, которая понесла потерю в людском составе. Они перестроились, перераспределили свой людской состав, мобилизовали силы партийных организаций, комсомола, обратились за поддержкой к колхозникам, к семьям, к женам рабочих, создали условия, при которых каждый рабочий получил возможность значительно увеличить свою производительность труда. *Криворожье дало нам образец блестящего конкретно-оперативного руководства.* Криворожские горняки составили и проводят в жизнь свой оперативный план ликвидации прорыва и выполнения промфинплана. В результате уже в сентябре достигнуты темпы добычи руды, запроектированные для третьего года пятилетки.

Не то было в Донбассе. Хозяйственные организации Союзугля, вплоть до шахтоуправления, растерялись, проявили величайшую беспомощность и безрукость. Вместо того чтобы работать, быстро перестроиться, хозяйственные органы бесконечно долго лихорадили реорганизационным зудом, демобилизационными и отпускными настроениями. Вместо того чтобы поднять темпы своей работы, составить конкретно-оперативный план ликвидации прорыва для каждой шахты, для каждого забоя, добиться единоначалия, поднять трудовую дисциплину, загрузить машинное оборудование,— вместо всего этого многие правооппортунистически настроенные товарищи занялись разговорчиками о невыполнимости плана, начали кивать на трудности.

Никак нельзя признать удовлетворительной работу профсоюзных, партийных и комсомольских организаций Донбасса. Эти организации не сумели до сих пор раз-

вернуть как следует критику работы административно-технического персонала, не сумели развернуть самокритику и массовую политическую работу. Они не сумели возглавить работу передовых шахтеров, энтузиастов социалистического строительства, по ликвидации прорывов. Что хозяйственные, профессиональные и партийные организации проявили расхлябанность, растерянность и бездеятельность — видно хотя бы из следующих цифр: в августе и сентябре этого года работало в Донбассе на 15 тысяч человек больше, чем в те же месяцы прошлого года, — значительно выросла механизация, а добыча угля в этом году в эти месяцы меньше, чем в прошлом году, на 500 тысяч тонн.

Донбасс получил и получает огромное подкрепление рабочей силы. Все организации, проводящие мобилизацию рабочей силы, обязаны улучшить отбор мобилизуемых. Продовольственное и прочее снабжение значительно улучшилось. Партия вместе со всеми советскими и хозяйственными органами будет принимать решительные меры к его дальнейшему улучшению. Имеются налицо все предпосылки для крутого перелома.

На начавшийся новый квартал (октябрь — декабрь) Донецкий бассейн получил напряженный, но вполне *реальный* план добычи — *17,2 миллиона тонн угля.*

Для того чтобы выйти из прорыва и взять новые темпы, намеченные на новый квартал, нужно всем организациям переключить свою работу на новую скорость, развернуть массовую политическую работу в направлении *поднятия трудовой дисциплины,* производительности труда, полностью использовать прихо-

дящую рабочую силу, *повести решительную борьбу с текучестью.*

Таковы боевые задачи. Партийные, профессиональные и комсомольские организации должны развернуть *массовую работу для закрепления рабочей силы.* Немедленно большевистскими темпами должна быть развернута *работа среди вновь прибывающих рабочих из колхозников, батраков и комсомольцев.* Партийные, профсоюзные и хозяйственные организации обязаны к октябрю обеспечить на всех шахтах, где это технически возможно, *трехсменную систему работы.* Максимум возможного количества рабочих должен быть брошен с поверхности в шахты. В шахтах должна в основном протекать работа всех организаций. *Большинство коммунистов и комсомольцев должно пойти вниз, к забою. Максимально возможное количество инженерно-технического персонала должно быть переброшено из управлений и канцелярий в шахты.*

Бездеятельность шахтоуправлений сказалась в том, что многие машины, забои, многие механизированные лавы остановились из-за отсутствия рабочей силы. *Все врубовые машины, конвейеры, решетки должны быть пущены путем перераспределения рабочей силы.* Все поступающее оборудование должно быть сконцентрировано на небольшом количестве наиболее подготовленных для этого шахт. *Должен быть немедленно составлен план потребления электроэнергии.* Все организации должны точно так же *добиться решительного перелома в области капитального строительства вообще и жилищного строительства в частности.*

Ни одна организация не должна пройти мимо во-

просов, связанных с выполнением качественных показателей промфинплана. *Себестоимость* держится на чрезвычайно высоком уровне. Должны быть приняты энергичные меры для поднятия *качества* топлива. С этой целью надо создать специальные бригады, выделить специальных лиц, ответственных за качество топлива, ввести систему премирования забойщиков и других рабочих.

Стране нужен уголь. Донецкие горняки выполнят план добычи в новом квартале. Для этого надо, чтобы хозяйственные организации имели план, довели его до забоя, сумели наконец провести в жизнь твердо и неуклонно единоначалие, опираясь на активность рабочих. Для этого необходимо, чтобы партийные организации повели действительно решительную борьбу с правооппортунистическими элементами. Для этого необходимо, чтобы каждый коммунист и комсомолец на деле показал образец ударничества, чтобы большинство коммунистов *у забоя* были передовиками социалистического соревнования. Партийные организации должны взять под жесточайший обстрел и контроль работу кооперации, помочь ей укрепить ее аппарат. Перестроиться должна и донецкая печать. Она должна использовать богатый опыт работы «Червоного Гирника», богатый опыт борьбы за конкретный оперативный план. Райкомам и ячейкам нужно укрепить профорганизации. Нужно добиться того, чтобы профсоюзы научились быстро переключаться, чтобы они стали на деле организаторами масс.

Профсоюзы должны быть застрельщиками борьбы против «летунов», против рвачества, прогулов, за крепкую пролетарскую дисциплину, за высокую производи-

тельность труда, должны укрепить производственные совещания. Профсоюзы, как и партийные организации, должны решительно драться за осуществление рабочих предложений, добиться ликвидации задолженности по премированию рабочих. Профсоюзы не могут стоять в стороне от работы по улучшению рабочего снабжения. Все организации должны поднять упавшее в Донбассе социалистическое соревнование и ударничество, организовать новый поток ударников третьего года пятилетки, встречный шахтерский план быстрейшей ликвидации прорыва.

Знамя донецких шахтеров должно быть вновь высоко поднято.

(«Правда»).

ТОВАРИЩИ, ДЕРЖИТЕ ТЕМП!

(Из статьи тов. Молотова)

Квартальный план добычи угля дает то, что должно быть сейчас положено в основу работы всех местных партийных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций. В противном случае эти организации окажутся в хвосте событий.

Основной идеей, положенной теперь в основу развертывания угольной промышленности Донбасса и в связи с этим ликвидации создавшегося исключительно тяжелого производственного прорыва, является идея механизации Донбасса. Не было бы счастья, да несчастье помогло, — так можно сказать по этому поводу. Не было бы прорыва, не повернулись бы мы, пожалуй, и теперь лицом к механизации Донбасса. Теперь во всяком случае передовым элементам Донбасса стало уже вполне ясно, что пришло время «развернуть борьбу за новый, механизированный, подлинно социалистический Донбасс».

Со времени Октябрьской революции в Донбассе было покончено со ставкой буржуазии на безграничную эксплоатацию горнорабочих с их одиннадцати-двенадцатичасовым каторжным трудом. Советская власть все больше развертывала механизацию производства

в шахтах, систематически ведя борьбу за облегчение труда горнорабочих, сведя к шести-семи часам рабочий день шахтера. Но до сегодняшнего дня над нами тяготело прошлое Донбасса, что нашло свое яркое выражение в столь распространенном и сейчас мелкобуржуазном пренебрежении со стороны наших органов и работников, даже специалистов и рабочих, к механическому оборудованию (врубовые машины, отбойные молотки, электрооборудование).

Так продолжалось дело во многих случаях до настоящего дня, но так не может продолжаться дальше. Мы должны наконец покончить с варварским отношением к механизмам в Донбассе, мы должны сделать прочной привычкой рабочих и специалистов Донбасса чуткую заботливость к механическому оборудованию и, сурово карая злостных вредителей ценнейших для горнорабочего машин, должны на деле «поставить полностью на службу пролетарскому государству имеющиеся в угольной промышленности механизмы». Это означает решительный поворот всех местных организаций и самих руководящих органов угольной промышленности лицом к механизации Донбасса. В этом и заключается сегодняшняя решающая задача в Донбассе.

Теперь эта установка одобрена в специальном решении ЦК ВКП(б) и принята местными организациями. Остается на деле приступить к ее осуществлению.

Для того чтобы действительно немедленно начать этот поворот к механизации Донбасса, надо увязать осуществление этой задачи с практическими нуждами *сегодняшнего* дня — с выполнением производственного задания на ближайший квартал и, следовательно, с

выполнением производственной программы уже *в октябре*. Кто этого не сделает, тот только на словах стоит за принятые решения по механизации Донбасса. А между тем надо прямо сказать: поворот к новым задачам происходит с большим скрипом.

Публикуемая сегодня производственная программа для Сталинугля на ближайший квартал требует другой работы, чем та, которая сейчас ведется. Пока сделано еще лишь немногое.

Пришлось поправить совершенно неверную установку «Угля», явно преуменьшавшего производственный план на ближайшие месяцы. Работники хозорганов в Донбассе, очевидно, поняли, что настаивание на выдвинутой ранее, преуменьшенной программе вело бы к практическому оппортунизму. С другой стороны, отстали наши мероприятия по партийной и профсоюзной линиям. Их придется опубликовать лишь спустя лишний день, а ведь сейчас каждый день промедления несет угрозу прямого срыва принятых большевистских темпов.

Наконец мы не должны забывать, что у определенной части коммунистов, не говоря уже о других работниках хозяйственного и профсоюзного аппарата, слишком часто приходится встречаться с расхождением между словесными посулами и практической работой, между формальным признанием своих обязанностей и замыканием «в своем» бюрократическом «ящичке» — на деле. Имя этим дурным привычкам — бюрократизм, столь часто разделяющий наших работников на чуждые духу большевистской партийности ранги («ящички»), вместо того чтобы общей дружной работой всех органов — работой каждого из них в своей области —

помочь решению стоящих перед нами важнейших задач. Вот почему надо помнить, что одной из первейших наших обязанностей при осуществлении механизации Донбасса является преодоление всех и всяких мешающих делу бюрократических перегородок между органами, обязанностью которых должно быть совместное твердое и смелое решение задачи «превращения старого Донбасса в Донбасс с большевистски несокрушимой механизированной базой».

Публикуемое сегодня решение даст практическую основу для борьбы за механизацию Донбасса на деле. Оно требует решительного перелома во всей работе местных организаций немедленно. Оно будет выполнено, если коммунисты действительно по-большевистски возьмутся за дело, если они сумеют опереться на развертывающееся социалистическое соревнование и ударничество в рабочих массах, если они покажут пример сознательности и дисциплины рабочим и специалистам.

Товарищи! Вы приняли важное решение, вы взялись за выполнение большого дела, вы встали во главе борьбы за новый, механизированный Донбасс.

Для этого подлинно социалистического дела стоит поработать, и поработать по-настоящему.

Не упускайте же ни одного дня — держите большевистский темп!

29/IX 1930 г., Горловка.

В УДАРНОМ КВАРТАЛЕ ДАТЬ СТРАНЕ 21 МИЛЛИОН ТОНН УГЛЯ

Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР

Во изменение постановления Совета труда и обороны от 21 сентября 1930 года о плане угольной промышленности на октябрь — декабрь 1930 года Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. **Установить** производственную программу угольной промышленности Донбасса на октябрь — декабрь 1930 года в размере **16 миллионов 270 тысяч тонн.** Из этого количества в октябре должно быть добыто 4 миллиона 800 тысяч тонн, в том числе механизированной добычи 2 миллиона 640 тысяч тонн (55 процентов).

При этом обязательно должны быть выполнены установленные задачи по снижению себестоимости и по качеству продукции.

2. Установить для остальных угольных районов Союза ССР производственную программу на октябрь — декабрь 1930 года в размере не менее 5 миллионов тонн.

Считая задание в 5 миллионов тонн минимальным, поручить Высшему совету народного хозяйства Союза ССР принять меры к увеличению этой программы и войти об этом с докладом в Совет труда и обороны в 10-дневный срок.

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР ***А. И. Рыков.***

Зам. управделами Совета народных комиссаров Союза ССР и Совета труда и обороны ***И. Мирошников.***

4 октября 1930 г. Москва, Кремль.

А. ФАРБЕР

Донбасс, группа пролетписателей «Забой»

ВЫЗОВ

Слушайте,
шахтеры,
уступы,
забои,
Индустрии
Встревоженный гул!..
Сердце завода
дает перебои...
В доменных
тише
клокочет чугун.
Уголь!
Уголь!
Черный,
хрустящий!
Гнев,
как огонь,
вырывайся из строк!
Медленно
клеть
вагончики тащит.
Ярко
сгорает
пористый кокс.

Лица людей,
подчерненные
доменной,
Не тронул огонь,
усталость
не тронула.
Руки —
чугунные колосники!
Мускулы
крепкой работы
требуют!
Домнам...
побольше бы
черного хлеба им!
Слышите,
горняки?!
Ни дня,
ни минуты,
ни часа
Не останавливайся,
уступ!
Вагонщик!
Быстрее
вагончики двигай!
Забойщик!
Врубайся
под бешеный стук!
Крепильщик!
Возьми
быстроту
в товарищи!

Бурильщик!
Спокойно
вставляй
запал!
Крепче
ударим
по трусости шарящей!
Никто не погасит
наш запал!

ЗА УГОЛЬ!

На сигнальный призыв рудничных гудков приходят к стальным копрам люди из Украины и РСФСР, из Белоруссии и Закавказья. Проходя душные горнила Донбасса, они закаляются в борьбе со слепой стихией. Великая переплавка людей кипит в подземельях, в огне социалистического соревнования. Шлаком всплывают из подземелий наверх и сносятся на историческую свалку рвачи и бездельники.

«Бездельник»... В эти дни героического трудового напряжения нет в устах углекопа более бичующего, более презрительного слова. Лодыри — мутная плесень на лесах нашей стройки. Это ржавчина на железе, грибок на дереве. Есть среди них и особенно опасные: прикрываясь рабочей блузой, стараются казаться «ярко-красными». На рабочих собраниях «преданно умирают» за советскую власть, чтобы извлечь из этого притворства шкурническую выгоду, а на социалистической стройке пакостят.

На Луганщине недавно тысячи старых сезонников объявили жестокий бойкот лентяям, отказывались даже есть вместе с лодырями, глядя на них, как на зачумленных.

— Не допустим.

— Они сосут кровь страны, выматывают жилы из тела Донбасса, развращают рабочий класс.

— Никому не позволим сорвать соцсоревнование, — сжимает кулаки отбойщик Шичанин. — Не дадим врагу потешаться над нашими трудностями.

В наши дни кличка «бездельник» — каинова печать на лбу. Лень и подлость — одно. Лень — чудовищное предательство на трудовом фронте. И сотни неустойчивых оступившихся рабочих поняли это, их охватил ужас перед собственной изменой рабочему классу, в них заговорила совесть, горячая жажда загладить свою вину.

Мощно гудит Донбасс, и это гуденье лишает сна его бывших хозяев, отброшенных в эмиграцию.

Шахтовладельцы Вагнер-Платоновские, Должинские и Пшибышевские перед бегством из Донбасса взрывали землянки шахтеров, тысячи людей остались без крова. Но углекопы выдержали лишения, пережили черные дни в собачьих ящиках и перешли в новые, светлые, революцией построенные дома. И если бы выкинутые за границу аристократы увидели, что «натворили большевики-азиаты», — заело бы их благородий. Паразиты от одного соприкосновения с кипучей энергией Донбасса пылью осыпались бы под горячим дуновением победоносной рабочей индустрии. Им остается, дотлевая на задворках истории, тосковать об утраченном могуществе и об огромных подземных богатствах, ускользнувших от них.

А богатства эти поистине необъятны. Старики утверждают, что в некоторых больших шахтах Донбасса уголь начали добывать еще в 1890 году. Сорок лет из недр земли черпают черное золото, но запаса его хватит еще на сотни лет.

Дикую, угрюмую степь покрыли высокие копры. В подземельях — 920 конвейеров.

С 1926—1927 гг. проводится механизация шахт. В начале 1928 года в забоях было 136 врубовых машин, а сейчас их 427. Имеется 750 электробурильных и 630 электросверлильных машин, 478 скреперов, 987 электролебедок и 48 электровозов. Шахты Донбассантрацита выбрасывают в сутки свыше 75 000 *т* угля. Вырастают сотни домов с серыми толевыми крышами. К Луганску, Дебальцеву, Харькову прокладывается шоссе, по которому будут ходить автобусы. На антрацитовых копях работает свыше 75 000 рабочих.

— Погодушка, братцы, стоит на ять: давайте строить да расцветать, — балагурит старый горняк.

Да, «погода» революции — лучшая погода для производственного размаха, для социалистической реконструкции и культурного роста Донбасса.

Огромное антрацитовое поле шахты № 1—2 «Социалистического соревнования» на Луганщине. Еще до гудка углекопы ударных бригад собрались в жарких забоях. Зашуршали врубовые машины. Квадратноплечие отбойщики, пристроившись на мокрых почвах пласта, долбят уголь.

Сегодня — наряд на 48 070 вагонеток. Приходили делегаты с шахт Хрусталевки, Боковки, Вагнеровки, Лобовки, Валентиновки.

— Ну, братцы, за полгода мы недодали двадцать три процента по себестоимости и по плану. Давайте состязаться.

— Грянем, чорт дери! — крикнул старый Денис.

Восемь больших шахт вступили в состязание.

Жюри — старые кадровики и весь рабочий класс Советского Союза. По радиосигналу «Вперед за пятилетку» 13 870 горняков бросились сражаться за промфинплан на самых опасных и тяжелых участках трудового фронта. Тысячи сезонников также дружно и отважно кинулись в кипучий трудовой котел.

Шахты Боковка, Лобовка и Вагнеровка — наотлете. Ветер хлещет в степи над отрезанным подземельем в 470 *м* глубины. Рвачи к апрелю позаваливали забои и работали через пень-колоду, не выполняя и 17% программы. А явились штурмовики — и забои спасены.

Шахты Верхне-нагальчанские и Платовские то и дело кричали о прорывах.

— Сойдем с черной доски, — заявили углекопы и смогли дать 4 870 вагонеток сверх нормы.

Около 8 000 горняков с производственным стажем от 39 до 45 лет организовались в ударки «старые костяки». В состязание вступили свыше 19 000 сезонников. Появились подземные бригады красных лазутчиков, охватившие 13 785 человек. Они ударили по бюрократизму и волоките, потребовали ускорения подготовительных работ; в результате по подземелью треста было прорыто 1 870 уклонов, 327 новых забоев, сделано по району 785 печек.

На шахтах Хрустале, Мушке, Тер-Давыдовке и Васильевке лентяями были запущены ходы лавы. Ударники ринулись туда и устроили вязы.

Начались опасные осадки забоев и лав на шахтах Должанке, Ровеньке, Боковке. Тихое пощелкивание стоек, треск...

— Ого, матушка-земля запузырилась...

Трусы сдрейфили и улизнули, но ударники не

отступили и спасли сотни врубовых машин, не оставили даже грудки угля, похороненной под глыбами. Когда закрепляли 480 забоев, подземная стихия будто издевалась, пощелкивание переходило в орудийные гулы и, казалось, рушилась земля. Буйный смерч мчался по ходам, по выработкам. Стонали подземные лабиринты. С треском рвались и летели вентиляционные двери. Скручивались рельсы. Но углекопы тверды. Ни один не сорвался с поста, не побежал. Угомонили чортову утробу. Ни один забой не вышел из строя. Разрезали 345 новых забоев.

Осадки лав приносили страшные убытки. Шахтеры додумались делать искусственную осадку лав, — не так, как хочет земля, а как хотят люди. На искусственной осадке за девять месяцев получено 750 850 рублей чистой экономии.

На шахтах Шварцовке, Дзержиновке, Щетовке, Свердловке, Северянке, Леонтьевке, Фоминовке и Давыдер-Щегловке в 173 забоях затрещали крепи. Сезонники впали в панику и едва не подушили себя в каменных мешках. И здесь выручили ударники. Они не только не дали завалиться ни одному забою и ни одной печке, но еще добыли по этим шахтам 32 840 вагонеток угля. Сезонники из робости не смогли взять пять перевалов донецких пластов; ударники раскосили 147 новых раскосок под новые пласты. Каждый был отбойщиком, бурильщиком, крепильщиком. Никто не дрогнул, все твердо выстояли на посту и обеспечили шахты подготовительными работами на 9—10 лет.

Старые хребтовики-кадровики работали образцово. Суровые лица, жилистые тела, сухие скулы, глаза, устремленные в землю...

— Всю землю в руки заберем, скрутим.

Штурмовые рати перекликаются между собой огнями диаграмм. Особые вечерние сигналы призывают отстающих к усиленной работе. За первое полугодие 1930 года Донбассантрацит имел задание правительства на 878 810 *т*, а дал 997 884 *т*.

Каждую смену ревет особая сирена — сигнал соцсостязания. В мощном порыве тысячи людей вгрызаются в пласты. Блестят кирки — и воздух подземелья полон скрежетом и хрустом.

Первые краснозвездные штурмовки были созданы еще в прошлом году на шахтах Яковенке, Верочке, Анненке, Боковке. Затем соревнование охватило 80 шахт и 58 поверхностных цехов.

Массовое выступление в краснозвездный поход состоялось 12 апреля. В подземельи неожиданно зазвучали духовые оркестры. Небывалое дело: добыча угля под музыку. Красные звезды в забоях.

Вечером тысячи факелов врезались красными языками в пасмурную темноту. Прожекторы сверлили степной мрак. Шли стройные фаланги краснозвездников с огненными плакатами:

«Дадим стране сорок миллионов тонн угля»

От рудничных клубов на общий митинг мощным напором двигалась ударная сила. Впереди несли сотни красных звезд. Духовые оркестры рвали ночную тишь маршем «Борьба за уголь», углекопы пели «Буревестник». Факелы трещали, роняя клочья пламени. Обыватели шарахались от красного шахтерского огня.

В балке «Освобожденный Донбасс» борцов за черное золото встретил протяжный гудок. Старый Абдул с

трибуны, сложенной из глыб угля, зачитал рапорт краснозвездников советскому правительству, потом, повышая голос, сказал:

— Закрепим красные звезды на копрах. Нам надо сделать все заводы, фабрики, колхозы краснозвездными.

В ответ — дружная шахтерская клятва перед компартией и советским правительством выполнить угольную пятилетку в четыре года.

Широко по степи раскатилось «ура». Клялись тысячи. Сияли лозунги на стенах копров:

«Накормим индустрию углем»

Тысячи молодых сезонников получили первое угольное крещение.

Старая откатчица, татарка Мухаметова, сказала:

— За уголь и мы, женщины, будем бороться до последней капли крови.

Звуки «Интернационала» — и тысячи красных звезд по особому сигналу загорелись на копрах шахт Донбассантрацита.

Эта историческая ночь не будет забыта никем из горняков, выступивших в великий поход.

В Краснолуцком районе, на антрацитовых рудниках треста Донбассантрацит, проходится 63 новых шахты. Работа проходчиков исключительно тяжела, и все же эти «разведчики черного золота», «глаза Донбасса», соцсоревнованием добились в полтора года того, чего предполагалось достигнуть в пять лет.

Хороший проходчик-«крот» чует в утробе земли, где есть уголь, а где нет. Без проходчиков невозможно строить шахту. Они пронюхивают, стоит ли в таком-то

месте закладывать ее, или тут в трубу вылетишь, не дав и куска угля.

Едва загорелся рассвет, а проходчики уже в душистом поле, возле огромных треугольных вышек Шахтстроя, вооруженные электробуравами, которые вонзают острые жала на 1 200 *м* глубины...

Пропахшие мазутом люди снуют мимо закопченных будок, мимо колючей проволоки, которой обнесены вышки. Проволочные струны звенят под ветром, к ним густо льнет зеленый бурьян. Со свистом крутится рудничный пыльный смерч.

Главный бригадир, седой Яков Солодок, одетый в серую куртку, стоит на вышке. Солодок 47 лет отработал в подземельях. Он громко порицает рвачей, летунов, которые праздно шатаются тут, сбиваются в кучки.

— Братцы, да разве при такой стройке можно слоняться без дела? Эх, стыдились бы...

Он волнуется, энергично размахивает буравами.

— Нужно, братцы, подтянуться. Вот я вымерял еще вчера все до единой бурки — и выходит, что сейчас мы обязательно должны пять проходов пройти — и никаких гвоздей. Я промерял так, что и на один дюйм не ошибусь. Всем одинаковая глубина и крепость кряжа.

Солодок провел все пять бригад от одного конца поля вышек до другого, показал, как он разделил работы на три равные части. Вот сигнальные взрывчатые бикфордовы шнуры... Более тысячи рабочих готовы рвать землю.

— Ну, две бригады обслуживают, а три соревнуются. Все три начинают бурить, как только я выпалю главную бурку. Которая бригада вырубит первой и лучше всех, получит звание краснознаменной ударницы.

Соцдоговор подписали, так надо доказать, что мы до конца люди-герои.

— Верно, верно, дедушка! — отозвались углекопы в замасленных блузах.

Солодка слушали готовно, смотрели на него с уважением. Хоть и старик, а какой крепыш! Шутка сказать: он может работать один за троих, он в работе обогнал всех.

Ударники волновались не меньше, чем Яков Филиппович. Всем было известно, что три лучших бригады проходчиков Луганского округа будут состязаться до конца пятилетки. Это — не рекордсменство, не парадное состязание, не конкуренция в пользу капиталистов, а каждодневный упорный бой за уголь ради себя, ради социализма. Кто заработает сегодня первое место в почетной борьбе.

Проходчики готовы были в любую минуту взяться за дело. Все три бригады собрались полностью. Пришли даже «вечные лодыри». Тысячи свободных шахтеров собрались посмотреть на ударную работу.

Проходчики приготовили электробуры и сверла и ждали сигнала. Солнце уже припекало землю. С шахт несло горячим газом и горьковато-сладким запахом мазута. Все сбросили с себя куртки, остались в одних рубахах с открытым воротом. Загорелые груди блестели, как медь. У каждого рукава засучены до локтей, каждый опоясан толстым кожаным поясом, обут в кожаные сапоги с высоченными голенищами. На руках — резиновые перчатки.

Вышку № 1 им. «Наши достижения» занял со своей бригадой старый шахтер, бывший буденовец, а теперь бригадир Константин Галанкин. В бригаде его

дюжие как на подбор хлопцы. Сам Галанкин — статный, высокий, жилистый, лет 47. Лицо в морщинах, прямой нос, белокурые волосы свисают на высокий лоб.

Голубые глаза были устремлены в землю, но в то же время зорко схватывали все, что делалось по сторонам. Длинные ресницы почти касались щек. Он казался великаном. Галанкин стоял неподвижно, держа огромную штангу, и время от времени покрикивал:

— Братва, готовься к сигналу!

В бригаде переговаривались:

— Не подкачаем.

— Год боролись, а уж теперь ради праздника и не так дернем...

Вторую вышку — им. т. Сталина — занимал старый Юхим Братишков, жадный до работы, толстый и невысокий, с мясистыми руками. Широко расставив ноги, он говорил ударникам:

— Ну, чтоб пороху хватило, ребятки, чтоб моим рыжим усам и голове белыми не стать.

— Не сдадим, — отвечала бригада, заложившая восемнадцать шахт.

С вышки № 3 им. т. Молотова грубовато-добродушно басил «чудаковатый», с веснущатым лицом, с козьей бородкой, с черными усиками бригадир Алеха Яхимов. Весело откликались задорные боевые ребята. Ничего, что они худы и выглядят старше своих лет: в работе каждый гору своротит и разделает под орех. Каждый твердо стоит на ногах и смотрит на землю, как орел на добычу.

Свисток. Яшка Солодок запалил Бикфордов шнур. Грянул оглушительный взрыв. Степь дрогнула. Началось социалистическое состязание.

Сотни мужчин пришли к штангам. Завертелись, щелкнули, выключатели, штепселя, зачмыхали моторы, забренчали электросверла, заскрежетали буравы.

Одним общим рывком левые руки проходчиков сомкнулись вокруг ручек сверлильных машин. Потом все схватили инструменты. Блеснули молоты, кирки, поддиры, трахнули и затокали пластогрызы. Степь трещала, словно огромному чудовищу ломали хребет. С неимоверной силой прорывался подземный гул, и три громадных черных пасти выплевывали столбы пыли и груды камней. Казалось, в недрах земли бушует гроза. Вышки дышали полной грудью.

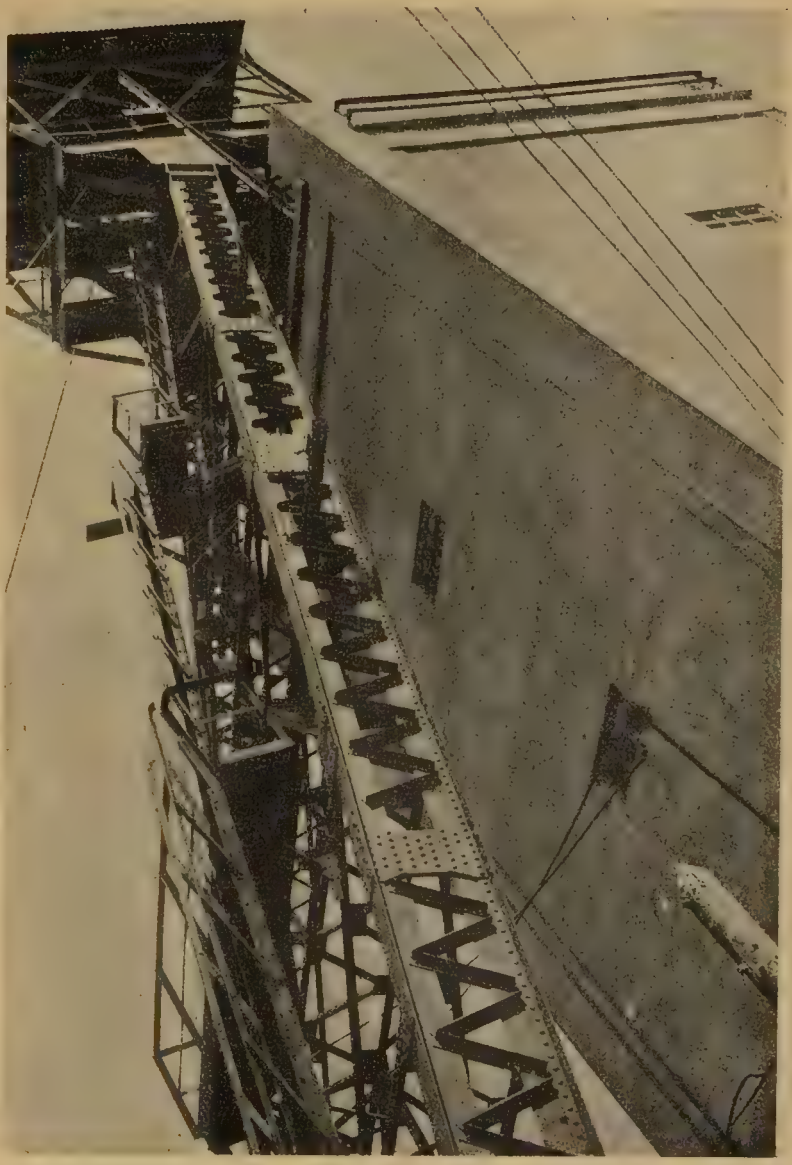
— Поглубже! Покрепче! Свинчивайте штанги! — кричали бригадиры.

Проходчики бросали штанги одну за другой. Звон железа, запах бензина... Каждая бригада спешила, запыленные фигуры сквозили в смерчах пыли, словно кони, прорывающие грудью дымные завесы боя. В мощных взмахах человеческих рук, в непрерывном движении был какой-то непередаваемо бодрый, захватывающий ритм.

Камни пробивали затравками, потом травили взрывами и снова бурили. Ребята более сильные, пробуравив свой пай, помогали отстающим. Работали дружно, не считаясь с тем, где тут «твое» и «мое». Галанкин возился в киселе грязи и мазута, направляя штанги. Его лицо почернело. Он скинул рубаху. Мускулы так и играли по всему телу. Пяти- и восьмипудовые штанги он бросал, как дрова. Работа горела в его руках.

На вышке Сталиновке Братишков орал:

— Я понимаю, кому работаю, и чтоб я поддался, меньше сделал! Да пропади я пропадом!



Горловка, шахта № 19.

Бригада напала на железный хрящ — кряж.

— Даешь острее бур!

Братишков сам, хрипя, бросился бурить. Казалось, он хочет пробить землю насквозь, — вот-вот из глубочайших тайников ее хлынет наружу огненная лава.

Ударники пробили три больших кряжа. Подростки обливались потом, но, пересмеиваясь, не уступали старшим.

На вышке № 3, Молотовке, работали мерно, четко, чтобы не запариться без пользы, как это бывает при работе вразнобой, «давкáми». Проходчики сосредоточенно, не горячась, чеканили удары, не меняя пауз, не глядя по сторонам. Пробуравили пять здоровых жильников дикого камня; раньше это бралось неделями, а теперь взяли за несколько часов.

Солнце поднялось на середину неба, жарило нещадно. Ни малейшего ветерка. Поднятая пыль неподвижными столбами стояла в воздухе.

— Па-а-асмотрим, кто еще возьмет знамя и красную звезду! — серчая, кричал Галанкин.

Над Алехою Яхимовым бригада подшутила.

— Ну, знаешь, Алеша, из сил выбились.

— Братцы, — взмолился он, — не позорьте своего имени!

— Пошутили, Алеша, пошутили. Выдержим.

Поплевав на ладони, сотни парней схватили кайла и принялись за работу.

— Ха-ха... Бейте, молодчики, бейте, — хихикали обыватели.

— А что же! И будем бить! Жили на осьмушке хлеба, на вараньей кожуре, ели ржавую селедку — и то

били. А сейчас, чорт вас задери, всему старому миру голову раскроим!

— Били, бьем и будем бить! — крикнул ударник Петька Тиньков. — Шипеть приползли, подзуживать нас!

— А ну их, пусть гавкают, — отмахнулся презрительно Яшка Солодок. — Давайте-ка главный шпонт бура, — протянул он кряжистые, с язвами от динамитной окиси руки. — Ответим-ка им...

Солодок ворочал камни, как бугай ворочает копны сена.

— Э-э, дедусю! Молодцом.

— Ого, мне хоть и пятьдесят семь лет, а так сдану, что держись.

Зрители кричали восторженно:

— Солодку браво! Браво!

Ребята работали еще горячей, дразня притихших шептунов, доводя их до бешенства.

— Эй, вы, христосики, — кричал Алеха Яхимов, — глядите!

Солодок вдруг воскликнул:

— Братцы, вот уголь! Все три бригады достали. Пласт! Пласт! Я чую, слышу, как буры и штанги пошли в уголь. Угля, угля достали!

Старик только что не подпрыгивал от радости. Через минуту-другую огромнейшие струи черной, как смола, пыли подтвердили, что он не ошибся.

Жюри присудило знамя и красную звезду всем трем бригадам.

...Прохладный майский вечер. В небе — ни облачка, только на западе, куда опускается в огненном зареве солнце, еще плавают, играя, сизые предзакатные тучки. Не смолкает грохот. Льется бодрая песня. Проходчики

поют о взрытых полях, о новых заводах. Весь Донбасс кажется осыпанным золотой пылью, но в густых лесах труб еще распластывается ночь. На буйных шахтах здесь и там дрожат тысячи электрических огней. Степь будто качается в цветных огнях; они переливаются, моргают, вспыхивают. Всюду на копрах горят красные звезды. Плещутся флаги на краснозвездных вышках проходов.

Здоровый запах полыни смешан с запахом паровозного дыма. Всюду сухой треск неугомонных сверчков. Степь ожила после жары и, кажется, дышит глубокими, могучими вздохами. Протяжно гудят гудки, захлебываясь, обрываясь и снова запевая резко и призывно. Тысячи идут на ночное состязание.

Проходчики после трудового дня спешат в клуб.

— Ну и ответили же мы шептунам! Подумай: пробили триста семьдесят метров. Три новых гиганта завтра будут закладывать, — сказал Яшка Солодок.

— Айда, ребята, подзакусим, отдохнем — и снова за работу. Помнить будем, что соцсоревнование — не парадная церемония, а упорный труд — ежедневный, ежечасный.

М. СМОЛЕНСКИЙ

КОММУНА ТРИНАДЦАТОЙ РАСКОСКИ

На Анненке, на западном уклоне, в тринадцатой раскоске образовался коллектив. Он вырос стихийно и оформился самотеком. Его сбили и сцементировали «наши тамбовские земляки» — четыре Ломакиных: Федор, Иван, Николай и Степан, два Бубновых, два Парамзиных и один Корабельников.

Первые месяцы ударный коллектив работал на «подпольном положении»: его не признавали ни шахтком, ни союз. И тот и другой дружески журили и по-отечески наставляли:

— Вы пошли против закона. У вас общий котел, вы делите заработок поровну. А так нельзя. Вы ломаете союзные ставки — у вас забойщик и зарубщик получают столько же, сколько саночник и вагонщик. У вас нельзя установить нормы. Опять выходит не по закону. Закон против вас и вы против закона. Понимаете?

Четыре Ломакиных и два Бубновых начали оправдываться, клялись, что они «за советскую власть», и пытались доказать, что в коллективе работать и лучше и легче.

— Так-то оно так, — отвечали им в шахткоме, — только у нас насчет вас нет никаких директив и инструкций.

Однако коммунку на тринадцатой раскоске не разогнали, но обследовали и учинили строжайший допрос с пристрастием.

А не старая ли это артель? Знаем мы эту лавочку: выберут одного земляка артельщиком, сам он ничего не делает, покрикивает да похаживает, получает могарычи и вырастает потом в подрядчика.

Последили за работой на тринадцатой раскоске — нет, не артель.

Работают дружно, действительно коллективно: все за одного и один за всех.

Вызвали десятника, заведующего участком:

— Что за коллектив? По каким таким инструкциям?

Десятник, однако, вступился за коллектив горой и привел доводы очень убедительные. Во-первых, с этим коллективом никакой канители; во-вторых, в тринадцатой раскоске внезапно исчезли все технические неполадки; в-третьих, у них в коллективе такое правило: весь уголь «нарубать» и весь же «выдать на гора»...

Эти доводы окончательно сломили и шахтком и союз, и, поговорив между собой, оба решили:

— А ну их к лешему. Пусть работают.

Так был легализован и утвержден коллектив тринадцатой раскоски. Он работает и сейчас при поддержке и помощи хозяйственников и при выжидательном отношении союза горняков.

Больше всего всех удивляет и радует, что в тринадцатой раскоске нет технических неполадок. А неполадки буквально заели все шахты. Что такое неполадки? Будет лучше ответить, пожалуй, на этот вопрос выдержками из стенографических записей шахтерских совещаний:

— Подписали мы договор на соревнование, а его нельзя выполнить. Путя побиты, вода съела рельсы, вагоны косые, из ремонта выходят кривые. Грязь. Ходишь по грязи, как журавль — туда, сюда. Просишь народу, говорят — нету. Стрелки неисправны. Буришься каждый раз. В партии не меньше трех вагонов забурится. Начинаешь их поднимать, всех вспомнишь: и администрацию, и шахтком, и чорт его знает кого, и вспоминать-то больше некого. Выйдешь «на гора», спина отойдет, ну поговоришь, поговоришь... не обращают внимания.

— Иду я однажды коренным штреком, — говорит другой. — Сверху кровля стращает. Порода сыплется. Стоят коногоны — поглядывают. Только проехали, завалило пудов двадцать. Вот почему у нас и добычи недодача. У каждой лошади лоб разбит. Дуги какие-то сверху висят, кровля садится.

Вот все это вместе взятое и помноженное в тысячу раз и называется в шахтах техническими неполадками. В них виноваты и рабочие, и администрация, и техники, и инженеры, и даже так называемые «объективные» причины.

А в тринадцатой раскоске технических неполадок нет.

В обычных местах, где работают по-старому, — в лавах, забоях, участках, в штреках и на бремсбергах, — дело обстоит иначе.

Или грязно, или слетели рельсы, или оба пола на пути — словом, по какой-либо причине, а причина, как известно, всегда найдется: забурилась у коногона груженая партия, — несколько вагончиков сошло с рельсов. Одному человеку их не поднять. Коногон выругался

и пошел к десятнику движения. Десятник может быть на другом участке и на другом уклоне, чуть ли не в другом конце шахты. Короче говоря, десятника надо еще разыскивать. Наконец десятник найден. Коногон просит у него людей помочь поставить на рельсы забурившиеся вагончики. Сначала они побранятся, поругаются, потом пойдут вместе с десятником «на место происшествия», — десятнику надо проверить, по какой такой причине забурилась у коногона партия. В самом деле, в чем причина?

Десятник начинает корить, — быстро, говорит, ехал. Коногон в ответ:

— Да ты посмотри — грязь какая. Путя почему не чистят? Вагончики косые — смотри сам. Почему косые? Из ремонта такие выдают. Шпалы гнилые — почему не меняют? На лесном складе...

И пошло, и пошло, и пошло. Тысячи причин. Миллионы. И причины-то все веские, убедительные.

Десятник идет разыскивать людей в помощь коногону. Коногон садится и ждет этих людей. Лошадь, понурив голову, стоит.

И на этом участке стоит в шахте все движение. Забойщики «рубают» уголь, но он не будет сегодня выдан «на гора», не будет погружен в вагоны. Проходит час, другой, третий. Коногону выписывают «конторскую упряжку» — средний заработок. Не он ведь виноват в простое — технические неполадки.

На Анненке, в тринадцатой раскоске, в коллективе дело обстоит иначе. Работники коллектива сами несут весь мелкий технический ремонт: отлетела на путях рейка — сами прибьют, забурилась партия вагончиков — сами поднимут, не успевает вагонщик выполнить норму,

помогут ему коллективно, и норма будет выполнена и даже перевыполнена. Запарился в работе саночник — у него «дальняя тяганка», слишком далеко надо волочить санки с углем — ему помогут, но уголь весь будет в вагончиках. И не спрашивают, будут за это записывать или нет.

Коллективный труд, коллективная ответственность, поистине социалистическая дисциплина труда и коллективный порядок! Они с превышением на пять процентов выполнили задание, у них повысились производительность труда и заработная плата. У каждого из них повысилась личная ответственность. Нет, конечно, прогулов.

Как же все-таки пришли к коллективу «наши тамбовские земляки»?

Сами они объясняют это просто: им надоело каждый раз ругаться с администрацией по поводу тех или иных технических неполадок. Из-за этого они сами решили организовать свою работу, раз техник и администрация не сумели этого сделать. Заработок они делят поровну потому, что только при такой коллективной работе заработок у них повышается. А вместе с тем растет производительность труда.

Хозяйственники поддерживают их потому, что коллектив все время перевыполняет задание, и потому также, что в коллективе нет технических неполадок. Ячейки — партийная и комсомольская — стоят в стороне: в коллективе нет ни одного комсомольца и коммуниста.

И никто палец о палец не ударит для того, чтобы влиться в коллектив и оформить его политическое лицо. Вот работает коллектив уже несколько месяцев, и никто оттуда не вступил еще ни в партию, ни в комсомол,

никого не выдвинули на работу в профессиональные и общественные организации. Ни на одном производственном совещании не было доклада коллектива.

А ведь совершенно очевидно, что коммунка, коллектив на тринадцатой раскоске — это группа социалистического труда. Политические задачи пятилетки требуют новых форм организации труда. Шахтеры тринадцатой раскоски в поисках этих форм организовали коллектив-коммунку. Коллектив выступает как хозяин тринадцатой раскоски и вместе с администрацией шахты несет за раскоску политическую ответственность. Коммунка добровольно приняла на себя все тяготы технических неполадок: приняла потому, что в социалистической шахте неполадки должны умереть. Именно поэтому коллектив по-новому организовал свой труд и, вопреки профсоюзным канонам, объявил борьбу старому укладу.

Шахтком, союз горняков, спокойно наблюдая за работой коллектива, проглядывают основное: коллективный договор накладывает двухстороннее политическое обязательство. Ставки и нормы выработки подчинены прежде всего взятому на себя политическому обязательству. Это лучше понимает коллектив тринадцатой раскоски, чем шахтком и краснолучский союз горняков.

Именно здесь — в ударных бригадах, коллективах и коммунках — куется наметка в деталях неизвестного еще плана социалистической перестройки шахты. Именно здесь раскрываются новые силы и новые, еще невиданные возможности. Именно отсюда — из коллективов, коммунок, ударных бригад — начнутся коренные перестройки шахты и реорганизация производственных процессов.

В коммунках новые ритмы работы и новые хозяйственные стимулы. Здесь уравнительность способствует повышению производительности труда. Здесь все восстает и вопиет против узаконенных профсоюзных канонов.

Социалистическое соревнование произвело перегруппировку людей, своеобразное классовое расслоение на шахтах. Стали отчетливыми и ясными, как никогда, энтузиасты и обыватели, рвачи и пролетарии. Авангард пошел работать в ударные бригады, в коммунки и коллективы. Перед профсоюзом встал вопрос: по кому равняться? По авангарду или по всем? Равняются, надо признаться, по всем, а не по авангарду. Отсюда по отношению к коммункам, к коллективам такая узость кругозора, такая величайшая близорукость. Нельзя же к ударным бригадам, коммункам и коллективам подходить по старой традиции с общей меркой и шаблоном. Нельзя, наблюдая энтузиазм в забоях, проявлять к нему аппаратное недоверие и казенное равнодушие. У членов коллектива тринадцатой раскоски свое хозяйство в деревне Кулеватово, Моршанского района, Тамбовского округа. Разве не входит в задачу того же шахткома направлять коллектив тринадцатой раскоски на организацию колхоза в деревне Кулеватово?

Это равнодушие губит не только коммунки и коллективы. Оно гасит энтузиазм и разваливает социалистическое соревнование.

Соревнование было начато в Донбассе с огромным энтузиазмом. Этот порыв организации не сумели закрепить, и он не дал поэтому тех результатов, которых от него ждали. За парадом, за шумом не везде шли такие же дела. Во многих местах к соревнованию подошли формально, кое-где даже каррикатурно.

По шахтам Краснолучского района разъезжал одно время начинающий газетчик, очень унылый человек. Он заворачивал на несколько минут в шахтком и спрашивал угрюмо:

— Вы подписывались?

— Нет.

— Ну, подписывайте.

Ему подписывали, и он, унылый, ехал дальше. Так одна шахта вызвала на соревнование другую и другая — третью. В Кадиевском районе таким способом записали соревнующимися две шахты: «Марию» и «Крупскую». Шахтеры об этом соревновании так ничего и не узнали, а шахткомы через полгода соревнование прекратили — никто, благо, о нем не знал, не было никаких показателей, никто ни за чем не следил и не беспокоился.

И сейчас еще нельзя сказать ни про один шахтком, ни про один райком, что вот здесь союз стал во главе социалистического соревнования, что союз наконец возглавил порыв и энтузиазм.

Шахтеры идут на соревнование с большой охотой. Любители выражаться образно и витиевато говорят: в Донбассе вскрыты пласты энтузиазма. Это верно. Такие пласты действительно вскрыты. Но вот на шахте имени Крупской между хозяйственниками и шахткомом заключается договор на «соревнование по вовлечению рабочих в социалистическое соревнование». Союз «записал» сто шестьдесят человек, хозяйственники — семьсот пятьдесят.

На мойке шахты «Ильич» рабочие заключили между собой договоры на социалистическое соревнование. Цехком узнал и взбесился:

Горловка, шахта № 19—20. На работу, с пневматическими молотками.

— Кто так без нас? Кто разрешил? Какие договоры? У нас есть свой цехкомовский, стандартный. Вот он, читайте: «Смело вперед за осуществление социализма».

Рабочих припугнули, некоторые из них начали снимать свои подписи, — исключат, чего доброго, из союза. В дело вмешался райком, и договоры на мойке остались в их первоначальном виде.

Доски соревнования, имеющиеся на шахтах, заполняются так, что в них никогда ничего не поймешь.

Социалистическое соревнование — индивидуальное, между шахтами, лавами и участками — не дает еще полного эффекта главным образом потому, что союз и другие организации не умеют руководить и возглавить.

Желание шахтеров продолжить начатое соревнование, закрепить его как-то организованно, приводит к созданию ударных бригад, коллективов, коммунок. Они вырастают стихийно и организуются в громадном большинстве своем самотеком. Каждый коллектив, каждая коммунка после одного-двух месяцев работы вызывает к себе колоссальное сочувствие и интерес. На той же Анненке образовался коллектив в нольной лаве на востоке и еще один. Ударные бригады, коммунки, коллективы несут за собой организацию не только отдельных производственных процессов, но и всего производства. Четкая работа коллектива ясно выявляет неполадки в других местах шахты. Вот вагоны кривые, — значит наверху, в ремонтном, плохо поставлена работа. Не хватает порожняка, — значит откатчики и стволовые работают не так, как надо. Надо реализовать сотни производственных предложений коммунок, а этого сейчас почти не делается. Появляется единая расчетная книжка, надо, стало быть, менять

учет, кое-где видоизменять и нормы и тарификацию. Коммункам и коллективам придется, очевидно, дать и некоторые технические права и некоторую техническую самостоятельность.

Социалистическое соревнование переходит в высший свой вид — в соревнование форм и методов работы. Новый социалистический труд агитирует и убеждает лучше стандартных профсоюзных договоров. Коммунки и коллективы ведут борьбу с неполадками во всей шахте. Тому же коллективу тринадцатой раскоски приходится посылать одного саночника каждый день на бремсберг ловить и захватывать порожняк. Порожняка в шахте хватает, но распределение его поставлено никуда негодно.

Против коммунки ополчились рвачи. Месяц они срывали им заработок и норму — воровали номера с вагончиков. На каждый вагончик навешивается номер. Наверху антрацит взвешивается, и этим определяются и выработка и заработок. И вот в течение месяца у коммунки тринадцатой раскоски воровали ежедневно по пять, по шесть вагончиков. Думали этим добить. Не добили. Коммунка выжила.

Нужны коммунки, коллективы, ударные бригады и в шахтах, и в сортировках, и на мойках — везде. Только они смогут поднять производство на невиданную еще высоту, только они смогут сверху донизу шахту реорганизовать. Именно они воплощают в жизнь ленинскую формулировку о том, что коммунизм — это задача создания высшей формы производительности труда. Сроки нам даны короткие. Нельзя быть равнодушным и только наблюдать за работой коммунок и коллективов. Надо их организовывать, поддерживать и развивать, может

быть — даже обязательно — вопреки догмам, канонам, шаблонам, меркам. Ведь совершенно ясно, что главной причиной производственных провалов Донбасса является недостаточная мобилизация шахтеров вокруг конкретных заданий второго года пятилетки.

Нельзя декретировать уравнительность, но никто этого и не предлагает. Надо улавливать опыт миллионов, творчество шахтеров и политически и организационно закреплять его. Нельзя быть «холодным до этого дела».

Именно этого требует коммунка тринадцатой раскоски на западном уклоне шахты Анненка.

Донбасс, Луганск.

ЖЕЛЕЗО! УГОЛЬ! ОГОНЬ!

Рвутся страсти сквозь строй плотин,
Льются дымным потоком,
Буржуйские сохнут под ними луга.
Там, где прокатится их река,
Мягкой вовек траве не расти
Для услады барского ока.
Не останется дряблой там красоты,
Стальные там прорастут цветы —
Стальные там прорастут цветы:
Бей,
Земля,
Бей!
Зачем так долго давала плоды
В барские амбары, в господские склады?
Бей
Барина,
Бей!
Говорили одни:
«Не знает
Он языка:
«Сплетать гирлянды слов в летуче-звонкий ряд,
В вино отстаивать словесный виноград,
В любовной ярости стенать, истомно плача,
О грусти вечера, о взгляде звезд ночных,
Об умирании, о радостях больных...»
Вот так — писать. А жить — иначе».

Разве может такое —
Поток чугуна,
Поток чугуна,
Железа,
Угля,
Огня?
Говорили другие:
«Пусть поэзия
Знает
Природу одну:
Остановиться у пруда
И слушать странный звон
В ночи — прозревать чудо
Дышащих далью миров,
В объятиях любимой тая,
Смерти тайно желать,
Когда осень придет золотая —
Тихо взывать:
Клонится день угасающий,
Смолкает природы клир...
О мир, уходящий мир,
Мир, меня покидающий...»
Как мог бы такое —
Поток чугуна,
Поток чугуна,
Железа,
Угля,
Огня.
А третий кричал:
«Бой идет за ветчину
В буржуазном строе,
Остальное — ни к чему,

Баловство пустое!
Дай ты классу колбасы,
Хлеба кус отрежь ему:
Он по горло будет сыт,
А стишонки — к лешему!»
Но и это зальет
Поток чугуна,
Поток чугуна,
Железа,
Угля,
Огня.
Нестройный голос, летящий звеня!
Нам тысячу лет зажимали гортани,
И в час, когда можно слово сказать,
Оно захрипит пересохшими ртами —
Всей жизнью выношенная гроза!
Но правдиво оно,
И силы полно,
И голос неровный жжет, как пламя,
Как поток чугуна,
Поток чугуна,
Железа,
Угля,
Огня!
Он не молит о ласках буржуйских шлюх,
Он к надмирным пространствам глух —
К пространствам, где жизнь замерзает,
Где «души» будто бы застывают,
Глаза покорно закрыв,
Чтоб не знать ничего о настоящем мире...
На деле
Все эти иные миры

Воспеваются
В очень уютной квартире!
Как бы мог такое знать,
Как бы мог такое лгать
Поток чугуна,
Поток чугуна,
Железа,
Угля,
Огня?
Если видит он море —
Он слышит: поют
Рыбаки, возвращаются с лова.
От зари до зари — тяжелый труд.
Надсадно хрипит
Соленое слово.
Если видит он гору,
Он видит рудник —
Железо, олово, медь.
Здесь ночи черней промозглые дни,
В сырой подземной тьме.
Олово, медь, железо — металл.
Труд,
Труд,
Упорный,
Угольный сор в глазах горняков,
Бурые мышцы у горна,
На ручке крана пальцы лежат,
Работают твердо и ловко:
Эти черные пальцы в дни мятежа
Сумеют зажать винтовку!..
Вот это видит —
И ясно видит

Поток чугуна,
Поток чугуна,
Железа,
Угля,
Огня!
Он острые скалы лавой зальет,
И, как пух, исчезнут они.
Он плюнет на них и рванет вперед:
Наши настали дни!
Борьба набухает, как пар в котле,
Как мышцы на руках,
Загораются страсти, шесть тысяч лет
Молчавшие в тисках.
Так пусть же
Все,
Что стоит
На пути,
Они зальют и пожрут!
Класс
Вершит
Суд!
Класс
Вершит
Суд!
Пусть ужасом будет земля сожжена,
Пусть катится дальше
Поток чугуна,
Поток чугуна,
Железа,
Угля,
Огня!

Перевел Александр Ромм.

ИЗ ПОЭМЫ «ПЯТИЛЕТКА»

1

. . . . . .

— Слышь,
товарищ «Мария»!
Ни газ,
ни порох,
ни динамит
не остановят тебя
ни на миг.
Заполним прорыв
вагонетками груд,
упорством,
борьбою большею
за новый,
за механический труд,
без риска
за жизнь рабочую!
Пойдем
буксирными группами,
забудем
кротовью ройку.
Дорогу
машинам врубовым,
проходкам новым
дорогу!

Вы в ухо земли
кайлами бухали,
был яростен
плеч обугленных вымах.
Вы в дни пятилетки
мечтали об угле,
как прежде
Петрарка
мечтал о любимых.
И славя добычу
каждого грамма,
что вынул
из черных пластов
горняк,
коксовой печью
встает диаграмма,
на угольных
выросшая
корнях.
Топки от голода
прямо вспухли,
топлива мало —
топок стон:
шахты давали
доселе угля
35 миллионов
тонн.
Выдай
земное лоно,
Урал!
Кузнецк!
Дон!

75 миллионов
черных
блестящих тонн.
Донбасс —
окоп!
Масла
и газ!
Пород горючих
помесь,
Ясиноватая...
Луганск...
Макеевка...
Артемовск.

2

С Днепропетровском
вперегонки
ночь
факелами
мажа,
идут металлисты
и горняки
морем
мерного марша!
В глуби шахт
кайлом кроши
угольные
толщи,
угля,
нефти
и машин

дай,
товарищ,
больше!
Локомотив
поет на бегу,
лава колонны
сверглась.
Прямо,
тартальщики,
из Баку
На Сталинград,
На Свердловск!
Чтобы лавой
шла страна
тракторовых
полчищ, —
стали,
нефти,
чугуна
дай,
товарищ,
больше!
А ну, комсомольцы,
подбавь огня
в топки
всех заводов,
выполним,
годы перегоня,
пятилетку
в четыре года!
Волгодона
синий ров

врежем
за Поволжьем,
хлеба,
хлопка,
тракторов
дай, товарищ,
больше!
Сплошною колонною
сдвинулся класс,
спрессованный волей
настолько,
как будто сдвинулся
горный пласт
от Минска
до Владивостока!
Водопады,
лейте
в лад!
Будем
волны
морщить!
синих гидро-
киловатт
дай,
товарищ,
больше!
И каждый нес
в руке инструмент,
но инструмент
не только, —
у каждого был
на плече ремень

и на ремне
винтовка!
Велико
врагов
кольцо
рядом
пушки
Польши.
Красной армии
бойцов
дай,
товарищ,
больше!

В ШАХТУ.

«Таня, Таня! До чего ж досадно: вот полез я в шахту, а теперь чуть дураком себя не считаю. Я думал — я не один, а много нас пойдут туда, да заработаем по-комсомольски все вместе, а получилось не то».

Да, получилось не то. Совсем не то! Никто за комсомольцем Ваней Шеметовым не полез, а самого Ваню засмеяли и начали исподволь травить — и карьеристде он, и шкурник: пошел в шахту зарабатывать себе рабочий стаж, а потом ищи его — снимется и уедет в город учиться.

Зачем Шеметову рабочий стаж? Сам он и отец его выросли вот здесь, в Ирминском шахтерском поселке, и всем известно, что Шеметов — пролетарий, шахтер. Ваня кончил недавно семилетку и пошел — куда можно пойти в Ирмине? — пошел на шахту помощником мастера по телефонной части. Когда в газетах появились первые заметки о том, что комсомол объявляет угольный поход, что необходимо произвести расстановку сил и отправить комсомольцев с поверхности работать в шахту, комсомолец Иван Шеметов первый вызвался добровольцем и пошел в лавы работать крепильщиком. Он вызвал своих друзей по ячейке, а друзья объявили его изменником и начали травить. С охотой откликнулся только Ковалев, продавец из кооператива. Ком-

сомолец Михайлов — единственный и поэтому знаменитый ирминский поэт — итти в шахту категорически отказался и заявил, что Шеметов просто завидует его успеху у девушек и сводит с ним поэтому личные счеты. Этого пошляка исключили из комсомола. Он расстался с ячейкой без сожаления. Потом пришли в бюро и положили на стол комсомольские билеты Кириченко, Рассохин, Трупиков и Бороновкин. Они вступили недавно в комсомол в ожидании немедленного выдвижения, ну, в крайнем случае, посылки на учебу, а тут — не угодно ли! — посылают работать на самые грязные, самые тяжелые места — в шахту. Какое же это выдвижение? Нет, они разуверились в комсомоле — примите, пожалуйста, назад ваши билеты. Члены ревизионной комиссии луганского окружкома комсомола, работник ирминской ячейки Тараненко тоже отказывался итти в шахту.

Тогда Шеметов написал своей сестре полное горечи письмо, и оба они — Шеметов и Ковалев — в ответ на выход друзей из комсомола объявили себя ударниками до конца пятилетки. Они работают в шахте и сейчас, отнюдь не окруженные уважением и почетом.

Короче говоря, два человека — Шеметов и Ковалев — всколыхнули стоячее болото ирминской комсомольской ячейки. Сразу стали видны, как на ладони, шкурники, трусы и обыватели.

Среди девушек такое же расслоение произвела Каневская. Она первая пошла из конторы работать на откатку и позвала за собой в сортировку и на откатку Харламову, Киселеву, Землянинову, Горман и Холченко. Первые четыре работать пошли, Холченко отказалась.

Охота ей, что ли, уходить из конторы, с чистой работы в сортировку, где воздух пропитан пылью и смрадом, где восемь часов надо сидеть полусогнувшись и монотонными, однообразными движениями рук выбирать с ленты большие и малые куски породы! А лента ползет без остановки все восемь часов, проклятая лента, — и все уголь, уголь, уголь! Мелькают руки, перелетают куски породы с одной ленты на другую, иногда поднимается разговор, — хотя о чем разговаривать? все давно уже переговорено, — иногда кто-нибудь затянет песню, старую-престарую, древнюю-предревнюю:

Голубочек, голубочек,
Не лети на рудничок.
Ты лети на здание,
Там мое страдание...

И оттого, что стара эта песня как шахта, и оттого, что не об этом теперь говорят, никого песня не трогает. Зашикают, замахают сортировщицы руками:

— Брось! Перестань ты эту бузу петь.

Не поют теперь на сортировках «страдания». Но Маруся Холченко помнит старую сортировку. Она представляет себе ее именно так, — нет, нет, не уйдет Маруся из конторы работать на сортировку. А комсомол? А ну его! Комсомол должен заниматься выдвижением, а не «загонять» людей в шахту.

Маруся права. До сих пор именно этим занимался донбасский комсомол. Шло большое выдвижение из шахты «на гора», и не было движения с поверхности в шахту. По многим причинам, в том числе и по этой, оказались комсомольские ячейки без шахтеров.

События в ирминской комсомольской ячейке типич-

ны для многих ячеек Донбасса. Угольный поход комсомола, пожалуй, впервые выявил настоящее лицо комсомольских ячеек и их руководства.

Везде нашлись комсомольцы-добровольцы, отправившиеся в шахты и на рудники.

Больше того. На шахте в Краснополье в ячейку поступило заявление:

«Я, Бацев Г. П., учитывая важность поднятого комсомолом вопроса об угольном походе, изъявляю желание пойти с поверхности в шахту работать по крепи и вместе с этим вступаю в ряды ленинского комсомола. Вызываю последовать моему примеру всю беспартийную молодежь Кадиевского района».

Бацев остался в одиночестве. Заявление Бацева не собрало в комсомол беспартийную рабочую молодежь. И вокруг Шеметова, Ковалева, Каневской в Ирмине не организовалось добровольческое движение, массовый поход комсомола с поверхности в шахту.

Угольный поход комсомола был понят в Кадиевском районе иначе. В ячейки из райкома пришел приказ, крик:

— Загнать в шахту!

Именно загнать. Не организовать добровольное движение, не объявить добровольную мобилизацию, а просто загнать.

Теперь много проходит мобилизаций. И невольно напрашиваются всякие сравнения. Вот мобилизация двадцати пяти тысяч рабочих для работы в колхозах. Как она проходит? На заводах приходится отбирать охотников из добровольцев. Добровольцев больше, чем нужно. Тысячи рабочих в бригадах — разве их кто-нибудь «загоняет» в бригады, мобилизует насильно? Разве

в основе не лежит здесь мощное добровольное политическое движение? Почему же комсомольцев в Кадиевском районе надо «загнать» в шахты? Почему нельзя вокруг Шеметова, Ковалева, Каневской и сотен других организовать такое же широкое добровольное политическое движение?

Потому что в райкоме составили разверстку и выполнение не связали с приказом и с криком «Загнать!» И за приказами, за криками, пропала и совершенно выхолостилась политическая сущность угольного похода. Так и остались невоплощенными в жизнь красивые фразы о том, что «уголь надо пропустить через комсомольские руки».

Фраз, резолюций принято много. Заседаний, совещаний проведено достаточно. А дела мало. Какую пламенную резолюцию приняли в комсомольской ячейке шахты Анненка! А через полтора месяца в листовке «Поход за уголь» появилась маленькая заметка рабкора ИСТ. Вот она:

«В комсомольской ячейке шахты Анненка насчитывается 80 человек. С энтузиазмом отнеслись к принятию резолюции об угольном походе. Обещали горячо участвовать в угольном походе, обещали дать лучшие силы под забой, но... до настоящего времени в шахте комсомольцев нет. Товарищи комсомольцы Анненки! Где же ваши застрельщики, которые голосовали за резолюцию об угольном походе?»

И потому вот досадно Ване Шеметову, и потому в приступе горечи пишет он сестре: «Вот полез я в шахту, а теперь чуть дураком себя не считаю. Думал я...»

Шеметов отчаивается напрасно. Таких комсомольцев, как он, все-таки на шахтах много. Недаром после

угольного похода на некоторых шахтах появляются комсомольские лавы, забои, участки. И хорошо, пожалуй, что угольный поход произвел своеобразную чистку комсомольских ячеек еще задолго до объявления чистки официальной.

Должен быть еще другой результат угольного похода — комсомольцы, работающие сейчас в шахтах, начнут вовлекать в комсомол кадры беспартийной рабочей молодежи. Эти кадры в значительной степени — вне комсомола. И комсомол слабо, почти совсем не защищает их экономических интересов. Нигде, например, в шахтах нет продвижения рабочей молодежи. Коногон может коногонить четыре и пять лет; плитовой, дверовой также по нескольку лет могут стоять на своих местах. Даже лампоносы выстаивают по нескольку лет. И никто никуда не продвигает их, хотя бы вверх по очень маленькой лесенке шахтерского искусства. Наоборот, впервые приходящую на шахту молодежь, — а идет она туда почти исключительно из деревни, — эту молодежь с места в карьер посылают учиться и по крепи, и по забою, и по механизации, потому что там сейчас, в данную минуту, требуются люди. Сильно ворчат по этому поводу молодые кадровики. В самом деле, нельзя же вечно коногонить и вечно стоять на плитах. Нужна перспектива, нужна какая-то «личная пятилетка».

Сейчас молодежь учат главным образом искусству забойщика. О необходимости подготовить и вырастить новое поколение забойщиков говорят на всех шахтах и рудниках. О другом, более важном, говорят меньше. Донбасс быстро механизируется. К концу пятилетки восемьдесят процентов шахт будут работать исклю-

чительно на врубовых машинах. Машине забойщик не нужен. Машина нуждается в крепильщике. Механизированная шахта просто не сможет работать без крепильщика. А крепильщиков-то подготовляют сейчас меньше всего. Вообще дело производственного обучения рабочей молодежи поставлено плохо и бессистемно.

Бросается в глаза на всех шахтах слабая производственная инициатива комсомола. Ни в Кадиевском, например, ни в Краснолучском районах не было еще случая, чтобы по инициативе работающих в шахте комсомольцев снизили расценки или повысили нормы. Последнюю работу союзу горняков приходится проводить одному, без помощи комсомола.

В Харькове выработан прекрасный план хозяйственной работы комсомола в шахтах. По этому плану комсомол должен вести борьбу за производственный минимум и за обязательные курсы. Но вот на многих шахтах пришлая рабочая молодежь не желает обучаться, не хочет получить хотя бы необходимого минимума технической грамотности, без которой вообще нельзя работать в шахте. Не хочет и не ходит поэтому на курсы. Тогда, как говорится, в один прекрасный день их не пускают на работу, нет их номеров.

— Идите за ними к технику, — говорят им. — Он отобрал.

Они бегут тогда за номерами к технику, он запирает дверь и говорит спокойно:

— Ну-с, рассаживайтесь. Начинаем заниматься. Наша шахта газовая, а в газовой шахте...

Так несколько лет назад горе-фабзавкомы запирали после гудка заводские ворота, чтобы собрать, — вернее, загнать, — рабочих на собрание. Так теперь на некото-

рых шахтах инженеры обучают молодежь технике безопасности. Инженеры заставляют, отбирая номера; комсомол же, который должен по этому плану выступать организатором, стушевывается и отходит в сторону.

Так же рекомендуем этот план, — прекрасный план хозяйственной работы комсомола в шахтах, — созывать совещания по квалификациям, проводить конференции по хозяйственно-политическим вопросам, организовывать беседы-вечера с кадровиками, информ... — много хороших вещей, много прекрасных начинаний!

Газеты, центральные и местные, приносят каждый день не менее хорошие планы и большой опыт комсомольской инициативы в других местах и районах.

Надо организовать молодежь, надо научить ее овладеть всей премудростью советского хозяйствования в шахте, надо показать на деле, на примере, что значит быть подлинным хозяином производства.

И тогда активность Шеметова, Ковалева, Каневской и других получит, наконец, политическое содержание. Тогда начнут они переделывать шахту на новый, социалистический лад.

За криком «загнать в шахту!» не видно политических дел. Выполнение разверстки, мобилизация определенного количества комсомольцев этих дел не исчерпывает. Когда энтузиазм, порыв, добровольчество будут скреплены политически, тогда только можно будет говорить о проведении в жизнь прекрасного харьковского плана. Пока же об этом говорить еще рано.

Мало «загнать» в шахту. Надо организовать молодежь и работать с ней. Мы уже говорили о чрезвычайной слабости такой работы с шахтерскими кадрами рабочей молодежи. Нет этой работы и с приезжими. На

многих шахтах работает татарская молодежь. По отзывам и хозяйственников и шахтеров татарские рабочие — самые дисциплинированные и исполнительные. Появились бригады еврейской рабочей молодежи — тоже не плохо работают. Есть, наконец, китайцы. С кем-нибудь из них работают комсомольские ячейки? Кого-нибудь организуют и собирают? Нет, не работают, не собирают, не организуют.

Расстановка сил произведена, комсомольцы — в шахте, разверстка выполнена. Все. Точка. Вот отсюда и начинаются провалы, прорывы и искривления.

Сейчас из разных шахт Донбасса идут тревожные вести, — присланные из западных округов Украины мобилизованные комсомольцы бегут обратно. Почему бегут? Многие испугались тяжелой работы в шахтах, да и комсомольские ячейки не встретили приезжих и не окружили их атмосферой товарищеской помощи.

Угольный поход донбасского комсомола сейчас в самом разгаре. За невыполнение производственной программы рудников и шахт комсомол вместе со всеми несет полную политическую ответственность.

Шеметов, Ковалев, Каневская пошли добровольно работать в шахту. И если теперь комсомольское руководство не сумеет использовать и закрепить их работу, если оно не сделает этого, тогда... тогда Шеметовы заговорят о руководстве.

Донбасс, Луганск.

А. БУЛГАКОВ и И. МАРТЫНОВ

ЦЕСМАНОВА БРИГАДА

В Донбассе — тревога. В Донбассе — прорыв. Больше полутора миллионов тонн угля недодано за 10 месяцев. Всесоюзная кочегарка требует от комсомола величайшего напряжения мускулов, сердца, ума. Донбасс бросает боевой клич: «Война текучести рабочей силы, война перебоям в снабжении, война черепашьим темпам!» Комсомол должен ответить на этот призыв посылкой лучших в маршевые роты угольного похода, чтобы драться за уголь отважно и крепко, как то делают комсомольцы Цесмановой бригады Донбасса

Врубовка — наш конек. Врубовка — это кусок металла, составленный из винтов, шестеренок, колес и колесиков. При включении электроэнергии в тело этого куска он утраивает добычу угля, понижает себестоимость. Каторжный труд забойщика в дружбе с врубовкой становится легче наполовину, а если в штреке или вдоль лавы растянуть конвейер, жизнь в шахте забьется мерно, точно пульс у здорового физкультурника.

Голыши, кусочки породы густо катились вниз, вдоль ходка. Шуршали о сланец сапоги, чуни. По

густоте шарканья ног можно было определить: шло человек шесть-семь...

Блеснув в последний раз в тумане угольной пыли, скрывались в лаве огоньки лампочек.

Штрек замирал. Изредка, разрывая тишину, сорвется с «кровли» кусок породы — удар глухой, затаенный... И снова тишь...

Цесман, маленький и худенький, заходил со своей ударной бригадой в лаву.

Пробрались на животах ползком к машине. Вдруг сбоку раздался выстрел, другой.

Снова тишь.

Забилось учащенно сердце, но нервы не выдадут. Снова вперед.

Пыль в глазах, пыль забила ноздри, щекочет в горле. В свете аккумуляторов заблестели углы распластавшейся на «почве» врубовой машины. Выстрелы повторялись, превратившись в сплошной гул.

Гудение оседающих пород возбуждает много нехороших мыслей о жизни, смерти, солнце, о том, что Цесман и пять-шесть отчаянных ударников — еще молодые ребята.

Садится лава. На языке паникеров это значит: «спасайся, кто может».

Вновь тихо.

— Бежим... будет обвал... Скорей!..

Слышен легкий треск.

— Куда? Назад! Лес давайте! Крепите машину!

Из далеких раскосов и забуга грянули стойки, закрепляя кровлю вокруг машины.

Записка, короткая и сухая, рапортовала: «В виду непредвиденной осадки пород лава № 3 ничего не

дала. Усилиями рабочих машину от завала удалось спасти».

Вечером в грязном горняцком клубе, очень непохожем на просторные, чистые столичные клубы, как сногсшибательный анекдот рассказывали о случившемся. Над ударниками издевались:

— Кричали, орали наши «антузиасты», а как треснула лава, как корхом присыпало, — эх, кто куда, штаны растеряли...

— Эх-ха-ха-ха!..

Шуточки эти бесили ребят. Утром ударную молодежную бригаду перебросили в соседнюю лаву.

Точно по давно обдуманному злодейскому умыслу повторился вчерашний треск и грохот садящихся пород. Вход в забой был отрезан.

Но сознание велело немедленно лезть в маленькую расщелину завала, чтобы узнать о случившемся.

— Ну, Цесман, лезем.

Голос десятника дрожал. Да и кому охота попадать к волку в зубы? Зачем все это, если можно «выйти на гора», умыться, быть в клубе, в саду с любимой девушкой! И разве тоннами выброшенного из-под забоя угля заменить жизнь с ее миллионами красок и звуков? Несколько секунд колебаний. Потом резко:

— Лезем!

— И я...

— Ты, Ибрагим, не лезь...

— Вместе сподручней...

— Не понимаешь. Может дорого обойтись.

— Полезай, не умазывай...

Ибрагим Чаныш, забойщик-татарин, первый помощник Цесмана, просунул голову в дыру расщелины,

втиснув предварительно лампочку. Завал был мощный. Медленно выкарабкались «разведчики» из-за завала.

— Значит, «на гора»?

— А что ж сидеть — пойдем...

— Не зарывайся, Дякин!

— А чего ж тут сидеть, дикари? Наше дело сторона.

— Сторона... А кто лаву в завале убирать будет?.. Начнем, ребята...

Ударники молча взялись за дело.

Для администрации шахты это было неожиданностью: забойщики домой, как всегда, не ушли. Убрали завал. Всей шахте пошли наперекор.

Молва об ударниках на шахте ширилась.

На черных запыленных стенах шахтного корпуса было написано: «Цесмановцы засыпались, — ударники они, ни чорта не дают угля, трепачи».

Утром Ибрагим, прочитав это неизвестно кем написанное объявление, спокойно попросил у отметчика кусок мела, оглянулся на зубоскаливших позади шахтеров, широко размахнулся рукой и начертил крупными буквами: «Брешешь, сволочь, — нами подавишься».

Новые дни рождали новые переполохи. Ибрагим пришел с упорной мыслью. Пусть на плечи осядут сотни тонн породы, а работать будем. Пришел в разгаре спора Цесман. Запальчиво размахивая руками, он кричал, напирая на десятника:

— Что ты мне распоряжение суешь? Разве можно работать? Видишь, как погнулись стойки, лава через полчаса сядет. Крепить надо немедленно, а то машину-врубовку загубим.

— И кричать нечего, — успокаивал десятник. — Раз техник мне приказал начинать добычу, то мне хоть пожар.

— Шалишь, брат, — вспыльчиво вмешался в разговор Ибрагим. — Ребята, кто за мной? Кто уголь стране даешь, тот за мной!

Ибрагим, по-кошачьи мягко ступая, пошел к печи. Мгновенный треск где-то в левой раскоске забоя остановил Чаныша. Этого было достаточно.

— Начнем крепить, — выронил Ибрагим.

Старый десятник опустил голову:

— Начинай, что же, начинай, но хотя и приказ, а...

Это был первый случай в жизни десятника. Он ослушался начальника. Послушался молодых. Лава через несколько минут села, но машина была спасена.

Так родилась, закалилась в борьбе с анархизмом шахтной стихии цесмановская молодежная бригада, чье имя сейчас гремит в горняцкой Кадиевке как призыв к борьбе, как клич на борьбу за уголь.

Она не одна. Она была началом. Десятки бригад выросли потом.

Теперь есть бригада лучше цесмановской, но таких результатов, каких достигла эта крепко сколоченная группа ударников-рационализаторов, еще никто не добился.

Ровно через два месяца имя цесмановской бригады гремело по району:

— Слышали? Цесманцы дали 200 процентов добычи.

Врубовая машина — вот орудие умножения добычи угля. Бригадники сумели довести циклование в забое в 8 часов до 3 циклов.

Недавно в шахтком пришла группа старых горняков, работающих по прохождению главного штрека. Свой приход проходчики объяснили так:

— Работаем мы на проходке штрека, где заправляют добычей в лавах бригады молодежи. Вчера выяснилось, что загнали они нас, стариков. Наша проходка штрека отстает уже от их проходки лав — это недопустимо, технически недопустимо... И вот решили мы организоваться в ударников и выступить с молодняком на соревнование.

— Хотим и мы размахнуться — пускай еще угонятся за нами!

— Идет, — отвечал завком.

Договор был подписан.

А. БУЛГАКОВ и И. МАРТЫНОВ

«КОПЧЕНКИ»

Новые песни придумала жизнь.
Не надо, ребята, о старых тужить.
М. Светлов

Раньше на руднике их называли просто «копченки». В слово это вкладывали все свое презрение к тяжелому и грязному труду откатчицы.

Пугали раскричавшихся детей «копченкой», стращали девушек:

— Где ночи шляешься? Нагуляешь живот — в «копченки» отдам!

Откатка — каторга. Работа на откатке — последнее дело.

Да и чем отличалась дореволюционная откатка от каторги? С раннего утра до поздней ночи, в дождь, снег, вьюгу, под неустанные окрики надсмотрщиков «лимонадить» [1] вагоны, а затем удовлетворять разгулявшиеся страсти десятников.

— Попробуй, откажи, живо за воротами шахтного двора очутишься...

— Ох, и поперепортили девок наших, ужас берет! — рассказывает старая откатчица Мария Васильевна Олей-

[1] «Лимонадить» — ставить спиной на рельсы забурившиеся вагончики.

никова. — Помню, Марфуша Игнатенко — красивая, русоволосая, синеглазая, глянешь на нее — сердце радуется, хлопцы так и липли, — а и бойкая же, чертуха, была, чуть что — смажет по роже, а потом... ищи концов. Десятники вокруг ходили, как коты, глядели, облизывались... Потом этот старый бабник Максимов (он и сейчас на руднике работает, только гонор прежний куда делся) обхаживать стал.

— Будем жить, Маруся, вместе, переведу тебя в светлую ламповую...

— А жена?

— Мы с тобой незаконно, вроде полюбовницы будешь.

Не соглашалась... Грозить стал.

— Не переночуешь, выброшу с работы, околеешь под воротами...

Знамо, дело бабье...

— А дальше?

— Что бывает дальше... Родился ребенок — получила в руки вместо светлой ламповой. Сократили, ходила голодная по руднику, в штурф бросилась потом... Сколько смертей таких на веку своем посмотрела, вспомнить только...

Всю свою горькую, безнадежную участь воспевали откатчицы в беспросветных шахтерских частушках — «страдании».

В тучах угольной пыли, в взлете птицы-клетки, в грохоте катящихся вагончиков родилось «страдание».

Тысячные армии «копченок» — авторы «страдания»...

А когда солнце скрывалось за шахтный капор, когда заливала небосклон расплавленная лава заката, тихим

Горловка, шахта № 1. Ударницы.

вечером с высокого шахтного терикона на землю спускалась песнь:

Моя мама рано встала,
В саду розу сорвала,
Красоту мою сгубила,
На откатку отдала...

Тогда на руднике говорили:
— «Копченки» застрадали.

★

Много лет, много месяцев, дней, дней великих потрясений, прошло с того времени. Революция смела двенадцатичасовой рабочий день, смела надсмотрщиков, смела «копченку». Новой, советской откатчице дала светлое, чистое общежитие, дала «мандат» на право общечеловеческой культурной жизни... И все-таки на откатке догнивают еще дореволюционные традиции, на откатке живет еще старое, уродливое...

Странно сейчас слышать в стенах надшахтного здания, где десятки труженик-женщин гоняют вагоны, «мат»...

«Мат» повис над головами, им насыщено каждое движение, каждый шаг, каждый вагончик угля...

— Не могу не ругаться, когда захожу сюда, как-то все настраивает к этому, — оправдывается секретарь ячейки, перед этим грубо, «по-шахтерски», обругав молоденькую откатчицу...

Странно видеть сейчас группы молодых шахтеров-сорванцов, любимейшим занятием которых является — дразнить откатчиц.

Странно видеть группу явных чубаровцев, организовавших «охоту на откатчиц».

Но нет уже той безвольной, прибитой, покорно отдающейся превратностям судьбы «копченки».

В шахте работает работница, умеющая найти свои права, своевременно дать отпор, знающая, что она находится на важнейшем участке нашего строительства, в авангарде пятилетки...

Откатка — пульс шахты. Остановись на минутку пульс, прекратится подача крови — порожняка — в черное сердце. Страна потеряет сотни, а может быть, тысячи тонн угля.

Сознавая эту ответственность при осуществлении промфинплана, откатчицы предложили создать ударную бригаду. В шахткоме только посмеялись:

— Вагоны гонять и без соревнования можно, чудачеством нечего заниматься.

Но смех не смутил. Бригада была создана, бригада приступила к работе, увеличился спуск порожняка, своевременно выкачивается груз, ствол увеличил пропускную способность, увеличила шахта добычу...

★

Откатка имеет своих героев.

Однажды зимою, когда зло завывала вьюга, когда в вихре тонули очертания рудника и особенно милым казалось домашнее тепло и все тело, каждый мускул, тянулся к огню, просил тепла, — откатчицы отказались работать.

— Этак за рубль сорок жизнь свою потерять можно.

Предлагали:

— Будете по очереди, по часу работать, установим смену.

Уговоры не помогли. Остались только трое: Фаня

Родионова, Тоня Кузнецова, Катя Исаева. Остались те, которым дорога каждая тонна угля.

Трое работали за ушедших двенадцать, трое боролись с природой, трое преодолели вьюгу.

В шесть часов, прямо с откатки, направились они с отмороженными ногами в больницу...

Утром от рудоуправления вынесли откатчицам благодарность, предложили по пятьдесят рублей премии. Откатчицы заявили:

— Мы выполнили только свой долг. Деньги эти отдайте на индустриализацию.

А. ФАРБЕР

РОЖДЕНИЕ КОММУНЫ

I

Слово «коммуна» такое большое ответственное слово, что, произнося его, старый техник Чурило и зарубщик Иващенко несколько недоверчиво поглядывали на своих товарищей.

Их было четырнадцать человек... первая коммуна шахты № 3, прообраз недалекой сквозной коммуны.

Когда «на гора» в шахткоме и партячейке узнали об этом, то недоверчиво покачали головами, протянув:

— Да-а-а... — и коммуна родилась без помощи шахткома и партячейки.

А по шахте, из участка в участок, из раскоски в раскоску, как уголь по скатам, понеслась новость:

— На нижнем участке коммуна!

Коммуна организовалась из четырнадцати зарубщиков. И только зарубщиков. Кроме них никаких других квалификаций.

Первым препятствием, с которым столкнулась маленькая коммуна, было то, что четыре подменных зарубщика были не в коммуне и поэтому, работая медленно, неаккуратно и вяло, тормозили работу коммуны. Спускали забои. Не выдавали раскоску.

Четырнадцать коммунаров собрались и решили взять в коммуну четырех подменных...

Результаты быстро сказались. Работа пошла лучше.

Каждая упряжка обошлась в 3 руб. 61 коп. Для коммуны, состоявшей из одних зарубщиков, это было маловато.

Но, крещеное огнем первой неудачи, ядро коммуны только закалилось.

Стали искать причин неудачи. Они вскоре всплыли, как масло на воде.

Ходовщики, проходящие штрек, отставали от зарубщиков. Посовещавшись, коммунары решили включить в коммуну ходовщиков.

Так была положена принципиальная основа будущей сквозной коммуны, т. е. разность квалификаций и разрядов при равной оплате.

19-я и 21-я откоски каждые сутки уходили вперед, обгоняя всю шахту. Не обошлось и без разговорчиков насчет коммуны. Были и попытки разложить ее. Но все это пресекалось в корне. А результаты работы вскоре были таковы, что перед лицом их исчезло всякое сомнение.

При задании в 810 тонн, коммуна дала 822,63 тонны. Это было особенно значительно на фоне других фактов. Несмотря на то, что в июле не хватило 162 упряжки, производительность забойщика резко вскочила вверх, на 146 процентов превысив задание. И если в первый месяц каждую упряжку оценили в 3 руб. 62 коп., то июльская упряжка выросла до 5 руб. 2 коп.

Так, самоотверженная работа коммуны взяла свое, доказав всему руднику не только общественно-политическую, но и хозяйственную рентабельность коммуны.

И не было ничего удивительного в том, что в августе к двум раскоскам присоединился весь нижний горизонт.

Так родилась первая сквозная коммуна, присвоившая себе имя XVI партсъезда и ставшая вскоре той «Меккой», куда начали стекаться из всех уголков Донбасса десятки «верующих» и «неверующих» делегаций.

Так родилась коммуна.

II

Мы не сомневаемся, что совсем не в далеком времени о людях из сквозной коммуны шахты № 3 будут написаны рассказы, очерки и поэмы.

Они заслужили этого, скромные герои раскосок нижнего горизонта.

Подталкивая уголь по скатам, вбивая тонкие прутья поддир пятифунтовыми молотками в антрацитные твердыни пластов, сверля бурки, проходя штреки, — все они одинаково просто и скромно творят большое дело.

Миша Кочеток. Совсем недавно он был первым волынщиком и задирой на шахте. В прошлом у него серые и сырые стены детдомов времен 19 и 20 годов, когда мерзла и покрывалась тифозной сыпью вся республика...

А теперь...

На вентиляционных дверях у 19-й раскопки что-то белеет, написанное мелом.

Мы подходим ближе, чтобы лучше разглядеть.

«Уходи, симулянт, из раскоски по-добру, по-здорову», — нацарапано чьим-то неумелым почерком. Оборачиваемся и встречаемся с весело поблескивающими глазами Кочетка.

— Это я писал, — говорит он, и лицо его зажигается такой хорошей улыбкой.

Правильно, товарищ Кочеток! Своей прекрасной работой ты приобрел право презирать и ненавидеть симулянтов и прогульщиков.

Иващенко, Конеев, Евтухов, Ильин, Севастьянов, Черных, Калашников... О каждом из этих отличнейших среди лучших можно было бы написать очень много. Кадровики — костяк шахты, ядро сквозной коммуны, они не знают в своих трудовых списках ни прогулов, ни пьянства, ни симуляции.

На некоторых из них новые черные кожанки.

Как гордо носят они эти кожаные тужурки. Эти тужурки для шахтеров, как золотое оружие для военкома, ибо получены они также за героизм и стойкость на трудном посту забойщиков.

III

Сигнал стволового, и маленькая «коза» резво сбегает вниз по наклону ствола. Через пять минут мы в шахте № 3. Желтое пламя электричества, а позже ясное горение шахтерок освещают широкие и просторные штреки.

Через ходки и печки мы проникаем на нижний горизонт — участок, целиком принадлежащий сквозной коммуне.

Идущий впереди нас председатель коммуны — товарищ Иващенко по-хозяйски тщательно оглядывает стены штрека, крепь, кровлю. Замечая валяющийся у наклона ящик, он начинает что-то недовольно бурчать и, вытаскивая записную книжку и огрызок карандаша, записывает. И так всю дорогу.

Товарищ Иващенко — один из организаторов сквозной коммуны. Ныне он ее председатель. Согласно уставу, он освобожден от работы в шахте для руководства коммуной.

По ходкам проходим в забой 19-й раскоски. В большом забое человек, сидя на корточках, бьет молотком по металлическому пруту, именуемому поддиром. Здороваемся. Иващенко снова вытаскивает свою записную книжку и расспрашивает о ходе работы. Потом приходит мой черед говорить с зарубщиком. Но время дорого. Каждая минута — несколько килограммов угля. Иващенко берет поддиру и молоток и продолжает работу зарубщика.

Под глухой стук поддиры мы разговариваем. Традиционный вопрос.

— Ну, как дела?

— Дела ничего, хорошие дела, — охотно отвечает зарубщик, сворачивая цигарку, и, чиркнув спичкой, добавляет, — за дела не спрашивай, дела — на ять!

— Ну, а все-таки, как же ты в коммуне? А?.. Тебе не обидно, что ты и совальщик, ставка которого вдвое меньше твоей, теперь получаете одинаково?

— Отчего же мне будет обидно? — недоумевая, пожимает плечами зарубщик. — Ведь и совальщику работы теперь прибавилось.

Раньше их было у нас четыре на участке, а с тех пор как коммуна, остались двое. Значит, им работа увеличилась. И опять же мне от этого, кроме хорошего, ничего нет.

Затянувшись последний раз, он выдувает синий дымок и, бросив цыгарку, начинает работать.

IV

Мы идем дальше. Вслед за 19-й — 21-я раскоска.

— Ого-го! — вырывается у Иващенко, когда мы входим в забой.

— Кто тут работает?

— Кондуров и Масленников.

Из мутной мглы, оторвавшись от молотков и пласта, возникают две фигуры.

Масленников и Кондуров. Разгоряченные работой, зарубщик и ходовщик минуту молчат.

— Молодцы ребята! — раздается уже из глубины забоя голос Иващенко, оглядывающего работу.

— Да мы действительно разогнались, — соглашаются они.

— Коммунары?

— Да, коммунары.

— Ну, вот, расскажите, что вас побудило записаться в коммуну?

— Как, то есть, что побудило? — удивляется Масленников. — Мы сами первые пришли, без всяких побуждений. В коммуне лучше, все вместе работаем. А раньше бывало так: Петрову попадается уголек помягче, а Сидорову такой, что хоть зубами грызи. Петров зарубает свои девять метров и айда «на гора», а Сидоров сидит, кроет в бога и в бабушку, и рубает, рубает... Теперь уже не так. Вот мы в своей раскоске справились раньше. Так ты думаешь мы молотки в руки и наверх? Шалишь, брат! Нет! Мы пойдем в другую раскоску и поможем товарищу. Потому теперь коммуна.

— Да, в коммуне куда лучше, — продолжает уже Кондуров. — Возьму к примеру себя. Я ходовщик. Ра-

ботаю вместе с зарубщиком. До коммуны, скажу тебе по-честному, работали, лишь бы отработать скорей и айда домой. Ну, а сейчас не так. Я с зарубщиком уравнены. И если он будет волынить, так я ему это не спущу. Также и он. Коммуна... Значит, учись один у другого и помогай друг другу...

Да. В этом основа новой системы сквозной коммуны...

«Учись один у другого и помогай друг другу». — это пронизало всю коммуну...

V

Сквозная коммуна им. XVI партсъезда — это уже не горсточка в четырнадцать человек, а целый участок из ста восемнадцати шахтеров.

Когда попадаешь на нижний горизонт, где работает эта коммуна, первый вопрос, который возникает — это, что тут отличного, сразу бросающегося в глаза, что отделяет этот участок от других участков шахты?

Через несколько минут ответ на этот вопрос дают сами шахтеры.

Поглядите, как быстро и ловко работает с вагончиками вагонщик. Как быстро толкает груженую антрацитом вагонетку кательщик. Как энергично работает ходовщик.

Ни одного поломанного или просто расшатанного пути. Ни одной жалобы на лесогона за несогнанный лес. А как работают плитовые на нижнем участке! На это стоит посмотреть. Летит вагончик... бац!.. Руки плитового ловят его на лету и поворачивают. И вновь подхватывают второй вагончик.

А зарубщики! Их трое в каждой раскоске. Раньше было четверо. Четвертым был уборщик породы. Сейчас уборщики упразднены. Это произошло как-то само по себе. Зарубщики сами начали убирать породу, и уборщикам пришлось переквалифицироваться.

А совальщики... Самый неквалифицированный труд. На обязанности совальщика лежало столкнуть по скатам вниз тринадцать с половиной тонн антрацита. За это он получал рубль восемьдесят. Теперь же совальщики успевают столкнуть двадцать семь тонн — ровно в два раза больше прежнего, да еще помочь плитовому и кательщику.

Коммуна...

Завицкий — молодой парень из батраков. Он пришел на шахту, имея пару сильных рук и желание работать. Ему повезло. Он попал в сквозную коммуну. Его сначала прикрепили к опытному зарубщику поучиться.

Сейчас он один из лучших зарубщиков.

Здесь строго караются прогулы. Не можешь выйти на работу? Предупреди правление коммуны. Оно вместо тебя пошлет другого... Ну, а насчет симуляции, так это здесь совершенно невозможно. Ибо все получают заработок поровну. Все заинтересованы в хорошей работе. И никакой ленцы здесь не простят. Такова сила новой системы.

Скучно шагают по раскоскам десятники. Им почти нечего делать в коммунизированном участке. Уже не надо находить спящих зарубщиков, не надо до хрипоты в горле ругаться с лесогонами за несогнанный лес.

Заведующий участком, Максим Максимович Чурило, ходит — радостно потирая руки...

— Я спокоен за свой участок.

Коммуна тоже спокойна за свой участок и за свою работу.

За коммуной следят сейчас во всем Донбассе. Ибо родилась новая замечательная социалистическая форма труда. Каждый новый успех коммуны, каждая сотая процента улучшенной добычи — это победа нового над старым...

В чем суть новой системы — сквозной коммуны?

В том, что без затрат на оборудование, путем реконструкции подходов к работе, достигаются огромные успехи.

В том, что производственная коммуна дает мощное и выпуклое ощущение нашего будущего социалистического общества. Председатель объединения «Уголь» Шварц, побывав на шахте № 3, назвал сквозную коммуну *горным институтом*.

Да, это горный институт новых кадров, квалифицированных горняков. Это институт повышенных темпов и новых социалистических форм труда.

VI

Это было 10 августа. В просторном кабинете руководителя треста «Донбассантрацит», в Криндичевке, собралось совещание шахтоуправляющих.

На повестке дня, среди прочих вопросов, стоял также вопрос о любимовских коммунарах.

И когда слово было предоставлено специально вызванному для информации о сквозной коммуне на шахте № 3 завучастком — товарищу Чурило, шахтоуправляющие заулыбались, начали перемигиваться...

«Ну расскажи, расскажи, а мы послушаем», — казалось, говорили их лица, светясь иронией.

Ибо никому из них не верилось, чтобы коммуна на Любимовке была действительно большим и серьезным делом.

Ярче всех выразил это недоверие шахтоуправляющий Должанки, товарищ Колупаев.

— Я не верю, — говорил он, — чтобы в Любимовке на шахте № 3, которая до сих пор совершенно не механизирована, были возможны такие дела.

И если не все высказались в дальнейшем так же, то все же никто серьезно не принимал того, что делалось на Любимовке.

Но факты победили. Ведь этот факт — самый неопровержимый факт, что в сквозной коммуне весь участок из ста восемнадцати человек.

Коммуна — великая уравнительница. Она, во-первых, сделала для всех ста восемнадцати коммунаров одну ставку. Ставка эта повышается или понижается в зависимости от работы коммуны. Но так как у многих коммунаров есть семьи, то устав коммуны учел это — три процента ежемесячно отчисляется от всего заработка в фонд помощи семейным. Такая система распределения зарплаты не вызвала ни одного возражения.

Ведь если зарубщик квалифицированнее плитового, и условия труда у него тяжелее, зато плитовой теперь делает в два раза больше, чем он делал раньше.

Если нельзя сравнить по значению труда совальщика с ответственной работой ходовщика, зато совальщик сейчас ровно в два раза делает больше, чем прежде.

Таким образом, несмотря на разность степеней квалифицированности и при одинаковой оплате, коммуне удалось установить между всем полное равновесие. Конечно, в процессе работы, устав коммуны будет со-

вершенствоваться и видоизменяться. Будут внесены еще поправки и дополнения. Но важно то, что основа коммуны заложена и основа эта фундаментальная и крепкая.

VII

Конечно, без них не обошлось. Эти люди, как мельчайшие микробы, проникают всюду. Мы говорим об одном из тех, кто пытался разложить коммуну.

Фамилия его — Кривоносов. Работает на шахте без году неделю. Но везде именует себя рабочим, старым шахтером и в доказательство тычет свои ладони, покрытые желтой корой мозолей. Но происхождение мозолей бывает разное.

Совет коммуны заинтересовался происхождением мозолей на руках Кривоносова, который пытался разложить коммуну разговорчиками о том, что «ничего из этого не получится».

Анализ мозолей на руках Кривоносова дал неожиданные результаты. Оказалось, что мозоли эти образовались от усиленных трудов в своем большом хозяйстве на селе. Совет коммуны с санкции всей коммуны исключил Кривоносова из своих рядов.

Вообще стоит заглянуть в протоколы совета коммуны. Это замечательные свидетельства тех огромных превращений, которые производит социалистическая форма труда и общежития.

«Слушали: Юрасов — коммунист, отбойщик, сделал без уважительных причин три прогула, что отразилось на работе коммуны.

Постановили: Юрасова из коммуны исключить».

Такие же постановления вынесены и о Якименко, и о Пруте...

В коммуне не может быть прогульщиков, ибо слово «коммуна» несовместимо с прогулом, симуляцией, ленью и пьянством.

Протоколы совета коммуны — это удары обушка по пласту старых, еще не изживших себя шахтерских привычек.

Каждый протокол развешивается во всех уголках шахты, на здании, в нарядной, в шахткоме. Их читают, эти лаконичные протоколы, и они делают свое большое дело, реконструируя мозги шахтеров. Ибо исключение из коммуны за то, что прогулял один день, не предупредив на шахте, новость. Новость, в которой заключено большое воспитательное значение.

И когда исключенный советом коммуны за один прогул и за попытку симуляции шахтер Якименко приходит в совет коммуны и чуть не плача просит, чтобы его приняли обратно, это значит, что коммуна побеждает.

VIII

Серое предрассветное небо скучно глядело в большие грязные окна рабочей казармы. Сон, пропитанный усталостью, обволакивал спящих.

Вдруг скрипнула дверь, и в казарму сначала просунулась голова Иващенко, председателя коммуны, а потом он вошел весь.

Тихо пройдя возле кроватей и заглядывая в каждую из них, он остановился перед одной и нагнувшись тронул рукой голое плечо спящего человека.

— Кочеток, вставай, — тихо сказал он.

— А? Что? — спросонья забормотал Кочеток, поворачиваясь на другой бок и вновь пытаясь уснуть.

— Да вставай же! — настойчиво повторил Иващенко и добавил: — в коммуне для смены не хватает одного грузчика. Петренко заболел. Так я за тобой пришел.

— Да я ж только час назад из шахты вылез... — каким-то извиняющимся тоном отвечал уже совсем проснувшийся Кочеток.

— Ничего! Идем! В следующий раз отдохнешь.

И Кочеток, уже не возражая, быстро оделся и ушел с Иващенко.

Этот маленький эпизод, которого я был свидетелем перед рассветом в рабочей казарме шахты № 3, говорит лучше всяких цифр, лучше всяких похвал.

Коммуна хороша еще тем, что она представляет из себя на редкость гибкий коллектив шахтеров, умеющий быстро ориентироваться и поворачиваться в нужную сторону.

Коммуна поставила перед собой большую и ответственную задачу — переквалифицировать всех своих членов так, чтобы отбойщик мог всегда заменять зарубщика, вагонщик отбойщика, ходовщик лесогона и т. д.

Каждый член коммуны должен уметь делать все, что необходимо на том участке, на котором он работает.

Такая постановка вопроса приводит к тому, что на участке не будет никогда тормоза из-за недостатка какой-нибудь квалификации, ибо всегда каждого члена коммуны можно будет использовать на любой работе.

Так коммуна разрешает вопрос о кадрах, выковывая классово-сознательных и квалифицированных рабочих.

IX

— Ничего «сверхъестественного» в нашей работе нет. А что расхваливают нас, так хотя мы и стоим похвал, но все-таки не стоит перехватывать.

И невысокий человек с тяжелыми и глубокими складками морщин у бледносиних губ, с вспыхивающими во время разговора, как антрацитные осколки, глазами, отворил дверцу в горную контору.

Разговаривая, мы вошли в маленькую каморку. Мой спутник был пожилым человеком, среднего роста, одетый в плотную брезентовую куртку и такие же брюки, со сплюснутой на голове кепчонкой. Он говорил медленно и просто, вертя во время разговора в узловатых пальцах цветной карандашик.

— Раньше у нас на участке каждый был сам по себе и работал сам для себя. Кто сколько хотел, столько и рубал, мешая другим, но мало беспокоясь об этом. Шахта начинала сползать с рельс на насыпь... Процент за процентом понижались цифры добычи. Падала производительность и росли прогулы.

Нас собралась сначала небольшая кучка людей. По пальцам пересчитать можно. Иващенко, Пархоменко... Ну, да ладно, не в этом дело! Решили создать коммуну. Коллективным трудом заштопать прорыв. Опросили весь участок. Согласен в коммуну — записываем. Не согласен — не надо. Но только несогласных не оказалось. Ну, а остальное вы знаете. Работа идет шибко.

Раньше мне приходилось вставать на наряд в половине четвертого утра, чтобы пойти разбудить десятников, да послать их по казармам за рабочими, а теперь я в пять часов встаю.

Сейчас на участке роль десятника свелась только к наблюдениям за правильным ведением горных работ. И это — все. Никаких ссор с рабочими, никаких заявлений на РКК. А моя работа заключается в том, чтобы наблюдать за рациональным использованием забоев, за техникой безопасности.

Если хотите, я вам откровенно скажу: мне чудно. Я старый человек и не привык ко всему такому. И вот вижу: на моем участке, где работает коммуна, не существует технических неполадок, т. е. они существуют, но их ликвидируют тотчас же на месте. Разошлись в раскоске рельсы. Раньше шум поднимали, скандал. Бежали к десятнику. Бурились вагончики. А сейчас спокойно и просто. Отбойщик кол затесал, поправил рельсы, и продолжают работу. А потом уже сообщают мне или десятнику.

Такова коммуна. Не предполагал я таких результатов. Что ж! Только радоваться можно. И я рад. Я старый горняк, с 1903 года на шахте. Мне сорок один год, и я двадцать семь лет на рудниках Донбасса.

Начал с выгребщика вагонов, на сортировке в Алексеевском горном обществе, под Юзовкой. Потом бегал по штрекам лампоносом. Стоял дворовым. Прошел через все подземные профессии. А сейчас вот уже три года заведую участком нижнего горизонта. Говорят, что с работой справляюсь.

Когда мы организовывали коммуну, на шахте кое-кто поднял уши. Были случаи, когда другие заведующие участками пытались сорвать нам работу — не давали порожняка, забирали и другие технические материалы. Но партячейка во-время дала им по рукам. Перестали пакостить. Десятники на участке теперь

переключились на интересы коммуны. Мы переквалифицируем рабочих. Уже из уборщиков породы мы сделали четырех зарубщиков. Впереди задача — переквалифицировать всех членов коммуны.

Шахтоуправление теперь к нам внимательнее. Главный инженер Лягушенко прикрепился к коммуне. Раз в неделю на пару часов приезжает. Ну, ничего. И без него справляемся. Вот бы только для коммуны общежитие построить, чтобы всем вместе.

Я старик. Мне все старое лезет в голову. Вот вспомнил молодость. Брянские рудники... Алексеевское горное общество... Казармы были — ужас. Ни кровати, ни койки даже, а сплошные нары. Так и спали вповалку. Помню, на Голубовке эти нары были двухэтажные. И клопы лазили сверху вниз и снизу вверх.

А Эрастовские копи в Чистяковке!.. На всю казарму один пиджак был и одна пара галош. Вся казарма по очереди их носила. Как заглянешь в казарму, сразу в глаза лезут пятна красные на стенках от клопов... Оставались эти пятна годами, каждый день покрываясь новыми. А сейчас, глядишь, прошла неделя, в казарму с клоповаркой едут...

Сейчас мы в коммуне становимся на верную линию. Следим за лучшим использованием рабочей силы и за рационализацией. Коммуна освободила нас от тысячи мелких дел, отнимавших и у десятников и у техников все их свободное время. До революции технический надзор гнал работу и шахтеров, загонял шахту, выхватывая уголь, который к рукам поближе.

Сейчас — другое. Сейчас мы глядим, чтобы ни один кусочек не пропал, чтобы все было поднято «на гора».

Максим Максимович Чурило — заведующий участком

нижнего горизонта, где работает коммуна, еще долго рассказывал мне о коммуне, перебивая свой рассказ воспоминаниями о прежней работе. Максим Максимович Чурило уважаемый среди всех заведующих участками на шахте № 3.

Его уважают шахтеры в раскосках и инженеры шахтоуправления. Его ценят и те и другие, потому что он представляет собой редкий, покамест, тип прекрасного специалиста и самоотверженного энтузиаста, оставаясь одновременно хорошим товарищем и советчиком для каждого шахтера.

Была ночь, когда мы уже выходили из горной конторы. Слышно было, как ожесточенно скрежетала дробилка, кромсая своими железными челюстями черный антрацит.

На копре горела одинокая электрическая лампочка, и в непроницаемой темноте она походила на сигнальный фонарь на мачте уходящего в ночь и море парохода.

И откуда-то из глубины, из пронизанных пластами недр, возникали шум и шорохи... Казалось, что сняты тяжелые земляные покровы и перед глазами длинные коридоры штреков, черные провалы раскосок, клыкастые ущелья антрацитных забоев.

— Работает коммуна, — внезапно прозвучал у моего уха голос Максима Максимовича.

— Да, работает, — тихо ответил я.

Снова та же тесная каморка, где вчера за полночь затянулась беседа с товарищем Чурило. Сейчас за окном не ночь, а вымытое долгим дождем чистое голубое небо. За четырехугольным столом, покрытым газетным листом, сидит Федя Пугачев — комсомолец-бурильщик,

сейчас выдвинутый в горную контору и работающий учетчиком. У него серое лицо и большие, какие-то растерянные глаза. Пальцы в чернилах, которые никак не хотят отмыться. Он высокий и худой.

Он ведет учет работы коммуны. Точный учет необходим для того, чтобы выработать дислокацию для дальнейших боев за уголь, для дальнейших боев за новые формы труда, боев со старыми, веками внедрявшимися в сознание, традициями.

Он разворачивает передо мной широкие, разграфленные листы.

— Добыча коммуны им. XVI партсъезда — за 20 дней августа.

Здесь ничего не упущено. Не осталась незамеченной ни одна деталь. Все занесено. Каждый килограмм угля. Ибо в конце концов добыча решает исход боя за новую систему — за сквозную коммуну.

Итак о задании... Коммуне было задано добыть за 20 дней 2156 тонн. Но коммуна не уложилась в план. Она превысила его. Добыто 2268 тонн, что составляет 105,2% задания.

По маркам коммунары обязались выдать высшего сорта АП 30%, но и тут не вышло: АП дали 31%.

Это, несмотря на то, что задание предусматривало наличие на участке 136 человек в штате, в то время, когда действительность представила только 118 человек. Нехватило 17,3% рабсилы. Для того, чтобы приведенные выше цифры предстали в своем полном значении, необходимо подкрепить их еще рядом цифр.

Итак, коммуне до полного штата не хватало 18 человек. А ведь на участке установлено, что каждый день должны быть в подмене и отсутствовать по всяким

другим причинам из положенного штата в 136 человек — 28 рабочих. Следовательно, на работе остаются 108 человек.

Теперь помножим 108 человек на те 20 дней, которые каждый из них обязан отработать. Мы получаем 2 160 упряжек. Это не учитывая того, что к штату не хватало 18 человек и что в свою очередь 20 дней составляют внушительную цифру в 360 упряжек.

При задании на 20 дней в 2 156 тонн производительность каждого трудящегося равнялась одной тонне.

Но коммуна не буквоед. Мало, что написано в промплане!

А они возьми и выполни 2 268 тонн добычи за 20 дней, при затрате только 1 762 упряжек.

Так коммуна, едва успев стать как следует на ноги, показала Донбассу блестящие результаты своей работы.

Производительность на выход за 20 дней августа равна 1 287 тонн, что составляет 128,7% заданного на упряжку.

Комсомолец Федя Пугачов входит в азарт. Недокуривая одну папиросу, он зажигает другую, чертит руками в воздухе какие-то иероглифы.

Он стучит медным колпачком карандаша по тонкому столу, стараясь еще больше прикрепить наше внимание к цифрам, которые сыплются из его рта, как уголь из устья дробилки.

— И вот что получается в результате: себестоимость тонны по заданию должна быть не выше 3 руб. 43,8 коп., а коммуне обошлась каждая тонна угля в 3 руб. 05 коп., т. е. на 38,8 коп. дешевле на тонну. Себестоимость снижена на 11,2%.

Так осуществляются наметки совета коммуны о

росте реальной зарплаты. Снижение себестоимости, повышение добычи и производительности труда дают свои результаты. Зарплата полагалась на 31 день, по плану, 11 122 руб. 43 коп. Но за 20 дней коммуна так сумела поработать, что затратив всего 1 727 упряжек, вместо полагавшихся 2 156, заработала 6 905 руб. 66 коп., причем, по заданию, цена упряжки составляет 3 руб. 7 коп., а коммунары сработали по 3 руб. 95 коп. за упряжку. Этот подсчет приблизителен. К концу месяца цена значительно вырастет, так как сейчас нельзя было засчитать некоторые работы, которые оплачиваются не от тонны, а от квадратного метра.

Несмотря на то, что все коммунары получают одинаково, никто из них не зарабатывает меньше того, что получали раньше, до коммуны. Даже зарубщики зарабатывают больше...

X

— К нам теперь очень часто делегации приезжают.

Член правления коммуны Манухин, низкорослый и сутулый зарубщик, вытащил из ящика стола большую новую конторскую книгу, приспособленную для записи впечатлений о коммуне.

— Мы только поздновато спохватились, — улыбнулся он. — Вот несколько записей. А если бы с первой делегации начали, то книжка давно бы полной была.

Приезжали делегаты горняков Артемовщины. Их было пять человек с шахты имени Артема, с «Центральной» (Щербиновка).

Они приехали, движимые огромным любопытством, и для того, чтобы, если опыт любимовцев окажется стоящим, перенести его на шахты Артемовщины.

Они сразу пришли в шахтком. Поздоровались и попросили дать цифры о работе коммуны. От цифр у них на голове волосы зашевелились. Они сразу попросили «шахтерки» и, переодевшись, спустились в шахту.

С недоверием сначала и с большим удивлением позже переходили эти пятеро горняков из раскоски в раскоску, обходя весь коммунизированный участок. Расспрашивали шахтеров, осматривали работы.

В книге впечатлений уже полуистертые слова, написанные карандашом.

«Считаем правильным взятый темп работы»...

«Этим самым устраняется текучесть»...

«Быстро выковываются квалифицированные кадры»...

«Видели только хорошее»...

А товарищ Потехин, председатель делегации горняков, приехавший из Севкавугля, записал вот что:

«На раскоске нижнего горизонта мы беседовали с членами коммуны, причем нами обращено внимание на бодрое и здоровое настроение членов коммуны, несмотря на то, что выдача угля происходит с раскоски вручную».

Правда, выдача вручную. Правда, старые орудия труда еще доминируют.

Но настроение не только «бодрое и здоровое». Кроме бодрого и здорового настроения, здесь развивается новая, замечательная социалистическая форма труда.

Сквозная коммуна без помпы, без излишнего шума, просто, как обычное дело, проводит грандиозную работу, вытаскивая шахту из прорыва.

Шахта № 3 сейчас накануне всеобщего окоммунизирования.

Но шахта № 3 — это только первая ласточка. И вопреки пословице, эта первая ласточка делает весну.

XI

Шахта № 7 Ровенецкого рудоуправления войдет в историю социалистической реконструкции Донбасса как первая шахта, на которой впервые возникла новая для рудника социалистическая форма труда — производственная коммуна.

Зарубщик товарищ Студеникин, один из основоположников коммуны, рассказал нам историю ее возникновения.

— Была никуда не годная расстановка сил. То в раскосках появились лишние рабочие руки, то их не хватало. Добыча шахты лезла вниз. Казалось, никакая сила не остановит сползание шахты по наклонной плоскости. Десять зарубщиков, все старые шахтеры-кадровики, попросили шахтоуправление дать им 16-ю раскоску. В 16-й раскоске до нас работала группа комсомольцев, брала 4 руб. 70 коп. за метр и не справлялась с работой. Мы сказали: нас 10 зарубщиков; вы платите за метр 4 р. 70 к. — хорошо, но мы сами снижаем расценки до 4 руб. 50 коп. за метр. Больше ничего обещать не будем. Работа покажет нас.

И работа показала, что слова зарубщиков были сказаны не на ветер. За каждую упряжку контора доплатила в первый месяц по 6 руб.

Но десять зарубщиков были настолько уверены в своей силе и в своем умении работать, что на второй месяц работы сбросили себе расценку до 4 руб. 14 коп. И все же упряжка опять была оценена около 6 руб.

Но когда раскоска была закончена, группа зарубщиков рассыпалась. Шахтком и партячейка тогда не доучли ее значения.

С того времени прошло много дней, и еще больше тонн угля нарубили эти десять зарубщиков, но уже работая не вместе, а порознь.

Был январь 1930 года. Снова случилось так, что на одной раскоске сбились вместе Кабанов, Студеникин, Кострюков, Кудинов и другие. Шахта по прежнему сдавала тонну за тонной, не выполняя промплан.

В шахткоме, в шахтоуправлении, в партколлективе ломали головы над тем, как найти выход из создавшегося положения.

В шахткоме бубнили: нет спецодежды, нехватка обуви, нет мяса...

Партячейка обсуждала вопрос о группоргах, считая их недостаточную работу основным корнем зла.

В шахтоуправлении велись скучные, как циркуляры, разговоры об отсутствии технических материалов, о недостатке инженеров и пр.

И никто не знал, за какое звено надо ухватиться и тянуть, чтобы вытащить шахту из прорыва.

А в раскосках родился этот выход. Он родился здесь потому, что никто тут не пытался свалить на «объективные причины» плохую работу шахты, потому что здесь люди привыкли прямо глядеть в глаза фактам и трезво учитывать все реальные возможности и препятствия.

Выход, который нашли любимовские шахтеры, назывался — производственной коммуной имени Тарабаева. (Тарабаев — зарубщик, хороший шахтер, убитый обвалом на той самой раскоске, где сейчас начала работать

коммуна). В основу коммуны были положены те самые принципы, которые позже так успешно использовала сквозная коммуна на шахте № 3 и на которых мы подробно останавливались в прошлых очерках.

В мае коммуне им. Тарабаева было задано 384 тонны. В мае коммуна дала 558 тонн добычи. Это — 146% выполнения задания, при 106% выхода.

Стена недоверия и недовольства пошатнулась.

В июне коммуна обязана была уже дать 410 тонн, но 634 тонны июньской добычи окончательно сломили стену недоверия, ибо это составляло 155% выполнения задания.

Июль был так же блестяще сработан коммуной, как и июнь. Квартальное выполнение задания по добыче составляет 145%. И эти 145% начали в свою очередь производить революцию в жизни шахты № 7.

Коммуны начали расти, как грибы в лесу после хорошего дождя.

Родилась коммуна им. Первого мая. Это полностью молодежная коммуна. Вагонщики Рачинов и Петрович были закоперщиками Первомайской коммуны.

Коммуна им. Шевченко, выросшая в мае, стала сейчас одной из лучших, квартал пройден со 130%-ным выполнением задания.

Коммуна «23-й раскоски» соревнуется с тарабаевцами. В мае она выполнила задание на 133%, в июне — на 130,4%, в июле — на 139%.

Квартал подытожен. Результаты — 134%.

Но высока не только добыча. Производительность труда каждого члена коммуны обеспечивает победу. За 10 дней августа у тарабаевцев задание по производительности по плану было равно 13 тоннам, а срабо-

тали по 15,4 тонны. В коммуне им. Шевченко вместо 11 тонн — 13,3 тонны. В коммуне им. Первого мая 13 тонн подняли до 20 тонн.

Нужны ли выводы?

На шахте № 7 — 450 угольных рабочих. В коммунах только 83 человека. Но эти 83 человека ежесуточно дают 360 тонн угля, что составляет 57% всей добычи шахты.

83 коммунара вытаскивают из прорыва всю шахту.

В чем же секрет такого успеха? В том, что коммуны, уничтожив лень, прогулы, пьянство, симуляцию, внесли в свою работу редчайшую целеустремленность, четкость, гибкость, которые возможны только при такой организации труда.

I

ПЕСНЯ ЛУЧШИХ

Мы в черной мгле
донецких шахт
Ведем
упорный бой.
Берется нами
каждый шаг
Взлетающей киркой.
Лоснятся
жирные пласты,
В ушах
работы гам.
И уголь
медленно хрустит
И падает к ногам.
Взгляни,
как наш порыв
окреп,
Как громок
кайла стук!
Врубаем мы
за крепью крепь
На угольном посту.

И мы
уводим за собой
Не только свой забой.
Работа наша
всех роднит.
За нами —
весь рудник.
И покидая
шахты мрак,
Вагончики угля
В клети
уходят
«на гора»,
Они нужны нам для
Прокаток,
доменных печей,
Чтоб пела горячей,
раскрыв
багровые уста,
Мартеновская сталь.
И шум
сильней у эстокад.
Вагончики снуют.
Толкая их
вперед, назад,
Откатчицы поют:
— Сильней сожми
держак
рукой!
Сильней взмахни
своей киркой,

Чтоб вез
по штрекам
коногон
Наполненный вагон!

*

II

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

1

Вы слышите?
Тысячи рук
Взвивают
напористый стук!
И рушатся, не устав,
Умноженные не даром,
По угольным пластам
Неистовые удары.

2

Черный хлеб, черный хлеб, черный, черный!
Тысячи пудов, миллионы тонн, больше, больше!
Для голодных топок,
для воспаленного горла горна,
Руби его,
бей его,
кромсай его, забойщик!
Наш Донбасс, наша черная родина,
Никому, никому не продана.
Нам она отдана!
Тверже
ступай, нога!

Крепче
хватай, рука!
Рвись
под напором бригад,
Угольная река!

3

Ледокол разрезает тяжелым килем
Полярные льды и морские мили.
И над ним, завиваясь чубом седым,
Повисает в воздухе дым.
Черный хлеб из забоев Донбасса!
Оставляя республики и километры,
Скорый поезд летит, соревнуясь с ветром.
И за ним, завиваясь чубом седым,
Повисает в воздухе дым.
Черный хлеб из забоев Донбасса!
Утро сиплым гудком на работу зовет,
И симфонией шумов грохочет завод.
И над ним, завиваясь чубом седым,
Повисает в воздухе дым.
Черный хлеб из забоев Донбасса!

4

Взрывая «шахтерками»
темь,
Утроим
упорство руки.
Берите
ударный темп,
Отбойные молотки!

Чтоб падали,
не устав,
Умноженные не даром,
По угольным пластам
Неистовые удары.

К. ГУДОК-ЕРЕМЕЕВ

ДОНБАСС ГЕРОИЧЕСКИЙ

I

СЕРДЦЕ РЕВОЛЮЦИИ

Есть в Краснолуцком районе 29 маленьких шахт, прозванных «мышеловками», «вертушками», «старыми калошами». Они не оглушают грохотом, а лишь скрипят так, словно чумацкие возы едут обозом. В этих шахтах нет и намека на механизацию работ, их еще не коснулись электротрубы, сверла, врубовки и конвейеры. «Вертушки» низки, лишены труб, бадьи опускаются по глубоким ямам. Труд здесь исключительно тяжел, но закрыть «мышеловки» нельзя, так как они служат для угольной разведки, а развиваясь, вырастают в гигантов горной промышленности. Занято в этих шахтах 23 тысячи человек.

Внизу, под барабанами, еще мрачнее, чем снаружи. Сквозь слизь и водянистые грибы, которыми усеяны стенки, пробиваются причудливыми венами земли золотые жилки антрацита. В сырых и вонючих углах переговариваются ручейки. Толстые стояки крепей покрыл мох. Вверху тянутся пласты: грянет обвал — все погибло. Здесь работают по колено в воде. И все-таки работают люди, да еще как! Гремит и в грязи поэзия труда.

Из пяти мышеловок — 2-я, 7-я, 9-я, 13-я и 15-я одновременно привозят глыбы на погрузочный пункт имени Воровского, где 16 ударных бригад дружно грузят уголь. Глыбы чисты, как зеркало. Тяжко посапывают черные локомотивы. Полуголые грузчики залном нагружают сразу полвагона. Их — двести тридцать семь. Глыбы, окутываясь клубами антрацитной пыли, с гулом и треском проваливаются в глубокую утробу пульмана, а там, в душном, спертом воздухе, потные люди вонзают в уголь железные лопаты, растаскивают его и утрамбовывают, забивают все пустоты. Соцсоревнование повысило нагрузку на 17 пульманов в сутки.

Вот бригада татар-сортировщиков вручную. Чуть колышется пыль. Решета-грохоты склонились низко над штыбом. «Мышеловки» старчески кряхтят. 320 человек быстро, как спицами в чулке, работают лопатами. На 230 тонн в сутки подняли производительность против 1929 года, на 3 рубля 73 коп. снизили себестоимость. Это ли не огромное достижение здесь, в пяти убогих мышеловках!

Пять ударников спустились в Шполянскую «вертушку». Забой «Пятилетка в 3 года» отмечен красной звездой. Здесь — 127 татар-ударников. Люди напирают грудью, цокают обушками, продалбливают, как дятлы, «законурки». Легко ли на целых двести метров пробить стенку, выдержать грудью и спиной напор земли, согнувшись в три погибели в газовой духоте!

Задание — 370 вагонеток. Решили дать 470.

В темных закоулках забоя тукают кирки. Электрические лучи просверливают густую мглу шахты. На лохмотьях ползущих шахтеров играют серебристые блики.

У надшахтной приемной площадки.

Пылинки антрацита на всклоченных и закопченных бородах и волосах зацветают изумрудом. Людям невозможно повернуться на бок. Тяжелая громада навалилась сверху. Полсекунды, полмиллиметра осадки — и все сплющит.

По жилистым надорванным рукам и по широким и впалым грудям струится пот, смешанный с грязью, с кровью.

— Эй, там, грузите скорее и — марш до ствола!

Подручные спешат что есть духу. Ударники вырубают уже 380-й вагончик.

Бригада «Штурм за промфинплан» вчера недодала 43 вагонетки. «Это же — в печенках сидит». Пятерых прогульщиков выгнали из бригады. Сегодня все — саночники, зарубщики, отбойщики — работают так, что искры сыплются из пласта.

За горячим трудом повеселели и не заметили, что лава медленно садится.

— Лава валится! Спасайся!

Грохот, гром, треск. Двадцать три человека кинулись к проходному штреку, с трудом добрались до него и упали на куски породы. В ушах стоял оглушительный звон, в глазах роились радужные мотыльки. Людей колыхало, словно на судне в шторм. Шахта как будто качалась сверху донизу. Потом людям показалось, что они кружатся вместе с породой. Углекопы метались около часа по шахтным лабиринтам, давили руками слизняков, искали выхода, но всюду натыкались на земляные пробки. Потом — изнемогшие, наглотавшиеся отравленного воздуха — уснули. Разбудил громовой удар. Рушился ход — заваливало последнюю печку.

Люди с трудом открывали глаза. Тела отяжелели, словно были налиты свинцом. Впереди — тьма и пустота. Смерть — здесь, рядом. Откопают ли? Как завалило? Может быть, отрезан доступ воздуха?

— Жаль шахту! Придется заново делать забои...

Подземный туман наплывал на углекопов. Они засыпали и вновь просыпались. Люди перестали полагаться на свой слух, они не могли сказать с уверенностью, мертвая ли тишина вокруг или оглушительная какофония подземелья. Вот будто трепещет что-то во мгле, звонит, стучит, шарахается; что-то вертится, визжит, сопит. Потом кажется, что вблизи тысячесильный насос выкачивает воду из бездонной пропасти. Через минуту доносятся глухие раскаты падающей породы... И над всем этим повис на одной ноте какой-то странный, хватающий за сердце, тягучий звук.

Люди старались открыть глаза. Встать бы, подойти к главному выходу, отвалить каменные плиты, услышать человеческие голоса, стук вагонеток, звон сигналов, собачий лай и вздохи подъемных машин. Но силы покидали углекопов. Колени у всех были стерты до костей. Тела попеременно окатывало то жаром, то холодом. Чу — опять грохот! То глуше, то резче... Все ближе, ближе... Вот уже на подземные удары отозвались дрожью стойки и гулким биением — сердца пленников завала. Железные вагонетки дрожат и гудят. Кругом сначала тупо потрескивает, потом звякает, потом гремит, как гроза в засуху, все гулче и гулче, и наконец оглушительный раскат потрясает углекопов. Минутное затишье — и опять удары приближаются, растут и снова низвергаются на людей нестерпимым гулом. Горнякам понятны эти звуки. Враждебная стихия раз-

рывает сначала на куски землю, потом бьет по раскаленному пласту; шахта еще гудит, когда завал уже грохнулся. Но откуда внезапный треск? Люди старались сообразить, понять. Но мозг был как в тумане. Казалось, легко припомнить что-то нужное, так вот и вертится в голове, мучительно-близко вертится, а что именно — не уловить. Шум рвал нервы, то разрастаясь до чудовищных размеров, то будто исчезая в штреках. Попавшим в западню казалось, что не гул пропадал, а они сами в это время переставали существовать. Оцепенение сковывало всех по рукам и ногам.

— Ну, чорт с ним, не поддадимся! Давайте работать!

— Верно, верно, товарищ Мухаматшин! Под лежачий камень не потечет вода.

С невероятными усилиями все проползли в громадный и мрачный штрек, забрали кирки, лопаты. Со всех сторон канделябрами невиданной формы висели гигантские плавуны-огладухи. Снопами вылетали из них вихри пыли, заволакивая стойки и сгущаясь в туман. Стойки качались и визжали. Шахтеры с трудом пробирались между плавунов и вертящихся глыб, летевших сверху.

Собрав последние силы, ударники бросились с кирками штурмовать породу — пробивать себе выход. Загрохотали глыбы. Решимость приподняла всех. С остервенением колотили, били, грызли землю молотами, кирками, кайлами, лопатами и чем попало. Вырваться какой угодно ценой!

— Что, — живы?

Этот голос из мрака ворвался в завал ослепительным солнечным лучом.

— Ну, счастье ваше, малый перевал случился—всего на 73 метра.

Оказалось: ударники пробыли в завале восемнадцать часов. Трое товарищей погибло.

— Нужно вновь долбить забой. Отдыхать, товарищи, не пойдем!

Люди засуетились, точно муравьи в разоренном муравейнике, кротами расползались по лабиринтам. Черная едкая пыль вулканическим пеплом стояла в воздухе.

Подземная катастрофа выбросила наружу и нагромоздила груды сланца, глыбы угля, пирамиды песчаника, горы плитняка.

Шахтеры организовались в двенадцать ударных бригад.

— Бить, братцы — так уж бить свирепо! — сказал Мухаматшин.

Люди непрерывным потоком отбивали глыбы, отваливали плиты. С грохотом катились камни в пустоту, со звоном и дребезгом падали стойки. Земля притихла, как усмиренный зверь. Саночники, таская салазки, извивались словно змеи. Коногоны, пружинясь телами, поспешно возили породу. Одни пары откатчиков направлялись к печке, порожняком, другие вереницей возвращались оттуда с грузом. Сыпались тонкие, чистые, твердые звуки кайловых и кирочных зубил, звонкие удары отбойщиков, подламывающих двадцатипудовые глыбы, могучие вздохи насосов, качающих воду, глухие подземные взрывы, с помощью которых бурильщик силою динамита заставлял дрожать всю шахту.

— Не уйдем, братцы, пока до пласта не доберемся!

В утробе земли пульсировал и кипел человечес-

кий труд. Это была картина захватывающей красоты и силы. Очистили ходы, дорылись до угля, сделали 23 печки, выдали еще 275 вагонеток антрацита. Только тогда ударники, бывшие в завале, пошли на отдых, а на следующее утро, в 4 часа, вновь все, как один, воевали за уголь. Промфинплан не пострадал. Ночная смена дала даже 73 вагонетки сверх нормы.

★

Жалки гаденькие разговоры наших классовых врагов о том, что «соревнования на низах нет», что его «накачивают сверху». Разве могли бы без горячего подъема в среде самих шахтеров включиться в стремительный темп работ расхлябанные шахтенки-мышеловки? Социалистическое соревнование вошло в плоть и кровь рабочих, угасить его никому не удастся!

На «мышеловках»: Нагольчанка, Боковка, Хрусталевка 27 татарских семейств соревнуются между собою.

У старого Мухамеда семь сыновей-шахтеров, а сам Мухамед 29 лет отработал в шахтах. Отец и сыновья вызвали старика Ибрахманова с его восемью сыновьями работниками. Эти шахтеры пользуются огромным авторитетом среди всех товарищей. В пылу соревнования отцы вызвали сыновей, которые охотно приняли трудовой бой. Это добровольчество отразилось и на работе других. Быстрей застучали обушки, живей задвигались руки, глаз зорче стал присматриваться к креплению забоев. Две семьи взяли пять заваленных забоев, где добывалось по 15—20 вагонеток в сутки, закрепили и стали давать по 140—150 вагонеток чистого экспортника. За три месяца ими добыто свыше 15 450 тонн угля. На 73% подняли производительность

труда и на 35% свой заработок. Следом за ними еще 12 татарских семейств вступили в такое же соцсоревнование.

Соцсоревнование не обошло и женщин. Застрельщицами-штурмовичками на шахтах «мышеловках»: Должанка, Снежнянка, Вагнеровка выступили татарки. Именно они выбросили на откатках красные флаги — сигнал об организации ударных бригад. 32 женских татарских бригады организовались с тем, чтобы давать в экспорт 520 вагонеток вместо 320. Перешли работать на пять плит и повысили сразу норму до 127%. На других «мышеловках» организовалось пять производственных татарских коммунок.

Вскоре все «мышеловки» перешли на ударный темп.

За один май 1930 года дано 23 840 тонн угля сверх нормы. Брак угля сошел на-нет.

Загорелись красные звезды. Плакаты кричат:

«Рвачи, враги всех мастей! Не мешайте нам работать!»

«Будем драться, как черти, за пятилетку в три года!»

Гремит Донбасс, изрыто его тело, и в каждой угольной жилке бьется сердце великой революции.

II

ЗА НАШЕ ОБЩЕЕ...

У старого кадровика-ударника, 57-летнего П. Е. Закурдаева, лицо в морщинках — как дуб в коре, а глаза молодые, здоровые. Высокий лоб, опрятная седенькая бородка... Когда Закурдаев в часы отдыха перелистывает книгу, он похож на ученого. Но стоит только взглянуть

на его руки, чтобы тотчас признать в нем опытного, прилежного отбойщика. Кисти рук с обеих сторон покрыты пятнами заживших ушибов и зарубцевавшимися ранами, синими от въевшейся угольной пыли. До самых плеч руки в ссадинах, в широких шрамах.

Закурдаев — передовой и неутомимый борец за выполнение промфинплана. Рвачи и лодыри ненавидят его. Матерой бездельник Гришка Масюнин грозит:

— Башки тебе не сносить! Зачем в соревнование полез? Перед начальством выслужиться хочешь!

— Брось бузить, Григорий! Мне жаль шахту. Работаем 3 780 человек — и 380 тысяч рублей дали за три года убытку. Куда это годится?

В помощь Гришке набрасываются на старика другие лодыри:

— А какое твое дело?

— Да за что вам деньги платят? Я бы гроша не дал. Ну, какие вы рабочие? Только слоняетесь по забоям.

— Казны тебе жалко?

— Эх, ребята! С государства дерете, а ведь деньжонки-то наши, кровью заработанные. Дармоеды вы! Залезайте в забой, да и спите там.

Рвачи точат зубы на старого отбойщика.

За два года Закурдаев организовал-таки соцсоревнование и ударные бригады. Нелегко это досталось! Новую шахту лодыри почти что довели до гибели. У ствола встречали Закурдаева руганью, травлей. В серьезную борьбу с врагами производства не решались вступать даже шахткомцы и бюро ячейки.

Промфинплан катился вниз. Добыча на 3—4 часа вовсе срывалась. Администрация на запросы о невы-

полнении программы отбрехивалась технеполадкой, хотя в действительности виновны были лентяи и кулацкие пособники. Росло вредительство: то моторы спалят, то завалят забой, то оборвут канат или крепление. Это было сплошное издевательство над шахтой. Старики-кадровики умолкали перед угрозами со стороны вредителей. Закурдаев часто рвал на себе волосы. Его выступления на производсовещаниях брались «в штыки».

— Эва, какой нашелся спаситель шахты!

Закурдаев не сдавался. Он образцово работал и примерной работой своей кидал вызов отстающим.

Старик верил твердо:

— Соцсоревнование восторжествует!

Однажды Закурдаева в руднике № 5 имени Артема на 680-метровой глубине застиг подземный пожар. Огонь ворвался откуда-то со страшной силой, раскинулся по всем стойкам, метнулся вниз, а потом переполз вверх. Подземелье наполнилось черным дымом. Трещал уголь, шипела смола на стойках, кипела, выделяясь из прослоек, вода. Страшен пожар в шахте — только горные спасаловки в силах побороть его. Огненные языки лизали уголь, и хлопьями взлетало, фонтаном било пламя вверх. После выяснилось: вредители запалили два пласта.

Закурдаев кинулся к большой пещере.

— Эй, эй, эй! — крикнул он в соседний уступ.

Ни звука в ответ.

Старик схватил лампочку и молот.

«Неужели задохнусь, сгорю? Нет, нет! Если ползти вверх — в дыму пропаду, а внизу — в пламени. Тут выхода нет... Надо пробиваться на восток».

В горле сразу пересохло. Закурдаев пополз, не теряя присутствия духа, быстро соображая, что предпринять.

«Надо молотом пробить зацементированную перемычку...»

Он шуршал углем. Впереди уже бушевало огненное море. Сквозь огонь Закурдаев добрался до перемычки и стал бить изо всех сил. Время от времени он пил шахтную вонючую воду. Дым колол широко открытые в темноте глаза, лез в горло, перехватывал дыхание. Лампа, ударившись о стойку, потухла.

Закурдаев ударял молотком в одно место так, что порода и цемент размалывались в муку. Перемычка наконец была пробита. Шатаясь, нащупывая рукою дорогу, Закурдаев вылез на главный штрек. Здесь густой дым поднимался со всех выработок и газенков, душил. Но Закурдаев не спешил спасаться сам.

«Нужно спасти остальные двадцать семь забоев».

Он в темноте сделал восемнадцать перемычек, чтобы прекратить дальнейший путь огню, и только тогда пошел к стволу. На уклоне старик наткнулся на мертвую лошадь, лежащую на рельсах. Пригнувшись и щупая руками рельсы, Закурдаев полез дальше и в ближайших лавах увидел костры, еще не запалившие угольных пластов. Он затушил в десяти местах огонь.

«Ну, теперь лампочку зажечь!»

Лампочка не горела. Пополз «на темную».

Вот и главный уклон. Под брошенными открытыми решотками лежали горы угля. Закурдаев, ударившись об одну из них головой, ползком обогнул их и вскоре нащупал рукой голову человека.

— Кто это?

Лежавший не ответил. Закурдаев взвалил живую ношу себе на плечи. С ней итти было еще трудней и опасней. Поднятый человек стонал в беспамятстве, кровь бежала у него из носа.

Закурдаев выбился из сил. Вдруг он стукнулся о что-то железное. Вагонетка! Закурдаев обрадованно положил человека в вагонетку и быстро погнал ее. Вагонетка привела к стволу, где мелькали электрические огни. При ярком свете старик увидел лежащего перед ним Гришку Масюнина.

Клеть выдала обоих на поверхность.

Тысячи людей кричали:

— Жив, жив!

— Гляди-ка, еще Гришку выручил!

Инженеры спрашивали встревоженно:

— Все пласты занялись?

— Нет, поставил перемычки.

Спасательная горная станция и администрация признали, что Закурдаев спас шахту, и предложили ему премию в пятьсот пятьдесят рублей. Закурдаев от премии отказался.

— Давайте-ка промфинплан выполнять, — сказал он и прочел заявление: — «Вызываю всех кадровиков на соцсоревнование до постройки социализма. Снижаю норму расценки на 15% и поднимаю норму выработки на 45%».

Кто-то съязвил:

— Выслуживается! Метит в центр поехать!

Закурдаев на другой день говорил на нарядной:

— Старые горняки, с кем вы, за кого? Стране нужен уголь. Мы обязаны его дать. Кто в бригаду спасенья шахты? Ведь на черной доске висим! Рвачи

пласты подожгли. С кем вы, — с ними или с социалистической отчизной?

Старики отозвались:

— В самом деле, на тринадцатом году Октября иные работают так, словно живут у частника. Идем в бригаду, выведем свою шахту под красное знамя!

Организовалось 17 бригад. Главная ударная сезонная бригада имени тов. Орджоникидзе повесила вызов:

«Мы, 470 сезонников, добровольно повышаем на 57% нормы выработки, снижаем на 37% расценки и просим администрацию не платить нам за брак. Вызываем рязанцев, тамбовцев».

— Сатана — этот Закурдаев, — говорили в шахткоме, — ну, пусть бесится!

Старики-углекопы заметили, что шахтком съякшался с кулаками, и добились перевыборов его. В новый состав выдвинули кандидатуру Закурдаева. Тут сразу видно стало, за что старик боролся.

— От должности председателя шахткома я отказываюсь, — сказал Закурдаев. — Мне — гореть в шахте, а не копаться в бумажках.

Пришел из больницы Гришка Масюнин.

— Ну, друг Закурдаев, прости. Вот перед всеми людьми клянусь, что я вовеки тебя не оскорблю. Прими в ударную имени «Спасения шахты Артема».

— Иди, иди.

Закурдаев организовал за апрель 35 ударных бригад. Шахта выполнила промфинплан на 142%, добыто 3 780 вагонеток угля сверх задания.

Инженеры объявили, что только благодаря Закурдаеву удалось вывести шахту из тупика. Сезонники выгнали из своей среды кулаков-вредителей, и сразу

добыча поднялась до 800 тонн в сутки, а заработок повысился на 47%.

Закурдаев пошел по казармам организовать производственные коммуны.

Остатки кулаков озлобились.

На собрании Драгунов и Дреженкин орали:

— Что это старикашка лезет? Что ему нужно?

— Мне нужно, чтобы каждый болел за производство, за недоданный кусок угля. Больше мне ничего не надо, братцы. Вы болеете только за свое, а надо — за наше, за общее.

Закурдаев организовал три пятерки по изучению ленинизма. Он всегда всюду поспевает. С бригадой своей переделал сортировки, дробилки, превратил кузнечные цехи в механические мастерские, создал вагонный парк, устроил бесконечные откатки на уклонах...

Предшахткома принес Закурдаеву путевку в Крым на курорт.

— Поезжай, отец!

— Да что вы — рехнулись? Что я — больной? Тут — стройка, горячка! Не поеду.

Принесли из госбанка 650 рублей — его облигация выиграла.

— Ну, и хорошо. Деньги мне не нужны, жертвую их в базу индустриализации. На что они мне, а? Капиталист я, что ли?

— Чудило! Попробуй, пойми такого человека! — косятся на Закурдаева шкурники.

Им не понять, как чудесно кипят и клокочут наши неповторимые будни!

М. ЧЕРНЕНКО

Недавно на шахте «Мария» в Кадиевке произошел сильный взрыв. Он вырвал из рядов бойцов за пятилетку несколько десятков людей. Цепь неполадок в шахте «Мария» не могла не вызвать аварии. Научиться работать четко, относиться к своим обязанностям, как к большевистскому долгу — вот чего требует от нас тяжелый урок катастрофы.

НА ШАХТЕ ВЗРЫВ

Бьют в шахте сигналы. Три удара, четыре. Два. Клеть идет то вниз, то вверх, поднимая и опуская людей, груз. Только бы не двенадцать ударов: это — «качай больного», «несчастье». У ствола грудой собираются откатчицы. Ждут... Один удар — стоп...

До безобразия много неполадок в шахте.

На четвертом пласте рассучился канат, смена не работала, стояли составы столпившегося порожняка. С эстокады умудрились вагон породы сгрузить в чистый уголь. В двухсотметровой лаве искосили линию конвейера.

Восемь дней назад «Мария» вышла из аварии. Лопнул вал подъемной машины. Шахта замерла. Тысяча четыреста горняков работали тогда на ней. Ударники Краматорского завода новый вал изготовили не в три недели, а в десять дней. 3 июня его привезли на шахту. Тщательно подремонтировалась к этому дню подъемка. Утром 9-го начал работать пласт «Никанор» и двухсотметровая лава. Убивала нехватка людей. За дни аварии многие разбрелись по окружающим рудни-

кам. Медленно шахта набирала скорость, чтобы зажечь на копре красную звезду — знак завоеванной и закрепленной победы.

★

Выпал родился где-то между четвертым и пятым штреком. Стоял вентилятор (на «Крупской» — шахте соседке, повредило кабель). В забоях скоплялся газ. Предупредила бензинка — она вспыхнула у десятника. Покряхтывая, шахтеры вылезали на штрек переждать, пока пойдет вентилятор. И не переждали.

Бензинки у надзора зажигались особой кремневой зажигалкой. Кремень их содержит чрезвычайно горючий церий. Газ уже вышел из забоев, он заполнял штрек. И когда десятник начал зажигать свою лампу, в штреке произошла полувспышка, полувзрыв газа. Лампа покатилась к уклону. А затем... Огонь хлеснул навстречу свежей струей воздуха. Визжали ломающиеся укрепления. Лопался воздух от нестерпимого жара. Пласты угля, крепи покрывались буроватой коркой кокса. Вверху на подъем, по уклону бегали испуганные вагончики, наскакивали друг на друга, сплющивались, сторонились от огня. Огонь мчался по уклону к коренной, прорвался в нее и погас где-то у самого входа, кинув вперед, к стволу вихрь пыли. Пыль вырвалась на поверхность, палящим факелом поднялась над зданием шахты. Пыль и воздух рвались, расшвыривая подкатчиков, разгоняя вагоны, разрушая препятствия. Внизу, на подземном рудничном дворе вослед испуганно смотрели люди.

А по штрекам вслед за вихрем шла пелена угара, газа, усыпляющего людей и убивающего их так же просто, как канареек.

Слесарь Поддубный и еще двое работали на восьмом. Несколько мельчайших долей секунды выпало из сознания. Воздух вдруг стал нестерпимо горячим. Кто-то сразмаху повалил их на землю. Ослепил глаза, оглушил смрадом. Лица заныли под тучей дробинок, занесенных с уклона (вихрь изломал сланцевые заслоны, захватил с собой тончайшую сланцевую пыль и бил ею людей, как охотничьей дробью).

Поддубный попытался встать, схватился за борт вагонетки.

— О-ой!..

Железная стена оказалась горячей, словно зубок, только что накаленный в кузне. Редкие, тяжелые, как свинец, капли падающей породы стучали сзади. И вдруг...

Что это? Бред? Голоса из глубины штрека, далекие и непонятные, ясно дошли до сознания: «А... а... а...» Это из одиннадцатой печки! Они живы!

Инстинкт заменял сознание. Еще мелко стучали зубы, сведенные судорогой испуга, а люди уже обрели себя. Они ринулись к уклону. Дым закупорил выход. Отбросил обратно. И тут вмешался Шкурупий, старый кадровик и забойщик.

Водой смочили лица и одежду. Гуськом прорываясь через заставу дыма, вышли на ходок. Газ прерывал дыхание. В висках стучало. Северный ход оказался заваленным. Вернулись. Снова наступали. Чередовали наступление с отходом, протискивались через старые сквозные печи.

Почти у цели. У входа на ногах остались только Шкурупий и Чалый. Они пробились к свежему воздуху; захватив воды, вернулись обратно. Выносили уже почти

задохнувшегося Богуславского, газового десятника Алексея Яковина. Трое ползли, Яковина несли. Он упрашивал Шкурупия:

— Дай уснуть. Прошу тебя, дай, хоть чуточку... Спать... Спать... Я немного...

Обаятельной казалась каменистая почва штрека. Только б поспать! А этот старый бритоголовый чурбан не дает...

Пять вышло. Их встретили спасатели. С Яковиным потом доплелся и Шкурупий. Он еще долго возился со спасателями, показывал пути, помогал работать.

Из восьмого штрека погиб только один. Он думал победить газ ударом в лоб. Сильный и бесстрашный, он бежал вверх прямо по уклону. Пламя и угар бросили его к стене. Труп так и нашли потом, вытянувшийся во весь рост, втиснутый между двумя стойками крепления. Остальные семь вышли.

...Всего на уклоне пласта «Никанор» — «Север» работало 88 человек. 37 из них не расскажут о своих последних часах. Их подбирали в завалах, в штреках уклона, по коренному. Большинство — сезонники, новички, плохо знающие шахту.

Ужас гнал их нередко прямо навстречу смерти. Бросая лампы, инструмент, люди бежали. Куда? Куда-либо. Трупы находили в пути. Их догнал газ, окись углерода, сладковатый угар, предательски манящий ко сну, газ наипростейшей химической формулы.

Потом страшно было ходить по штрекам. Разбросанные аккумуляторные лампочки яркими точками дрожали в канавках между шпалами в лавах, зацепившись за стойку. Бросались туда. Искали людей. Людей не было, они бежали «на темную». Их гнал страх, побе-

дивший сознание, этот же страх загнал молодого инструктора ЦИТа мимо спасательного выхода в старые, заброшенные места работы.

Некоторые спасались через сбойки в соседние шахты — «Альберт» и «Крупская». 29 человек «выдали» [1] спасатели.

*

Чижевский шел к югу. Он — десятник по движению, а оттуда почему-то долго нет коногона. На стволу его только что за это разделывал зав. Чудак, как будто Чижевский виноват! Наверно, нет угля. А поглядеть надо...

Он шел, зорко всматриваясь. Аккумуляторка вырезала в темноте точно освещенный круг.

И вдруг... В спину наотмашь ударили чем-то тяжелым.

Кто?

Нападавший не давал говорить. Так же предательски он отшвырнул Чижевского в сторону и подмял под козу [2]. Волна пыли понеслась дальше. Вдалеке кто-то, натужившись, с силой порвал холстину.

Чижевский бежал... В штреке гудела пронесшаяся буря. Вынырнул стрелочник.

— Что за чума ударила?

— Наверно, труба воздушная лопнула. Надо к стволу скорей. Узнать.

— И верно.

Бежал. У входа к стволу его остановил завшахтой.

— Куда ты?

---

[1] Подняли наверх.

[2] Повозка для доставки лесоматериала.

— Ударило что-то. Узнать надо.

— Бежи на четвертый. Потом придешь, мне скажешь.

Остальное заняло секунды. К пласту — четвертому по счету, «Никанору» по названию — путь был отрезан. Сжимало удушье. Вперед не пускал дым. В камере насосов вместе с монтером нюхали воздух. Звонок на уклон отказался работать.

Да, ясно:

— Выпал.

Подбегая к стволу, Чижевский услышал сигнал «на гора»... Эх! — лишь бы не уехал стволовой. Будет паника, будут люди без толку прыгать в клеть, без толку бить сигналы. Давка... драка... Нет, стволового надо удержать во что бы то ни стало.

Изнемогая, выскочил он во двор с криком: «Стоп!» Кто-то из податчиков его крик повторил сигналом. Клеть уже поднималась. С ней уезжал стволовой. Его долго пришлось уговаривать.

— Останься, тебе же вреда не будет. Люди погибнут. А я только на пять минут — заву сказать. Потом обратно. Сволочью перед народом будешь...

Клеть вверх. Череда лестниц. Контора. Крик заву: «Выпал!» Опять ступеньки. Клеть. Ствол. Это заняло меньше пяти минут, много меньше.

Наверху — он видел — уже сновали люди. А в шахте, на далеких пластах другого крыла работали люди, не подозревая о катастрофе. И тогда комсомолец — десятник по движению — Чижевский начал действовать.

На «Атаман» он послал подкатчиков.

— Порвался кабель. Тока нет. Пусть смена идет «на гора». Только чтоб не задерживались. Зав сказал.

Люди оттуда приходили, их молча качали наверх. О запахе гари говорили: «Сгорел кабель». И только наверху они узнавали: «Взрыв на шахте... на «Никаноре»...

Последними приехали коногоны: сын красного партизана Ивакин и Черниченко.

— Что долго току нет? — спрашивали они Чижевского.

В ответ он увлек их в пасть катакомб, из которых сочились струйки дыма.

— Выпал!

— Где?

Шли. Там, на штреке лежал девятнадцатилетний коногон, татарин Акметчан. Партией вагонов придавило лошадь. Она ныла и человеческими, полными боли глазами смотрела на подошедших. Нагнулись над человеком. Он стонал, поскрипывая зубами. В открытых глазах был бред, капли пота выступали на лбу. Жив! Сверху навалено два вагончика. Осторожно начали высвобождать.

*

На стволу высаживалась первая группа комсомольской помощи...

*

Гудка не было. Столб пыли над шахтой заметили ребятишки. Они испуганно засуетились по поселку, и тот сразу ожил.

— Взрыв?..

— Взрыв!

— «Мария»...

Поселок хлынул к шахте. Люди бежали без крика, не останавливаясь. Женщины на ходу развязывали

головные платки. Некоторые причитали. Струйки людей сплетались в ручейки, в поток, в слепую лавину. Какая-то молодица в праздничном сарафане, поворачиваясь из стороны в сторону, тщетно обращалась ко всем пробегающим:

— Люди добрые... Да что ж это такое... Лю-д-д-и-и...

Не оборачивались. Скорей туда, где отцы, братья, сыновья, мужья...

Факел пыли над шахтой потухал. Пыль осыпалась вниз, а там сгрудилась толпа, безмолвная и ожидающая... Ее трясло, как в лихорадке, пружинила напряженность.

Коган вбежал в контору, когда у зава от волнения голос стал сиплым и дрожащим.

Через несколько минут бригада добровольцев-спасателей из двадцати четырех комсомольцев была готова. Часть прибежала из ячейки, другие выбились из толпы. И тогда в груду людей, лихорадочную и настороженную, комсомольцы бросили призыв:

— В шахту кто? Людей спасать...

По одному вышло четверо. Коммунист шахтер Ефремов, машинист врубовик Кушнарев, кадровик забойщик Петр Шкрытко и Рябенко — секретарь шахткома.

Этажи разгружались мгновенно. Выпрыгивали. Бежали по штреку, окруженные дымом. А потом...

В боях с газом человека защищают машины. Их не было у комсомольцев. Смелость бросала их в штрек, заполненный газом и дымом. Они прорывались в дыму, задыхаясь, спасали погибающих. Они дрались со стихией, не отступая, не сдаваясь. Подхватывали зады-

хавшихся и тащили к стволу. Будили засыпающих. И многие, вырвавшись из уклона, спокойно кидались спать здесь же, на коренном штреке. Приходилось расталкивать, уговаривать, нести. У самого уклона молодой цитовец, схватившись за голову, тянул какую-то непередаваемую ноту:

— А... а... а... а...

Его окатили водой. Отошел...

— Воды... Дайте воды...

Душил дым, едкий и вонючий. Было одно спасение — в воде. Угоревших из команды тоже оттаскивали к стволу. Отливали. Шли обратно.

Минут через десять в шахту спустилась спасательная команда в респираторах.

По десятому штреку для откачки воды давно вырыта большая, вместительная помойница. Туда торопились пробиться. Ждали людей. Приоткрыв двери, спасатели в ужасе шарахнулись назад. Вода светилась. Она горела изнутри, вся словно налитая расплавленным металлом. Ртутью переливалась вода, играла радугой. Медленно проходили тягучие секунды ожидания. Снова приоткрылась дверь. Так же спокойно и угрожающе горело в воде пламя. Это светились аккумуляторные лампы, брошенные в помойницу спасавшимися от газа шахтерами, но и они не укрылись. Газ настиг их. Вместе с лампами «выдали» наверх их трупы.

*

Весь вечер, всю ночь продолжались спасательные работы. Поздно ночью в комсомольской ячейке шло короткое бурное собрание. На повестке — выпал, выдача трупов. По эстокаде уже ходили комсомольские патрули,

в больнице дежурили комсомолки, обмывали раненых, помогали перевязывать, в шахте заканчивали свою работу комсомольцы-спасатели.

Комсомол должен знать имена своих героев. Вот они, кто шел в первых рядах. Мейковский — экономист, организатор комсомольской лавы, молодой забойщик Дубина, агитпроп шахтной ячейки — лебедник Желанников, студент-комсомолец, практикант Политехнического института — Моисей Каганович, молодой крепильщик Шура Кукаренус, помощник участкового техника Петя Шестюк, машинист врубовки и «генсек» горпромучевской комсомолии — Алексей Молчанов, вождь «кавалерии» — крепильщик Алеша Грывалов, машинист Ваня Ушаков...

★

Вокруг аварии грязные людишки заводили грязные разговоры:

— Ночью, гляди, и похоронят. Чтобы скрыть. Жизнь теперь кругом такая. Правду, ищи ее...

— Говорят — тридцать пять. Кто их считал? Почитай, счет за семьдесят перевалил.

Сплетничали. Спекулировали на безобразнейшехалатном отношении к технике безопасности. Блевотину гнусной лжи выхаркивали на спасавших: рассказывали о кражах у погибших.

Нужно было чуточку приглядеться — выглядывала личина кулака. Только сейчас она скрыта под маской сезонника.

В группах рабочих их встречали в штыки. Ругали матерными словами. О некоторых приходили рассказывать в ячейку. Так «засыпался» Городецкий, сын ку-

лака, коногон, только пару дней назад подавший заявление в партию.

Я видел людей, потерявших в катастрофе двух-трех человек. Видел лица, иссушенные слезами. И все их дела, все поступки в дни бедствия позволяют сказать: «*Рабочие «Марии» встретили несчастие исключительно выдержанно, по-пролетарски стойко*».

Ночью поселок не спал. Бродили тени. Мелькали авто. За сотни километров от границ Донбасса прибыли спасательные команды лисичанских и горловских горняков. Загорелось утро, желтое и пасмурное.

*

17-го вечером их хоронили. Братская могила вырыта в саду шахтного клуба. Мимо выставленных гробов с телами протянулась нескончаемая цепь горняков, прошли делегации соседних шахт. Сколько их всего: двадцать ли тысяч, двадцать пять, тридцать? Речи. Тяжело их говорить, тяжело слушать. А ведь как слушают! Не слова в суховей брошены — зерна крепкой мысли:

— Из детей погибших надо воспитать специалистов, чтобы наши шахты не знали подобных катастроф.

Над клубом хлещет черный флаг — знак аварии и бедствия. Полотнище его разорвано пополам ударами о проволоку антенны. Флаги траура подняты на всех окружающих шахтах.

За героизм и самоотверженное спасение погибающих от имени правительственной комиссии и правительства вынесена особая благодарность рабочим шахты «Мария» *Шкурупию* и *Чайличенко*, секретарю комсомольской ячейки *Когану* и всей комсомольской бригаде по

спасению. Перед правительством возбуждено ходатайство о награждении Шкурупия орденом Трудового Знамени. Девять человек из комсомольской бригады во главе с Коганом вне всякой очереди командируются на учебу.

■

Кадиевская организация комсомола начала мобилизацию и переброску для работы в шахте «Мария» семидесяти лучших комсомольцев-горняков.

Скоро шахта имени «Тридцати семи» начнет работать. Над могилами погибших шахтеры дали клятву зажечь на ее копре красную звезду.

Звезда — знак великого горняцкого похода за уголь.

«ПАРКОММУНЕ»

Рудник мой,
Ты затерялся где-то
Далеко в донбассовской степи!
Но глазами пробегу газету —
И приветом сердце закипит.
Узнаю я:
«Паркоммуна» дышит —
Шумом безудержного шкива,
И в строках газетных я услышал
Горняков горячие слова.

Радость дружбы
Ценна потому нам,
Что сплетает крепостью борьбы,
Оттого,
Родная «Паркоммуна»,
Мне тебя до гроба не забыть.
Я, ведь, вырос в этой темной яме,
Где в забоях обушок гремит.

Знаю — трудно,
Знаю — очень тяжко

Воевать в забоях обушком.
Нынче шахты
В стойках и затяжках,
Но бетон и вруб недалеко.
Верю в то,
Что каждым метким взмахом,
Каждой новой тонною угля
Старой шахте
Мы готовим плаху
В подземельных, трудовых полях.

Умирай,
Затяжная старуха,
Обушок,
Братишка, выводи!
Нам скорей бы шахту-молодуху
На конвейер радости грузить.
Грузим уголь. Грузим жаркий лихо.
На пласты ножами горняки.
Он шумит —
Соревнованья вихрь
Он гудит —
Соревнованья шкив.

Не сдает моя родная шахта
И напором штабеля берет,
Значит,
Крепче и упорней шаг стал,
Значит,
Дружно движемся вперед.
Путь к победе
Ясен потому нам,

Что умеем в схватках не робеть.
Мой привет
Родимой «Паркоммуне»,
Неустанной в трудовой борьбе!

СЛУШАЙ, ДОНБАСС

Донец незатейлив
под хитростью щучьей,
А звезды и шахты
сошлись напоказ.
Но в шахту не сходит
звезды многолучье
И кроет фонариками звезды
Донбасс.
По коридорам
поют лампоносы,
Плечистый забойщик
входит в забой;
Лампа мерцает,
звонкоголосый
Забойщик
тень волочит за собой.
Товарищи —
крепильщики и машинисты
С электровозов,
машин врубовых —
Соревнованьем
готовы расчистить

Путь пятилетке,
чтоб шла напрямик.
160 000 тонн —
это на день!
Заданье
партии, класса, страны, —
Смену, транспортеры,
спускай на канате:
Темпы
должны быть сохранены.
Ударный квартал
ведет эшелоны,
Но покуда заданье
от дел далеко,
Товарищи забойщики,
бей неуклонно;
Вы в долгу пятилетке,
а нам не легко
Оттого, что работа
срывается где-то,
На новом участке,
на новом посту!
Помни, работу
баюкало лето,
От летних темпов
держись за версту.
Гони летунов,
кулачья подголосков,
И, требуя
вдосталь и в меру забот,
Смотри, чтобы шел ты
на красную доску...

Подáльше от черной,
а не наоборот!
Ударней работай,
мастера и лампоносы!
Забойщики, крой
за забоем забой!
И входит
забойщик звонкоголосый,
Полночную тень
волоча за собой.
Донец незатейлив
под хитростью щучьей,
А звезды и шахты
идут напоказ.
Но в шахту не сходит
звезды многолучье
И кроет фонариками звезды
Донбасс!

ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

День и ночь в шахтной горе с отработанной черносерой породой бегает вниз и вверх вагонетка, — вверх — с породой, вниз — пустая. На остроконечной вершине горы вагонетка механически опрокидывается. Днем видна вспышка угольной пыли, облако скрывает вагончик, но ровно через две минуты он летит вниз. По хаотической горе породы вагон бегает с точностью стрелки часов. Ночью вагон летит в черной тьме и не падает в сторону: он на рельсах. Невидимая рука управляет движением. Оно точно, свободно, размеренно. Так уверенно летит паровоз по ночным черным полям. Он на рельсах, как жизнь.

*

По дороге на шахту «Смолянка» попадается рельсовый путь. Сталь пожелтела, между рельсами жесткий бурьян. Возчик, у которого из бороды торчит, как палочка, нос, говорит, что этот путь строили шахтинцы, — те, кого недавно судили за вред государству.

«Вредные проложили этот путь неизвестно куда, чтобы возить неизвестно что, кого»... Так теперь и лежит стальной путь — память о вредных строителях. Возчик еще говорит: «Эта путя — железо хорошее, эх, — если б

поднять и перелить... Он вздохнул и нагнулся к колесам возка.

*

На улице города Сталино всегда толпы людей. Вагон трамвая еле ползет, он набит людьми до отказа. Люди — на тротуарах и на мостовой. У остановки вагона милиционер говорит вагоновожатому: «Дуй без посаду». Вагон проходит не останавливаясь. В толпе шагает человек с черной бородкой, в светлой шляпе. Пальто цвета красной меди. Острые глаза, крутой подбородок. Почему-то думается, что в таком костюме и с такими глазами ходит американец-инженер по вновь открытому прииску в Канаде. Очень жадные глаза, очень крутой подбородок. Мимо идут шахтеры в черных брезентовых куртках, идут торговки с булками, идут девушки в шляпах об-руку с парнями в белых воротничках и манишках. Стоят люди с бледными лицами и зло просят копейку. Осколки рудничной жизни — эти спившиеся горняки, которые больше пили, чем работали в шахте. Надо разрушить легенду, что шахтер — буйный, пьяный, отчаянный. Таков не он, а эти осколки.

*

Труд в шахте по тяжести несравним ни с каким видом другого труда на земле. Потому-то шахтер бережет силу, много жизни отдает сну — восстановлению сил. После сна — воздух. Шахтер сидит у заборика дома на лавке, хмуро думает, изредка улыбается. В беседе он взвешивает каждое слово, мало жестикулирует, умеренно движется. Внутренний мир шахтера выработал противоядие против страшной усталости, выработал правила ходьбы, всего отдыха. Инстинктивно шахтер под-

чиняется этим правилам: надо много сил в шахте, много энергии. Отчаянно буен летун, пришелец из деревни, непривычный к черной угольной шахте, опасности. В шахте он робок, пуглив, на поверхности земли — пьян, задорист и мстителен.

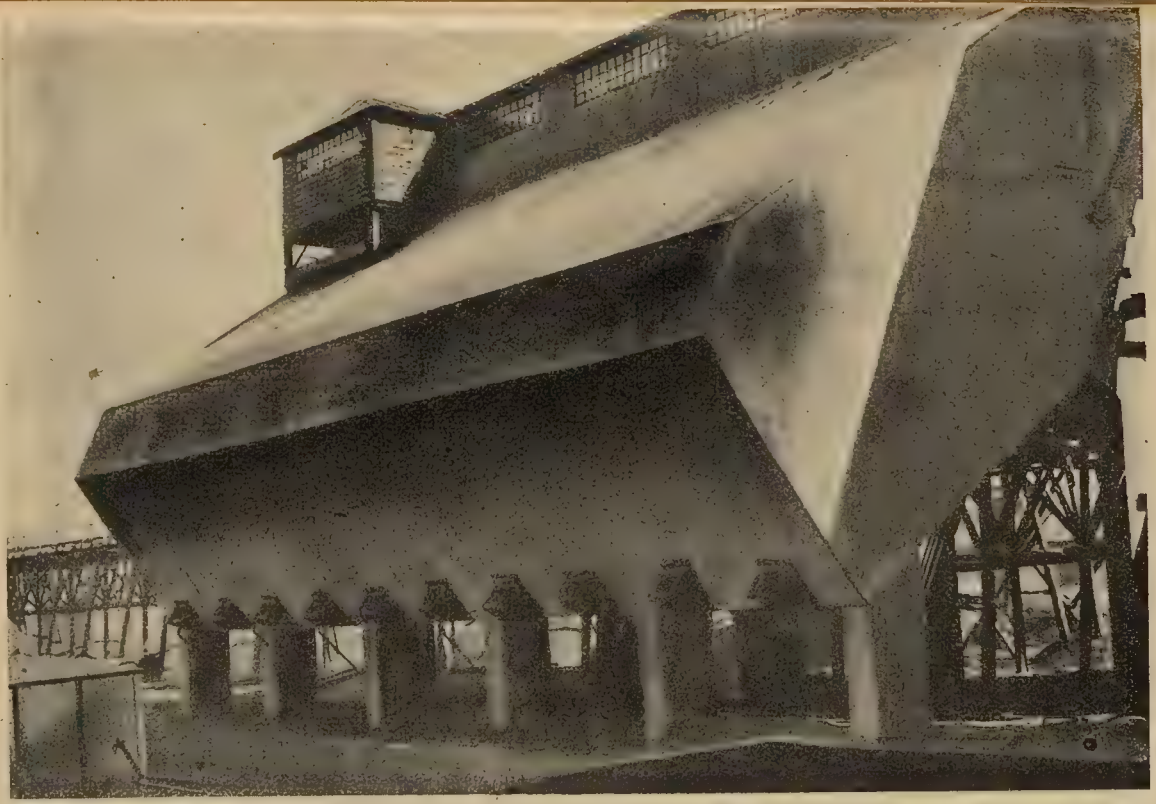
О шахтерской жизни почти ничего нет в старой русской и советской литературе. В большой библиотеке «Смолянки» — десятки тысяч книг, но ни одной — о «Смолянке», самой глубокой шахте в стране. В библиотеке можно прочесть книгу Золя «Углекопы», книги о подземной работе в Северной Каролине. А об этой опаснейшей газовой шахте — ни строчки. Наши писатели не любопытны — смертный грех для писателя. Даже местный поэт не спускался в шахту. Он написал:

«Ветер на рассвете метил в шахте шкив порвать»... «Плачут рейки и рельсы от ран, их изранил копытами конь»... Много ветра в поэтической голове. В шахте нет ветра и шкив — над зданием шахты. И не конь ранит копытами рельсы, а «совсем даже наоборот».

Кто работает в недрах земли? Организации рудников не знают — не любопытны они. Есть твердые кадры рабочих, живущие десятилетиями здесь. Но этих мало. Большинство — летуны, зюзики, как их называют. Они из деревни, работают два-три дня, две недели, два месяца — и уходят. На их место приходят новые. Эти уходят — другие приходят.

По дороге с рудника «Ветка» на Никополь Мариупольский рудник разговорился с молодым шахтером:

«Откуда родом?» — «Из Курской». — «Сколько на шахте?» — «Двадцать шесть дней». — «Почему же сейчас ты не в клубе, там вечер?» — «В клубе делов для меня



Горловка, шахта № 1.

совсем мало». — «А какие же у тебя есть дела?» — «Очень простые. Вынул из шахты в день три рубля и довольно»...

Такие группы людей из деревни работают в шахтах на руднике. Одной группе нужно вынуть три рубля в день. А другой? А третьей?

Что нужно в шахте летуну? Сижу в забое шахты Наклонной.

«Вчера, — говорит черный забойщик, освещенный кружочком, падающим от лампочки «Вольфа», — вчера услышал треск в соседнем забое. Знал, что там ковыряется новенький. Думаю, что же это трещит, быть может, села стойка? Дай посмотрю, помогу. Полез. Вижу, мой летунок бьет ногой по деревянной ручке желонки. Сломал — и лезет в продольную. — Куда идешь? — спрашиваю. «Да иду на гору, сломался струмент». А ведь сам он сломал! Я думаю, — говорит забойщик, — зачем же сюда ему нужно было спускаться? Работать не хочет? Не хочет. Я так понимаю, что это кулачество является. Нужна ему для деревни бумажка. И только. А у нас недовыработка — лопата в горло»...

Случайно обнаруживается на руднике «Ветка»: дверь из продольной в квершлаг, или в другую продольную, — раскрыта настежь. Преступление без уличенного. Подземные ходы, галлереи омываются потоком воздуха сверху. Закон пресечения воздуха, направление воздушных струй, их регулирование, — все это большая система вентиляции. Воздуха и так мало в шахте, а тут кто-то открыл дверь — заслон, значит, — дальние забои остались без воздуха, струя пошла не туда, куда надо по расчетам технической научной

мысли. Значит, в некоторых забоях люди задыхаются в безвоздушном пространстве, отравляются испорченным воздухом. Кто же открыл дверь? Случайность ли это? Вспоминается тот летун, который ногой сломал ручку желонки.

*

Все области жизни на руднике пропитаны текучестью рабочей силы. У библиотекарши шахты «Смолянка» голос с надрывом, с нервинкой. Ежедневно она принимает десятки шахтеров, уходящих с рудника и приносящих справки, что «книги не браты». «Сколько работал?» — «Двенадцать упряжек» — «Сколько работал?» — «Десять упряжек». Упряжка — выход на работу, рабочий день — по-шахтерски. Библиотекарша отмечает на удостоверении об увольнении: «Книг не числится».

*

Забойщик Харитонов говорил после смены: «Когда попадется в пласте колчеган (колчедан), то заходишь и с этой стороны, и с той, и со всех сторон, — искры идут от удара. Колчеган — это тогда не работа, это убийство какое-то. Скрипит желонка, глаза лезут на лоб, но рабочий класс делает, потому что нельзя не делать. Работаешь так, что ножка сгибается. Вот что такое колчеган, а ты спрашиваешь».

*

Панчоха — экономработник комсомольской ячейки «Наклонной» — не знает, сколько молодежи в забое, кто работает, сколько постоянных рабочих. Мало знает о местной жизни, а когда спросишь про шахту, то прямо не отвечает, а обязательно с добавлением: «Да я сам работал в шахте».

«У нас есть радиостанция? Коротковолновая?» — «Да... нет... почти коротковолновая», — говорит он. Так на все вопросы. В шахте он не был с марта месяца. Кадровых ребят из молодежи, не состоящих в комсомоле, не знает. Сколько их? «А кто их считал!» До удивления не любопытен экономработник комсомола. — «Будут машины на вашей шахте?» — «Да... нет... рудоуправление наверное знает». — «В барак сезонников часто ходите?» — «Как сказать!» — отвечает он.

*

В бараке сезонников — голые нары. Лежит человек, раскинув руки. «Кто тут пришел?» — спрашивает он хрипло.

Пахнет водкой. «Ты откудова?» — спрашивает властно сезонник и начинает доказывать, что Россия гибнет.

«Не будет вам хлеба ни крошки, не да-а-а-ам, не дам!» Он тычет в руки письма из деревни. В них говорится про хлеб, про штраф. Пишет отец. Закипает бешеный спор. На пьяного нападает рабочий в высокой папахе. «Излишки не прятал бы, не было б штрафу, — говорит рабочий. Давай разберемся, — продолжает рабочий, — ну, сколько коняк у тебя, а сколько едоков, а земли? Так вот оно что, так и есть!» Сезонник сражен рабочим в папахе. Сезонник мотает головой и упрямо кричит, что Россия все-таки гибнет. Молодой парень выскакивает на середину барака и, одергивая белую в синих полосках рубаху, выпаливает скороговоркой: «А теперь они хотят сделать пятилетку четырехлеткой». — «Без дураков, — парирует рабочий в папахе. — Скажи сколько у тебя коняк, а едоков, а земли?»

Парень стих. У него серые глаза, с холодным, жестким блеском.

★

В бараке сезонников вспоминается слово: «дутик». Так говорят шахтеры про движение воздуха, газа в пласте. «Земля дует», «дует порода»... Тогда пласт наседает, выпирается внутренним воздухом. Пласт распирается. От дутика гнутся рельсы в продольных, они то западают, то горбятся в другом месте. Выпираются стены, трещит лес, крепеж, «дутик идет». Пластовый, глубинный, тихий, крадущийся воздух... Дутик требует тщательного изучения, иначе сильно будет мешать и без того трудной работе.

★

Другой барак: здесь живут одиночки — кадровики. На окнах занавески, украшенные цветными лентами. Девические занавески. Перед койкой стоит обнаженный до пояса, пришедший со смены забойщик. Кончиками черных пальцев он держит белый листок... Тело, лицо покрыто угольной пылью. Надо итти мыться, но... что пишут из дому? Что пишут? Деньги нужны, ничего более. Валенки Петьке нужны, ничего более. Ситчику им пошли, ничего более. Забойщик добродушно смеется, белеют зубы сквозь черноту губ. Он осторожно, чтобы не запачкать, вкладывает листок в смятый конверт и идет мыться после работы.

★

В этом же бараке пришлось слышать: «Приходят к нам пареньки, тихие, аккуратные с виду, работают, читают после работы газеты. Все тихо и смирно. Молчат про деревню, про дом. А потом, как мы начнем

ругаться на власть, да на кооперацию, да на столовую, пареньки и начинают подавать голос. Мы всех ругаем, как своих, а они — как чужих. Вот вчера один и сказал: «Ну — говорит — запишусь в комсомол, поеду в деревню и разделаюсь там. За что — говорит — у отца мельницу отобрали, на него штраф накладали? Покажу им свою силу», — говорил паренек. А мы слушаем: так вот, кто ты есть. У тебя-де паровые мельницы, ты-де сюда в комсомол записаться пришел? Ты хочешь власти силу казать? Тащи матрац! Начнем глушить его крепко матрацем. А он жесткий, если крепко ударит — больно будет. Так и дерем кулаков вот этим самым матрацем. За осень третьего выгнали. Как кинутся бежать, бегут без расчета. Не приходят. Оно ясно, у паренька полный дом там в деревне, работа ему нужна была совсем не для хлеба».

★

Соревнование над землей героично. Об этом писалось не мало. Соревнование в борьбе за новых людей, за новые отношения к людям, — такого соревнования еще нет. Нет ничего драгоценнее человеческого материала. Порой он топчется. Самая сильная кара должна быть за это, ибо нет ничего драгоценнее человеческого материала. Вот бригады из молодежи... Они борются за новое отношение к людям, новые люди — за новое. Роженко же, макеевский экономработник комсомола, сказал: «Бригады уже не нужны, надо рассасываться». Вместо собрания сил он предлагает рассасывание. Вот она — мудрость «наоборот»...

РУБЧЕНКО
(Кадиевка)

В БОЙ!

Говорить о новом Донбассе и подразумевать под этим только новые шахты — неверно; это значит замазывать существо вопроса и соотношение сил, борющихся за механизацию Донбасса. В действительности положение таково, что новая шахта находится *внутри* старой и там она борется за свое существование.

Кто «подсидел» донбассовцев и всю страну? Старый, отсталый Донбасс! Кто как работал на страну — видно из следующего. План механизированной добычи сделан на 94%, а ручной — *едва на 80%* (по Кадиевскому району). Одно это говорит за право механизации. Половина донецкой добычи уже сейчас добывается механическим путем.

Парторганизации Донбасса в боях за решение XVI съезда, за энергетическо-топливную базу индустриализации страны допустили на практике большие просчеты в своем руководстве хозяйством. Просчеты эти нашли себе достаточную оценку в решениях райактивов Донбасса. Самое главное в этих просчетах заключается в том, что в работе организаций механизация не была *в центре* внимания, *линия* на механизацию не владела умами.

Посылают машину в Донбасс, а здесь, окруженная

враждебностью, холодным равнодушием или «нейтральностью», она беспомощно пробивает себе дорогу.

На затопленной шахте № 6 «Брянка» *прекращена* откачка воды, так как оборвался насос в 250 *куб. м*, вина — *небрежность* монтера. На шахте «Каменка» *сожжен* мотор брошенным болтом; виновен — *раскулаченный* Пирогов. На шахте «Парком» *сожжен* мотор; виновный не найден. На шахте «Максимовка» расплавлены подшипники лебедки; виновен член ЛКСМ Яшков, бросивший кусок железа. Это — факты за два дня, это — частые будничные явления, к ним привыкли, и никто им не придает должного значения, классовой оценки.

Ни одного суда! Технические неполадки — заурядное, досадное и неизбежное зло, с которым свыклись. Мыслимы ли эти факты и в таком количестве, если бы вокруг механизмов была *политическая* борьба? Политической борьбы не было, а милицейская борьба не достигала цели и была крохоборческой.

Энтузиазм масс *не вооружался* техникой.

Теперь ветер переменился. После приезда т. Молотова, его выступлений на партактиве и среди рабочих, парторганизация ухватилась за *основное* звено, поняла, что *механизация — вопрос главный и принципиальный, решение которого высвобождает нас от зависимости от мелкобуржуазной стихии.*

Мы сейчас развертываем *ожесточенную войну за то, чтобы* перестать работать на Америку, покупая у нее машины и не используя сполна и покупая их вновь, а *заставить работать американскую машину на социалистическое государство.*

В этом направлении, кроме ряда конкретных предложений по шахтам, профорганам и ячейкам, райпарт-

комом установлен новый темп работы. Программа разработана по-декадно. На всех шахтоуправлениях установлена система ежедекадных совещаний треугольников *по разбору оперативных заданий добычи*. Ячейки и фракции шахткомов получили задания от райпарткома на декаду, — эта система координирует действия, направляет их в одну цель. Укрепляются *мехзабои*. Создаются в каждой шахте производственные бригады, резервные, для *перекрытия* прорывов в рабсиле; 10% рабочих *самозакрепили* себя за шахтой. *Половину* рабочего времени секретари ячеек и предшахткомы проводят в шахте. В каждом забое установлены *посты*, группорги для донесения о ходе работ в забое, проведены партсобрания горных ячеек и рабочие собрания по нарядам, где разъясняются выступления т. Молотова, решение райпартактива. В октябрьский набор ударников на шахте вступили в ударники полностью шесть забоев.

Делались ли раньше шаги в этом направлении? Да, делались. Почему же не было эффекта? Потому что не было большевистской настойчивости, *не было общей линии наступления*, допускалась известная близорукость на практике. *Политическая постановка этого вопроса т. Молотовым по-новому поставила и решение его нами.*

Работа организации приобретает боевой характер. Ежедневно добыча растет; к октябрьскому заданию 1-го по Кадиевке было выдано 65,5%, 2-го — 70,3%, 3-го — 73,4%. Но рано успокаиваться! Это очень мало. *Утроенное* руководство, помноженное на инициативу масс, даст необходимый большевистский темп в борьбе за перевыполнение октябрьского задания. К этому сейчас и сводятся все бои.

ЗА НОВЫЙ ДОНБАСС!

(Из письма секретарю ЦК ВКП(б) т. Молотову)

Тов. МОЛОТОВ!

Ваше пребывание на шахте «Проходка» № 1 и та беседа, которую вы провели с нами, кадровыми горняками, подняли у нас новую волну энергии.

Во время нашего с вами разговора нам нечем было похвалиться. За последние три месяца работы нашей шахты мы позорно сдали завоеванные ранее позиции, когда мы выполнили полугодовую программу 1929/30 года на 102,5%, вложившись в себестоимость. В августе мы скатились до 63%. Свою вину и вину наших организаций мы не скрываем.

Мы глубоко понимаем свою ответственность перед партией и страной за нашу безобразную работу; этой безобразной работе мы кладем решительный конец. Мы со всей нашей горняцкой энергией под руководством коммунистической партии дрались против белобандитов и всякой другой буржуазной сволочи за *красный Донбасс*, не останавливая в то же время работу наших шахт. Мы с 700 тонн угля суточного задания в 1928/29 году довели это задание до 1160 тонн в сутки в 1929/30 году, мы объявили нашу шахту ударной еще

девять месяцев тому назад и присвоили ей имя Ленина. Мы хорошо понимаем, к чему все это нас обязывает, и именно поэтому мы беремся со всей нашей энергией за работу, чтобы ликвидировать образовавшийся прорыв по углю, мы твердо идем к тому, чтобы суточное задание по шахте № 1 довести до 1 300 тонн в *«квартале большевистского штурма»* (октябрь — декабрь с. г.), обеспечив тем самым условия для выполнения и перевыполнения программы третьего года угольной пятилетки.

Уже сейчас после обращения ЦК ВКП(б), в результате только что начатой перестройки работы на шахте, **мы организовали семь сквозных ударных бригад имени «Третьего года пятилетки», численностью 379 человек,** перераспределили техперсонал и прикрепили его к отдельным местам работ со специальным заданием, мобилизовали рабочих и служащих, ранее работавших в шахте, с поверхности на подземную работу, провели премирование промтоварами и упорядочили дело с горячей пищей закрытой столовой, обеспечили повседневный учет организационно-технических неполадок и пути их своевременного устранения. Уже наметился некоторый перелом в добыче. Первая пятидневка сентября была выполнена на шахте на 57,6% задания; вторая пятидневка сентября — на 60,8%; третья пятидневка — на 69,3%; четвертая пятидневка — на 72,3%; и за четыре дня пятой пятидневки шахта выполнила задание на 75%, при 92% выполнения задания по механизированной добыче и при наличии 82% штата угольных (включая студентов и мобилизованных комсомольцев) и 87% штата всех трудящихся по шахте.

Эта наша работа еще никуда не годится, и мы считаем, что лишь полное использование механизмов, максимальная их загрузка и организация труда на них обеспечат нам немедленную ликвидацию прорыва по углю. Само собой понятно, что чрезвычайно важную роль будет играть при этом работа сквозных ударных бригад, являющихся сейчас главным звеном в организации труда. Наш вывод проверен на опыте: из семи имеющихся у нас сквозных бригад, несмотря на непродолжительность их существования, большинство из них сумело показать образцовую работу.

Бригада т. Рыбина — в составе 87 ударников — сентябрьское задание по 24-е число выполнила в среднем на 126%.

Бригада т. Иванникова — в составе 98 ударников — выполнила сентябрьское задание в среднем тоже по 24-е число на 112%.

В этих бригадах окончательно похоронены всякие неполадки и недоразумения. Средний заработок ударника сквозной бригады выражается в сентябре в 4 руб. 50 коп. на упряжку вместо 3 руб. 60 коп. их среднеупряжечного заработка до организации сквозных бригад.

После вашего пребывания, т. Молотов, у нас в шахте, в частности на Семеновском участке, мы решили организовать и на этом участке сквозную бригаду. Рабочие этого участка с большой готовностью встретили предложение бригады т. Рыбина о заключении с нею договора на социалистическое соревнование. Сквозная бригада Семеновского участка во главе с испытанным кадровым горняком *т. Симченко,* численностью в 200 человек, постановила: *присвоить себе*

название «Штурмовой ударной сквозной бригады имени т. Молотова», единогласно избрав вас, т. Молотов, почетным ударником этой бригады.

Со своей стороны бригада взяла на себя обязательство перевыполнить промфинплан во что бы то ни стало, устраняя все препятствия на пути к этому. С 24 сентября сквозная бригада Семеновского участка имени т. Молотова во главе с бригадиром т. Симченко уже работает полным ходом. Семеновский участок дает больше половины добычи всей шахты.

Мы, горняки шахты № 1, ставим своей боевой задачей к 1 октября — всесоюзному дню ударника — охватить нашу шахту сквозными бригадами на 100%. Это, мы уверены, даст нам возможность одержать окончательную победу над машиной и заставить ее работать так, как этого требует промфинплан.

Вместе с этим мы обращаемся к вам, т. Молотов, с просьбой принять меры к изжитию недостатков, зависящих не от нас, но здорово мешающих нам в работе. К этим недостаткам мы относим отсутствие запасных частей для капитального ремонта машин при значительном износе оборудования по механизации.

Изготовляемые части зачастую совершенно недоброкачественны, в результате они быстро приходят в негодность. Например: шестерни для машин «Сискол» № 18—19, изготовляемые *Горловским* заводом, флекционная втулка для легкого типа врубовой машины «Суливан», режущие цепи для тяжелых машин, тоже изготовляемых *Горловским* заводом, и ряд других частей. Изжитие этих недостатков крайне необходимо для нашей шахты, механизированной на 92%. Мы по

этому вопросу обращались к рабочим и организациям этих заводов, но даже ответа не получили.

Наша шахта «Проходка» № 1 — новая, жилплощади у нас не хватает, удовлетворяемость рабочих квартирами доходит лишь до 40%. Нужно устроить жилищное строительство в Донбассе.

Заверяя вас, т. Молотов, в том, что мы не только на словах, а и на деле выполним все, что от нас зависит, мы обязаны довести до вашего сведения, что меры, принимаемые вышестоящими хозорганами в деле реконструкции нашей шахты, чрезвычайно слабы и нерешительны, они уже тянутся в течение двух лет. Мы просим вас и здесь нам помочь, дабы предотвратить возможные перебои в работе шахты на будущее.

Законтрактовывая себя на всю пятилетку за шахтой «Проходка» № 1, мы поведем решительную борьбу с расхлябанностью, разгильдяйством, со всякими летунами, срывающими всю работу каменноугольной промышленности Донбасса.

Мы сделаем все, чтобы смыть позорное пятно, лежащее на нас в связи с угольным прорывом.

Заканчивая наше письмо, мы обращаемся ко всем горнякам Донбасса и всего Советского Союза еще крепче сплотить свои ряды под знаменем большевистской партии — партии Ленина, немедленно изгнать из наших рядов припрятавшихся, замаскировавшихся правооппортунистических, троцкистских и им подобных вражеских элементов, нытиков и маловеров, тормозящих наши большевистские темпы социалистического строительства, являющихся предателями интересов пролетарского государства.

Итак, за встречный промфинплан, за победу октябрьского плана, за революционные темпы в работе «квартала большевистского штурма», за достойную встречу третьего года пятилетки, за новый, механизированный Донбасс!

Мы убедительно просим вас, т. Молотов, передать о нашем письме ленинскому ЦК ВКП(б).

Бригадиры сквозных бригад: Симченко, Болотников, Рыбин, Лахмытко, Попов, Иванников, Подвойский.

Письмо составлено сквозной бригадой имени тов. Молотова, обсуждено и единогласно утверждено на посменных собраниях рабочих и инженерно-техническим персоналом.

ПИСЬМО ИТС ШАХТЫ „ПРОХОДКА“ № 1 К ТОВ. МОЛОТОВУ

Уважаемый тов. Молотов!

Инженерно-техническая секция шахты № 1, Проходного шахтоуправления, Сталинского района, всецело присоединяется к письму-обращению всех рабочих и сквозной бригады имени тов. Молотова нашей шахты. Необходимо ликвидировать угольный прорыв, вредно отражающийся на всей нашей промышленности и ставящий под угрозу выполнение планов строительства. Данная обстановка требует быстрой перестройки в работе и решительного — по-боевому — выполнения постановлений вышестоящих органов.

Инженерно-техническая секция шахты № 1 заверяет тов. Молотова, во-первых, что не оставит своих руководящих постов на шахте № 1 до конца пятилетки; во-вторых, перестроится в своей работе по-ударному, проводя в жизнь полностью постановление ЦК ВКП(б), особенно в части организации и технического руководства сквозными бригадами для окончательного изжития неполадок, проработки и внедрения промфинплана в рабочие массы; в-третьих, всю работу в квартале октябрь—декабрь

и всего хозяйственного года превратит в борьбу за овладение большевистско-штурмовыми темпами, и тем самым обеспечит перевыполнение плана третьего и последнего года горняцкой пятилетки.

Обращаемся ко всем инженерно-техническим секциям Донбасса и Советского Союза последовать нашему примеру.

Председатель ИТС шахтоуправления «Проходка»
А. Судоплатов
Секретарь ИТС *Цуканов*

ПРОЛЕТАРСКИМ СЛОВОМ НАДО ДОРОЖИТЬ

(Ответ тов. Молотова на письмо горняков шахты „Проходка“ № 1)

В ответ на ваше письмо не буду останавливаться на общих вопросах, связанных с позорным производственным прорывом в Донбассе. Об этом мне приходилось говорить на ряде собраний и отчасти в печати. Об этом теперь достаточно пишут в газетах. Отвечу в двух словах по вопросу о тех недостатках, устранение которых, как вы пишете, зависит не от вас.

1. *О запасных частях для врубовых машин.* Вы совершенно правы, что изготовленные Горловским заводом части врубовых машин нередко оказывались неудовлетворительными. С этим, конечно, нельзя мириться. Приехавшая со мной группа работников из центра этим уже занялась. Товарищи горловцы обещают дело поправить, и мы надеемся, что результат будет.

Но, товарищи горняки. И в этом деле многое зависит от вас самих. Надо, наконец, добиться бережного, заботливого и действительно пролетарски-сознательного отношения к врубовым машинам и к другому оборудованию.

Слов нет, иногда порча машин происходит из-за неопытности и простого незнания машин со стороны рабочего. Поэтому мы обращаем сейчас особое внимание на то, чтобы поставить хороший и притом постоянный инструктаж соответствующих машиностроительных заводов (Горловского и др.) на шахтах. Надо, чтобы товарищи-металлисты серьезно подумали о своей обязанности немедленно помочь горнякам в деле правильного и скорейшего осуществления механизации Донбасса.

Но этого мало! Надо, чтобы кадровые горняки добились такого положения в шахтах, когда преступно-небрежное отношение отдельных лиц к механизмам, не говоря уже о вредительстве, встречало бы везде и всюду суровый отпор пролетарского общественного мнения, чтобы сами рабочие не давали жить разгильдяям и злостным разрушителям машин в шахтах. Надо же честно признаться, что в этом отношении мы еще сильно отстаем, что для борьбы с мелкобуржуазной ограниченностью и антипролетарским пренебрежением к механизмам мы делаем еще страшно мало. Признаем это и сделаем отсюда немедленно практические выводы. Иначе все планы насчет механизации Донбасса останутся пустыми никому ненужными разговорами.

2. По поводу вашего указания на нехватку жилплощади для рабочих шахты «Проходка» № 1, как новой шахты, выясню вопрос, и что можно сделать по ускорению жилищного строительства в Донбассе, поможем сделать. Надо только помнить, товарищи донбассовцы, что, например, горняки Урала находятся еще в более стесненных жилищных условиях. Однако

нельзя сказать, что теперь ничего от вас не зависит и в улучшении жилищного вопроса на месте.

В самом деле, товарищи, не следует ли донбассовским рабочим поближе подойти к этому делу?

Не следует ли в жилищном деле по-настоящему да поскорее навести пролетарский порядок? Да, порядка здесь нет во многих местах! Достаточно сказать, что после летнего отлива нескольких десятков тысяч рабочих из Донбасса шахтеры не почувствовали для себя облегчения в жилищах.

Чем это можно объяснить, кроме неудовлетворительности работы поселковых советов и профсоюзов, и не тем ли, что у нас не поставлен нужный контроль рабочих за этим делом. Нельзя же сказать, что так называемые летуны, унесшие на своих ногах и плечах немало государственного добра — из-за растерянности некоторых наших хозяйственных и профессиональных руководителей, что эти летуны заодно прихватили с собой и жилье.

Следовательно, нужно не только развертывать новое жилищное строительство, но и установить определенный пролетарский порядок в пользовании имеющимися уже жилищами. Особенно же нужно позаботиться, и позаботиться не на словах, а на деле, о забойщиках и других подземных рабочих, памятуя при этом в первую голову об основных кадрах работников на механизированных участках.

Займемся же, товарищи, этим делом вплотную.

3. Наконец, о реконструкции шахты № 1 «Проходка». В связи с вашим указанием на 2-летнюю затяжку реконструкции вашей шахты мне придется выяснить этот вопрос в центре, и о результатах вам

будет сообщено особо в декадный срок. Сейчас дать ответ на этот сложный вопрос невозможно.

В заключение еще два слова. Товарищи! Вы взяли на себя твердые обязательства. Пролетарским словом надо дорожить. Давайте же перейдем по-настоящему от слов к делу.

В. Молотов.

1 октября, Кадиевка.

СОРЕВНОВАНИЕ ВРУБОВОК

Соревнуются не только люди, но и машины. На шахте № 12 «Брянки» машинисты и слесаря объявили краснозвездный ПОХОД ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВРУБОВЫХ МАШИН. 1 сентября свыше десятка машин открыли поход. К 1 октября из соревнования вышли победителями 4 машины. Они показали образцы работы: не имели простоев, превысили месячное задание.

Машина № 1 имела 35 врубов за месяц.

Машина № 4—34.

Машина № 9—35.

Машина № 10—35.

Эти машины теперь краснозвездные. Машинисты, слесаря, ремонтщики показали пример заботливости и правильного отношения к механизмам. Это только начало похода за лучшее использование врубовых машин. Соревнуются люди, но вместе с ними в бой за новый Донбасс идут тяжелые врубовые машины.

Машинист.

Сегодня мы даем слово врубовым машинам, которые должны дать 50-процентную добычу Донбасса. Врубовки, отбойные молотки, электрические буры — эти механизмы должны обновить старый Донбасс. Пусть сухие строки актов о простое машин расскажут истинное

положение вещей. «Мелочи» заедают механизм, из-за «мелочей» возникают простои. Рвутся канаты у скреперов, выбиваются люки, моторы имеют большее количество оборотов, чем это нужно... Эти неполадки съедают производительность машин.

● Врубовая машина № 1158 шахты № 9, Голубовского шахтоуправления, осталась *без ведущей* части. Шестерни, валики и маховик с винтом пропали. Машина № 1158 *выбыла из строя*.

● За короткий срок врубовую машину № 746 шахтоуправление № 16 довело до полного истощения. Машина надолго *выбыла из строя*.

● Комбинат механизма «ДК 15» с шахты «Крупская» *испорчен*. Рабочие механической мастерской отказались чинить машину, которую *разбили* вдребезги.

● С новых конвейерных приводов «ДК 15» шахтоуправление № 9 предложило снять шатуны, вилки и отправить на другую шахту. Довели механизмы *до инвалидности*. Об этом *вредительстве* рабочие составили акт.

● Завод «Свет шахтера» из Харькова отправил в Кадиевку вагон № 554312 с моторами. При приемке моторы оказались *разбитыми и разбросанными*.

● Три машины в Голубовском шахтоуправлении *плохо* используются. *Цифры врубов ничтожны*. У машины № 12 за месяц 12 врубов. У машины № 8—5, у машины № 2—3.

● На пласте «Толстом» из-за *штепсельной розетки* врубмашина *выбыла из строя*. *Две смены* пласт был без машины.

● 24 сентября в 8-й западной лаве шахты «Крупская» из-за потери фазы и розетки *стояли врубмашины*.

● 25 сентября в 10-й западной лаве этой же шахты машина *не* врубала уголь оттого, что лопнула *шариковая оболочка*.

● На пласту «Бераль» шахты № 2 «Каменка» вредительски был разбит мотор. *Шахта стояла сутки.*

● Десятник шахты № 12 «Брянки» Порхаев спускал насос с мотором на горизонт 338, не проверив исправности путей. Насос вывалился и *разбился* на плитах.

● На машине № 10 пласта «Алмаз» — шахты № 12 вруб есть, *но нет буразов*. Эти мелочные неполадки съедают добычу.

● На машине № 5 во втором бремсберге пласта «Алмаз» нет ведущей цепи. *Из-за этого стоит машина.*

Это — небольшая сводка фактов неумелого использования машин на шахтах Кадиевки. Эти факты регистрируются и... подшиваются к делу. Все привыкли к ним. **Голос машин должен дойти до шахтерских масс.** Машины не имеют права стоять! Машинисты и слесаря, забойщики и навальщики — все вы отвечаете за использование механизмов. Пусть на каждой шахте вывешивают обвинительные акты машин против вредителей и симулянтов, которые небрежно обращаются с механизмом. Врубовой машине надо очистить дорогу от неполадок.

Бригада рабкоров выездной газеты „За уголь“.

Н. КРЕН

МЕХАНИЗМЫ — НА ПОЛНЫЙ ХОД

1

...При старых хозяевах был Донбасс каторгой, работали шахтеры от свету до свету за ломаную копейку, грызли породу примитивной киркой, гнили в дырявых бараках. Можно ли было на шахтерской темноте, на кирке, на дырявом бараке строить новый, социалистический, большевистский Донбасс? Пришлось большевикам перво-наперво объявить злую войну старью, пришлось спустить в шахты машины, их стальные зубы должны были выгрызать черное мясо земли — уголь. Врубовая машина и отбойный молоток пришли на смену кайлу и обушку...

Новый Донбасс стал возрастать на дрожжах механизации. В нынешнем году механизированная добыча уже составляет 50% всей добычи Донбасса. Совсем недалек тот день, когда кайла и обушок, по примеру своих косных родичей — дубины и сохи, отойдут на покой: «их заменит царица-машина»...

Но вот, в нынешнем году на Донбассе обозначился тяжелый прорыв. Основная угольная база Страны Советов (из 17 млн. тонн всей угольной добычи Союза Донбасс дает 12 200 тыс. тонн) получила жестокий удар. Для ликвидации прорыва были брошены все силы.

Потекли в Донбасс коммунисты и комсомольцы, бригады колхозников и батраков, сотни мобилизованных партработников, сотни профсоюзников. Фронт, как фронт! Они пошли затыкать прорыв, они своими руками и плечами должны были задержать падение кривой добычи и потащить ее вверх.

Теперь же, немедленно Донбасс обязывался вернуть стране угольный долг. Тысячи лучших шахтеров в ответ на призыв партии спустились в шахты, дав пролетарскую клятву во что бы то ни стало увеличить добычу, во что бы то ни стало смыть с Донбасса пятно позорного прорыва...

2

Что же послужило причиной прорыва, причиной той зловещей угрозы, которая нависла над Донбассом?

Основное — *возмутительное, преступное использование внутренних ресурсов и в первую очередь механизации*, той самой механизации, которая должна была бы переродить Донбасс, превратить его в угольную базу строящегося социализма.

Срывает дело скверная организация работ. Еще до сих пор имеется большой прорыв между подготовительными и очистительными работами. Говорят об этом на каждом совещании, но от разговоров толку не прибавляется — попрежнему продолжается расхлябанность, неуменье своевременно подготовить к работе забои и механизированные лавы. Линии забоев вполне обеспечивают дальнейшее внедрение механизации. Но все горе заключается в том, что очень многие участки по существу не имеют твердых ответственных руководителей, которые бы как следует присматривали за рас-

Машина Джефери, механическая погрузка угля.

становкой и использованием как людей, так и механизмов.

Инженерно-технический персонал в массе своей еще слабо знаком с механизацией и механизмами. Рабочие не обучены. Обмена опытом нет. Рудоуправления вопят о нехватке квалифицированных людей, а сами пальцем о палец не ударяют для того, чтобы этих квалифицированных людей создавать у себя на месте.

Небрежнейшее отношение к машине и к работе этой машины сводит на-нет механизацию.

Председатель треста «Уголь» т. *Шварц* на одном из совещаний сказал: «Наш адский труд должен был давно толкать нас к механизации, а мы этому еще сопротивляемся».

Сопротивляемся и небрежничаем!

Что может быть преступней этого в тот момент, когда горло Донбасса схвачено рукой прорыва?

3

Центральный комитет партии послал в Донбасс т. *Молотова*. Приезд т. Молотова сыграл для Донбасса ту же роль, как в былые годы приезд вождей партии на фронт... Бойцы (шахтеры), комсостав (инженеры) с большим упорством и воодушевлением пошли ломить врага (прорыв), и уже сводки (хозяйственные) показали первые успехи (увеличение добычи).

...24 сентября в угольном городе, носящем имя вождя партии, в городе Сталине, состоялось историческое в истории Донбасса совещание партактива Сталинского и Макеевского районов.

На совещании т. Молотов дал исчерпывающий анализ причин прорыва, подвергнув жестокой больше-

вистской критике недостатки в работе донецких организаций.

— Решительный упор должен быть сделан на механизированную добычу, приобретающую в настоящее время решающее значение для превращения Донбасса в подлинно социалистический механизированный Донбасс.

Это было основным в выступлении т. Молотова.

На другой же день состоялось совещание при райуправлении «Угля», на котором также присутствовал и выступал т. Молотов. И здесь т. Молотов в своем слове указал на практические задачи, которые необходимо разрешить для того, чтобы решительно двинуть вперед механизированную добычу угля.

Вот что говорилось на этом важнейшем совещании:

Трест «Сталинуголь» в свое время отменил штат механизаторов при шахтах. По новой структуре шахтоуправлений заведующий рационализацией является почему-то аппаратным работником. И это в то время, когда технический персонал должен меньше всего заниматься канцелярщиной, должен жить работой механизмов, переключить всю свою энергию на механизированную угледобычу.

— С механизмами у нас не все благополучно. Когда присылают машины, то часто не оказывается запасных частей. В результате — при первой аварии машины выбывают из строя, и их нечем заменить. Иностранные фирмы и наши заводы, которые доставляют шахтам машины, не обращают должного внимания на их качество. Кроме того, наличие машин различных систем часто вызывает перебои в их использовании. Если рабочий механизма одной системы не выйдет на ра-

боту, то нельзя использовать на этой машине рабочего, работающего на механизме другой системы. *Тут должна притти на помощь Донбассу наша машиностроительная промышленность, прежде всего по части стандартизации механизмов.* Это облегчит работу по механизации угледобычи. Это же даст больше возможностей для лучшей организации работ.

— *Необходимо также как можно скорее взяться за широкое обучение рабочих для увеличения механизированной добычи угля.* Нужно открыть краткосрочные курсы для техперсонала и рабочих, работающих на механизмах. И курсы эти организовать на местах — при районном или шахтном управлении, а не посылать людей в Москву или в Ленинград.

— Техники должны так перестроить свою работу, чтобы больше следить за механизированными участками, ибо здесь операции гораздо сложнее, чем на участках ручной добычи. А сейчас положение как раз обратное. *Нередко механизированные лавы остаются без надзора, а на других участках его гораздо больше.* Кадры механизаторов нужно готовить теперь же, немедленно. Без промедления надо составить оперативные мероприятия рационального использования имеющихся механизаторов и механизмов.

— *В аппарат районных управлений нужно посадить людей, хорошо знакомых с рационализацией и механизацией.* Они должны полюбить это дело, болеть за него душой. Аппарат РУП должен быть полностью приспособлен на службу механизации. В шахтоуправления должен быть подобран надежный кадр работников.

...Все это вошло в решения сталинского совещания.

Решения должны быть немедленно претворены в жизнь.

Это требуют интересы Донбасса и интересы всей страны.

4

А вот мнения специалистов, хозяйственников и рабочих относительно механизации, иначе говоря, относительно того пути, который должен привести Донбасс к полному хозяйственному выздоровлению.

Тов. *Сергеев*, главный инженер Макеевского шахтоуправления, заявил:

— Намеченные райуправлением задания следует считать *скромными. У нас есть гораздо больше возможностей, но мы не можем их использовать*. На некоторых шахтах проведена только часть того, что было намечено. Шахты *надо подготовить* к механизации и удлинять лавы постепенно, а не такими скачками, как проводится сейчас. Всех специалистов, глубоко вникающих в дело механизации, необходимо бросить непосредственно на производство.

Его полностью поддержал т. *Дерусов* (Лугануголь), который сказал:

— *Механизацию нужно повернуть лицом к шахте*. Вокруг этого вопроса должна быть мобилизована вся рабочая общественность. Надо, чтобы инженеры и техники углубились в это дело и проводили его как следует. Вопрос о кадрах должен быть поставлен ребром.

Тов. *Резников* (шахта № 2) указал на следующее:

— *Свои механизмы мы можем использовать гораздо лучше, чем теперь*. Надо приложить все силы

для более полной и решительной механизации. От этого зависит дальнейшее выполнение Донбассом промфинплана.

Специалисты, серьезно озабоченные состоянием работы Донбасса, единодушны в своих высказываниях:

— Механизация нам необходима по-зарез. Она ликвидирует старые прорывы и не допустит новых.

5

Приезд т. Молотова и решения сталинского партактива взбудоражили всю шахтерскую массу. В райком стали притекать резолюции ячеек и партколлективов. В совет профсоюзов — решения рабочих собраний. Над местной газетой «Диктатура труда» пролился дождь рабкоровских писем. И в основном все решения, резолюции и письма сводились к одному:

— Скорее и полнее механизировать Донбасс!

Рабочие *заводской шахты центрального рудника* 26 сентября перед спуском в шахту провели летучее собрание. В принятой резолюции рабочие признают своевременным и правильным решение актива о полном повороте к механизации.

«Собрание — говорится в резолюции, — считает крайне ненормальным, что механизмы на заводской шахте не используются полностью. На шахте имеется всего одна врубовая машина, и та не работает из-за отсутствия частей. Скреперные лебедки загружены полностью, кадры к механизации не подготовлены».

А вот что написал т. *Критев*, проходчик, имеющий 28-летний производственный стаж («Рыковка»):

— Совершенно правильно партактив ставит вопрос о механизированном Донбассе. *С кустарничеством*

нужно покончить раз и навсегда. Беда в том, что наши руководители до сих пор этого не поняли. Из трех машин на нашей шахте работает одна, да и та плохо.

Забойщик шахты «Рыковка» т. *Шакин* полностью поддерживает Критева:

— Такого же мнения держусь и я. Надо срочно готовить машинистов врубовых машин, конвейерщиков, лебедчиков, и это нужно делать немедленно.

Машинист врубмашины т. *Фролов:*

— У нас работает всего одна машина, но и на нее не обращают никакого внимания. Механизированная лава — в загоне.

Ударники центральной шахты единодушны в своих оценках решения партийного актива.

— Механизация есть главный путь не только к перевыполнению производственных заданий, но и к облегчению труда горняков. (*Подкопаев,* забойщик.)

— Механизация нам нужна, и такая, которая обеспечила бы успех немедленно. Октябрь должен показать, что мы взялись за работу по-новому. (*Рыжаков,* забойщик.)

— Постановление партактива по выступлению т. Молотова заставляет нас принимать все меры к наиболее полной загрузке механизмов. У нас на 5-й лаве работала врубовая, а теперь ее нет. Почему? Потому что мы варварски относились к ней. Теперь эта машина валяется на продольной, и никто на нее не обращает внимания. (*Лобода,* забойщик.)

— Механизмы — на полный ход!

Таков призыв партии.

— Есть механизмы на полный ход!

Таков ответ донбассовских шахтеров. Ответ решительный. И совершенно единодушный.

6

Прорыв произошел потому, что парторганизации Донбасса за последний период «*не сумели своевременно перестроить свою работу в соответствии с происшедшими изменениями в хозяйственной обстановке, не дали в ряде случаев сокрушительного отпора элементам оппортунистического благодушия в хозяйственных, профсоюзных и кооперативных органах*, не обеспечили со стороны всех работников необходимой большевистской сознательности и дисциплины и потому в этот период проявили неспособность преодолеть некоторую растерянность и расхлябанность в своих рядах и прежде всего среди партийного актива». (Из резолюции сталинского и макеевского партактива.)

Признание жестокое!

И сейчас все усилия направляются к тому, чтобы такого положения впредь не было. В своем замечательном письме к т. Молотову, напечатанном в сегодняшнем номере «Правды», шахтеры «Проходки» пишут:

— *Мы отдадим все, что есть в распоряжении горняка, чтобы смыть это позорное пятно, лежащее на нас.*

И, конечно, напряжением всех сил Донбасс, красный Донбасс, угольная база социалистической индустрии, это пятно смоет.

...Отойдут в вечный покой кайло и обушок, механизация увеличит вдвое производительность шахт, и красный Донбасс станет подлинно социалистическим механизированным Донбассом.

А. БУТЕНКО

АРИФМЕТИКА РЕВОЛЮЦИИ

Летом добыча Кадиевских шахт все падала и падала. С 75,2% в июле скатились до 68,2% в августе и до 62% в сентябре. Прогулы по неуважительным причинам доходили в среднем до 15%, а по отдельным шахтам еще ниже: «Брянка» — 12%, «Голубовка» — 13, «Ирмино» — 15, «Золотое» — 30.

Растерялись хозяйственники.

Беспомощно двигались профработники.

Бригада ЦК действовала.

Провели ряд совещаний, расставили партийные, профессиональные и комсомольские силы. Оперлись на кадровиков. Дела можно исправить? «Можно!» — заявили рабочие.

Прошла декада. Батраки постепенно перестали бежать. Механизмы шахт получили право голоса. Кривая добычи поднялась.

1-я пятидневка сентября — 53,7%.

Последняя пятидневка сентября — 65,8%.

И в первые же дни октября — 70,7%.

Объединение «Уголь» передало телеграфом задание на октябрь — 736 000 тонн. Печально звенели телеграфные провода.

— Как? Уменьшили?... Было же 748 990 тонн. Ведь мы разверстали 860 000 тонн.

Кто-то испуганно кашлянул в кулак:

— Вот так темпы!

Шахтеры выдвинули свой встречный промфинплан. Обоснованно, по отдельным забоям и участкам выставлялись новые, *повышенные* цифры по добыче. Шахтеры считали. Это была арифметика революции.

Шахтеры «Брянки» дали встречный промфинплан, в среднем на 10% *увеличенный*. Ильичевцы увеличили план добычи на 12%, максимовцы — на 17—18, Криворожье — на 9, «Ирмино» — на 8, и т. д.

Теперь основная задача: *борьба за миллион*. Выполнение миллиона тонн в октябре дает нам возможность в значительной степени залечить раны прорыва и обеспечить в дальнейшем еще больший рост и полное выполнение угольной пятилетки в три года.

Для того, что мы выполним миллион, прочным основанием служат результаты отдельных энтузиастов, целых групп и участков. Первый из них — шахтер Кулишов — за шесть последних месяцев в среднем сделал 24 упряжки, выполнив норму на 140%. А ведь таких много!

Ударная бригада шахты № 15 задание за месяц выполнила *на* 142%.

Ударники-навальщики шахты «Мария» выполнили задание *на* 117%.

Отбойщики-ударники шахты «Альберт» выполнили задание *на* 125%.

Организовалось 13 производственных коммунок (7 на «Брянке» и 6 на «Максимовке»). Производственная коммуна имени XVI партсъезда (на «Максимовке») в августе задание выполнила *на* 115%. Получив увеличенное задание в 10 740 тонн, она в порядке встречного промфинплана *решила дать* 12 180 *тонн*.

Но беда заключается в том, что профорганизации не везде возглавили энтузиазм рабочих, недопустимо слабо популяризуют, практически плохо помогают развертывать ударничество. Всего охвачено соцсоревнованием и ударничеством на сентябрь 56%. Но добрая половина формально числится соревнующимися. Договоров нет, помощью и руководством соревнующиеся не охвачены.

Это первые общие цифры, которые не могут быть терпимы при борьбе за миллион тонн.

Никуда не годно, что результаты работы отдельных групп *не вывешиваются* на нарядах, не доводятся до сведения самих соревнующихся. На Криворожье зав. участком распустил соревнующуюся бригаду, выполнявшую задание на 110%, без особой на то надобности, «в порядке единоначалия». Врубмашины между собою не соревнуются. О конвейерах, скреперах, бурильных молотках разговора не было, а ведь ими управляют живые люди, могущие соревноваться. Нет «ревностного» труда *за большее*, за усовершенствование, нет «драки» за увеличение задания между инженерно-техническим персоналом, десятниками (есть отстаивание меньшего).

Для того, чтобы выполнить миллион, необходимо немедленно, по-большевистски развернуть и возглавить волну ударничества, оказать всяческую помощь, поощрение и — главное — добиться того, о чем говорил т. Молотов, что «*ударник на час — не ударник*». Немедленная разверстка миллиона тонн по отдельным забоям и участкам, мобилизация масс вокруг выполнения плана, изгнание из шахт разгильдяев, симулянтов, вредителей — обеспечат нам стопроцентное выполнение миллиона.

В БОЙ ЗА РАЦИОНАЛИЗАЦИЮ!

Письма. Серые, в черных пятнах клочки исписанной бумаги бьют тревогу.

«...Ты, конечно, помнишь тот день, который мы называли днем торжественного заседания... когда гремела музыка и лились пламенные речи ораторов... тогда был выпуск окончивших курсы рационализаторов.

...Тов. Разинов, многие из нас твердо верили: тяжести будут возложены на нас, мы все же с какой-то радостью ждали возвращения на шахты, мечтая, что каждый из нас будет нужен, полезен, но я не знаю, попал ли кто из этих 54 человек туда, куда их готовили» (Мак. Зинаев).

Их 54. Они готовились для шахт. Их ждут механизмы шахт. Они должны вместо варварских, отживших методов на шахтах, вместо бестолковой системы внести советскую рационализацию в горную промышленность.

54 горняка, прошедших суровую школу шахтной работы. Они, полуграмотные люди, но знающие свое дело, просиживали дни и ночи за книгами, готовясь к борьбе за техническую революцию.

Рабочий Ковалев, активный ударник, полный жела-

пия работать, возвратился на родную шахту № 5 («Семеновку»). Он долгие часы, днями дожидался в приемной начальства.

Нескоро пришлось повидать начальство. Ответ шахтоуправляющего Преснова ошеломил рационализатора.

— У нас, товарищ, — говорит Преснов, — *рационализация по штату не полагается*. Ну, что вытаращили свои белки? Идите, говорят вам...

На шахте «Паркомм» удивились появлению рационализатора Карниевского.

— Ка-ак, ты уже окончил?! Но ведь мы думали, ты несколько лет будешь учиться.

Со страниц газеты «За уголь» впервые в Кадиевском районе разнеслись громкие голоса, требующие внимательного и пристального отношения к рационализации. Тогда была организована рабкоровская бригада. Она произвела «налет» на райуправление.

— Рационализацией, — сказал здесь т. Васько, — не занимаемся. Нет людей!

— А 54 человека?

— Разве они уже закончили учебу?

А ведь механизация на шахтах находится в хаотическом состоянии. Начнем с фактов.

На Шахте «*Паркомм*» части механизмов *лежат без дела. Провода лежат под открытым небом*. Каретки *не* используются, а рештаки ползают по почве без кареток и *быстро* изнашиваются. Кроме того рештаки работают без болтов. Механизмы используются *варварски*. И все это потому, что нет рационализатора.

На этой же шахте в первую декаду сентября врубмашина делала 3,5 вруба на длину лавы в 87 метров,

а сейчас и этого не делает. И это потому, что некому смотреть за рациональным использованием врубмашины.

На шахте «*Каменка*», пласт «Аршинка», на бремсберге находится подъемная лебедка. Еще издали по гулкому штреку раздается скрипучий визг телеги, и сразу становится ясно, что лебедка не в исправности. Забурился вагон, несчастный случай, тревожный сигнал плитового — и все в растерянности... Как же остановить лебедку? *В шестерни закладывается на ходу дубовый лес, лебедчик действует контртоком.* От этого *срываются* подшипники, *горят* щетки в моторе, и *лебедка приходит в негодность.* Кроме того, этот пласт вместо 250 вагонов в смену дает *только 90—100 вагонов.*

Полнейшая рационализаторская работа нужна не только над механизмами, но и вообще в шахтных работах, связанных с добычей угля. На шахте № 1 *Криворожья* на 3-м горизонте людской ходок *не соответствует* правилам горного искусства. Лестница пришла в негодность. Грязь мешает передвигаться. Штреки затопляются водой. Насос бездействует. На пласте «Алмаз» *два хода завалены.* Рабочие ходят по уклону. Во время движения они либо простаивают часы в ожидании прекращения движения, либо, рискуя жизнью, идут по уклону.

Горняки-ударники готовы ринуться в бой за рационализацию шахт, на борьбу за один миллион на октябрь. Им нужны помощь и внимание со стороны партийных, хозяйственных и профессиональных организаций.

КАК РЫБИНЦЫ ДОБИЛИСЬ 111 ПРОЦ.

(Открытое письмо бригады Рыбина ко всем рабочим шахты «Проходки» № 1, ко всем рабочим Донбасса)

Угольный Донбасс сейчас упорно борется с прорывом. Горняки напрягают все свои силы, чтобы покрыть долг стране, смыть с себя позор невыполнения промфинплана. В борьбе с прорывом большую роль должен сыграть обмен опытом. Наша бригада, не хвалясь, добилась сейчас немалых успехов в борьбе за высокие темпы. Мы считаем своим долгом поделиться опытом, чтобы другие бригады по нашему примеру также добились выполнения задания.

Так было

До 1 сентября на 4 западном бремсберге, где работает сейчас наша бригада, было занято 77 человек. Нечего греха таить, что бремсберг был болен той болезнью, которой сейчас болеет большинство лав, участков, шахт Донбасса, были тут расхлябанность, низкая трудовая дисциплина, неправильная расстановка сил. Рабочие опаздывали на работу, опоздания доходили до 40 минут. Инструмент складывался где попало, а назавтра в поисках теряли много времени. Доходило даже до того, что инструмент воровали друг у друга.

Не записывались упряжки, пропадали вагончики с товаром — терялся заработок. Прогулы сильно били по производительности, по выполнению промфинплана.

Первым долгом принялись за труддисциплину

— Так было, но так быть не должно, — решили рабочие, и 1 сентября при помощи местных организаций мы создали сквозную ударную бригаду.

Все дали революционное обязательство драться за уголь по-большевистски. И за работу мы взялись по-настоящему.

Первым делом принялись за трудовую дисциплину и уплотнение рабочего дня. На работу стали являться без опозданий. Чтобы не терять времени на поиски инструментов, построили в самой шахте кладовую. Бригадир вместе с помощниками заранее намечают, кого куда послать на работу. Этим мы добились того, что *на наряд и получение иструментов рабочие затрачивают не более 6 минут, а раньше на это уходило 30—40 минут.*

Мы объявили также решительную борьбу с прогулами. Каждый день бригадир в своей специальной книжке отмечает выходы всех товарищей. Если кто сегодня не вышел, назавтра он должен дать бригадиру объяснение о причинах прогула. *Злостных прогульщиков мы изгоняем из бригады и отдаем под суд рабочего трибунала.* Недавно трибунал судил трех злостных прогульщиков. Постановлено двух снять с работы и исключить из членов союза, а одному объявить выговор. Ежедневная проверка выходов привела к тому, что у нас сейчас совершенно не пропадают упряжки. Если в августе рабочие нашего бремсберга делали 20—21—22

выхода вместо полагающихся по договору 23, то в сентябре число выходов поднялось до 26—27.

Как мы добились двух циклов в сутки

Большое внимание мы уделили работе механизмов. И здесь наши успехи немаленькие. Мы добились двух циклов в день. Большую роль здесь сыграли запасные забои. *Когда «Сискол» сделал зарубку в одном забое, его немедленно перебрасывают в другой, запасный;* таким образом, машина у нас максимально загружается.

Своими успехами мы обязаны также *правильной организации труда.* Благодаря точному расчету, четкому выполнению обязанностей одна работа следует за другой. Как только машина сделала вруб, немедленно приступают к работе навальщики. К концу их работы, по точно рассчитанному времени являются вагонщики. Кончили свою работу вагонщики, сейчас же приступают к работе машинисты. Если машинистов в это время в шахте нет, то по телефону через отдел механизации они вызываются из дому. *Наши машинисты в таких случаях без всяких разговоров идут на работу.* Интересы производства выше всего.

За последнее время *бригада добилась значительного уменьшения поломок машин, ускорения ремонта.* Каждый машинист по выезде из шахты обязан зайти в отдел механизации и записать в специальную книгу, какие недостатки обнаружены в механизмах и что необходимо исправить.

Смоем с Донбасса позор

Большое значение в работе имеет и то, что *каждый у нас знает свое задание, каждый участвовал в про-*

работке встречного промфинплана. На октябрь мы обязались дать 5 000 тонн, почти *на 30 проц.* больше наметки контрольных цифр. Свое *задание выполняем с превышением.* Нет никакого сомнения, что с октябрьским заданием мы справимся с честью.

До сентября, т. е. до организации ударной сквозной бригады, наш бремсберг выполнял задание не более 70 проц. В сентябре мы обязались дать 110 проц. Свое обязательство *мы выполнили, дав 111 процентов задания.*

Улучшение постановки работы, повышение загрузки механизмов, повышение производительности *улучшили и наше материальное положение. Заработок в сентябре увеличился у нас на 10 процентов.*

Таковы итоги первого месяца работы нашей сквозной ударной бригады. Успехи немалые, но мы на них не остановимся. Весь Донбасс, в частности наша шахта, несет ответственность за невыполнение программы. *Мы приложим все силы, всю энергию на то, чтобы выполнить обещания, данные тов. Молотову, и с наибольшей быстротой ликвидировать прорыв. К этому мы зовем всех рабочих шахты Проходки, всех рабочих Донбасса.*

От имени бригады: Рыбин (бригадир), Боков, Персиянов (помбригадира), Резниченко, Кахута, Турин, Гомжин (вагонщики), Мазиренко, Рожков (машинисты), Платоненко, Руденко (плитовые).

НИ ТОННЫ МЕНЬШЕ!

Открытое письмо-обязательство кадровых рабочих пласта «Атаман», 1-й восток

Пласт «Атаман» должен дать в октябре 12 750 тонн угля. Это наш шахтерский долг перед страной. Надо заставить врубовки, отбойные молотки, конвейер и бремсберг работать точно, как часы. От них надо взять все, не оставляя им ни одной минуты простоя. Мы, кадровики, болеющие душой за каждую тонну угля, зовем всех трудящихся нашей шахты не отступать от октябрьского задания. Пусть соревнуются лава с лавой, пласт с пластом, бригада с бригадой. Стране нужен уголь, его надо дать! Сознавая все это, мы требуем от шахтоуправления, от технических сил нашего участка, чтобы все мелочи, мешающие поднятию добычи, были устранены. Надо немедля:

Через первую лаву *провести* конвейерный ходок, чтобы можно было *давать* уголь из третьей лавы. Срок — 5 дней.

Провести *свет* по бремсбергу. Срок — 1 день.

Покончить с отсутствием порожняка. Срок службе движения — 3 дня.

Тщательно *проверить конвейер* и привода к машинам. Срок — 2 дня.

Сменить мотор в третьей лаве. Срок — 2 дня.

Снабдить рабочих инструментом.

Применить электробурение в бутовых штреках. Срок — 2 дня.

Сделать осланцевание во втором бремсберге.

Это наши встречные предложения для выполнения промфинплана. Время слов прошло. От каждого техника, от каждого шахтера требуются напряжение и темп. Мы все в ответе за высокую добычу. Команда дана, ни шага назад от задания!

Ко́ликов — крепильщик (раб. стаж — 39 лет), Олейников — контрольный десятник (раб. стаж — 9 лет), Гамаюнов — десятник (раб. стаж — 25 лет), Мирошниченко — десятник (раб. стаж — 7 лет), Касьянов — забойщик (раб. стаж — 7 лет), Мальцев — забойщик.

БОР. ГАЛИН

АТАМАН-ВОСТОК

Звезду на копре зажгли ночью. 30 марта ее пронесли по черным взрытым улицам поселка, а ночью открыли митинг. Тогда забойщик Скиба сказал за всех:

— Потом и кровью мы добивались звезды. «На гора» мы дали уголь, чтобы сделать шахту краснозвездной. В ей наш уголек горит...

Это не были пустые слова. Прорыв первого квартала перекрыли подлинной работой. 9 032 тонны угля висели, как символ победы над косностью и ленью, звездой поднялись над копром, над всей Кадиевкой, где ночью горят териконы шахт, а в недрах земли люди наступают и отвоевывают черный уголь тонну за тонной.

Звезда горела, но кривая добычи, дрогнув летом, падала все ниже и ниже. Март остался позади, люди успокоились и в июле оставили в недрах 600 тонн угля, а к августу прорыв дошел до 2 000 тонн. Шахту потянуло назад, копер с горевшей звездой дрогнул. Ветер бесплановости стал задувать звезду, и тогда же пошли разговоры, что, мол, зря горит она, снять ее надо. Будет копер гореть тусклым огнем, все будет так, как год назад: обычная шахта, обычная работа.

С пласта Атаман-Восток, с горизонта 354 метра поднялся забойщик Скиба и снова, на этот раз с горечью и болью, сказал всем:

— За эту звезду мы пролили много пота. В ей наш уголек... Рабочий класс шахты не опустит звезду!

В эти дни и декады в шахте идут бои, чтобы вывести шахту из-под удара, дать стране уголь. В нарядной, под окнами, смеясь, проходили прогульщики, кому уголь не уголь, а шахта не дом. Они требовали «рашчета» и позорной, гнилой работой оставляли в земле уголь. С пласта Атаман-Восток собирались кадровые шахтеры и угрюмо говорили:

— Технический персонал ручки опустил, не видит, что общественское мнение надо поднимать.

Старик Минаков, пенсионер-забойщик, пришел и потребовал пустить его в забой. Он одел привычную шахтерку, серую и черную от угля, взял лампу, с которой 30 лет не расставался, и крепко затянулся табачным дымом перед спуском в забой. Сзади него болтался кусок телячьей кожи, чтобы легче было скользить по уклону, а за плечами остались 30 лет шахтерской работы, когда человек к этим годам уж знает шахту, как свою руку.

— Старик, — посмеивались над ним, — тебе дали книжку, чтоб сидеть, греться на солнышке, а ты уголек пришел рубать... Чудной, папаша!

Минаков ответил письмом:

«Имею тридцать лет производственного стажа в забое, но перехожу на работу по углю, организую забой пенсионеров. Нормы выполним, как следует, на все 105 процентов».

Из дырявых горняцких домишек, из казарм потянулись старики, менявшие пенсионную книжку на обушок и труд. Пришел Хасеев, 37 лет рубавший уголек, имевший год перерыва, и в октябре 1930 года снова, как будто вчера только ушел из шахты, спустился в недра. Вернулся Терещенко, забойщик с черными отметинами шахтерского труда на морщинистом лице; клеть сбросила в штреки Шурбенко, Васильева, Кореева, Глоту. Ворчливый старик Глота в первый же день сказал новичкам, неумело тыкавшим обушком в уголь:

— Ты, браток, смотри — лаву держи твердо. Таким манером, таким темпом, а возьми уголек, не оставляй его...

А 22 августа в шахтком пришел Петр Иванович Терещенко, шахтер с 20-летним стажем, и потребовал в свой *выходной* день лампу и обушок, людей, не жалеющих себя, чтобы итти в *общественный забой* работать на страну. Он увел 10 забойщиков и 3 навальщиков на широкий пласт, богатый углем — Атаман-Восток.

Кадровики пришли в движение. Но разве им одним вытянуть шахту, когда механизмы работают вполоборота, когда врубовки, конвейеры, отбойные молотки и электрорубы — только безучастные свидетели шахтерской борьбы. Их надо пустить в действие, они должны переложить и взять на свои металлические плечи ручную добычу. Встречное движение машин, водимых людьми, — вот цель и задача. Люди и машины механизированного пласта Атаман-Восток должны дать в октябре 500 тонн добычи в сутки. 4 октября два заседания решали эту задачу. Наверху, в кабинете главинженер

в упор спросил худощавого, в потертой тужурке, техника Фоменко:

— Вы, старый горняк... отвечайте: гарантируете добычу в 12 750 тонн?

Фоменко порылся в бумагах, близоруко всмотрелся в цифры расчетов и обычным голосом, как само собой разумеющееся, ответил:

— Механизированный пласт должен работать, как часы, 300 тонн — первая декада, 475 — вторая, 500 — третья...

— Итого вы даете?

— Итого 12 750 тонн угля в октябре.

Это наверху, на совещании технических сил.

Часом позже люди недр — забойщики и десятники того же пласта приценивались к цифре октябрьского задания. Я называю им цифру добычи по декадам и общую в октябре. Беретесь или не беретесь? Они подошли к цифре осторожно. Должно быть, мысленно каждый из них обходит свою лаву, свой забой. Вот они выгребают уголь, качают его «на гора», подсчитывают вагончики, подводят итоги... Здесь Коликов, седой крепильщик, давший за месяц 35 метров вместо 25; на корточках присел, черный от угля, но одетый в чистую одежду, забойщик Касьянов; контрольный десятник Олейников только что пришел со смены и, усталый, показывается на скамье; а Гамаюнов, забойщик со второй лавы, сурово смотрит в окно парткома.

— Нет, — осторожно говорит Олейников, — нет, пласт даст 500 тонн, а мы не вытянем...

Они сидят молча и все подсчитывают: выполним или не выполним? Скоро надо итти в лавы и штреки, к людям и машинам, их надо вооружать, дать им вер-

ную цифру, чтоб за нее отвечать, и вести людей, не отступая, к высокой добыче черного угля. Со скамьи поднимается седой крепильщик Коликов и медлительно, спокойно рвет молчание кадровиков:

— Ну, ясно... Поскольку мы — горняки, дрейфить не приходится. Цифру эту вполне можно выполнить. Только...

— Можно-то, можно, — качает головой Гамаюнов, — только двухпутки нет у нас.

Мелочи, нудные мелочи, грозят сорвать добычу! Нужен *свет* на бремсберге, нужен *инструмент*, чтобы не бегать за ним, нужен *конвейер* через ходок, чтобы качать уголь из третьей лавы, нужны *каретки* для конвейера, нужен *порожняк*, чтобы не ждать его...

Олейников глубже всовывает руки в карманы пальто, его знобит, он говорит тихо, устало:

— 4-го наши машины стали рубать, но порожняку, товарищи, нет, и уголь останется в лаве.

Молодой Касьянов расталкивает собрание, резко и тревожно говорит:

— Подымаешь общественское мнение, массы подымаешь, а приходишь в лаву — сидишь, сидишь, сидишь и все ждешь порожняка!

— На стрелках сидят десятники и дерутся за вагончики, — вставляет Гамаюнов.

Но уголь ведь надо дать! Они уходят в сторону к окну, совещаются между собой и возвращаются, чтобы сказать:

— Беремся, выполним!

Два этажа решили дать механизированную добычу. Завучастком и кадровые шахтеры приняли цифру,

будут драться за нее. Но в недрах земли надо ударить по неполадкам, по тем мелочам, что неожиданно дают свои поправки на добычу. На горизонте — 354 метра пласта Атаман-Восток люди прошли полтора километра. В темноте, пригнувшись к углю, мы ползем по первой лаве. Лампочки качаются на шеях, и отсвечивает тускло уголек.

С шумом, неудержимо ползет по конвейеру уголь. «Звук у него сытный, аж душа радуется, — подползает к нам Гамаюнов, — а то засипит другой раз...» Он прислушивается к конвейеру, который внезапно начинает сипеть. Гамаюнов уползает к решетакам. Тока нет, конвейер остановился! Бегут за монтером. Стоят вагонетки, и, ругаясь, лежат люди. Мелочи, чорт их побери, эти мелочи — грызуны, подтачивающие механизмы и людей.

Еще выше по уклону, во второй лаве встревоженно ворчит подземный зверь. Врубовая машина подползла к стенке и бьет, вгрызается, рубает уголек. Эта машина должна вывезти шахту. Она уничтожила санки, она внесла с собой конвейер и потребовала точных движений. Но люди к ней не привыкли. Вот она остановилась, смолкла и уже бегут за слесарем, ищут машиниста, чтобы исправить, пустить в ход машину. По черным штрекам люди кричат, зовут машиниста, — его нет, он где-то в другой лаве, — и машина стоит без движения. За несколько километров отсюда, на шахте № 12, на том же горизонте и на том же пласту две машины тронулись в краснозвездный поход, 35 зарубов — вот их норма. Сюда бы эти нормы — на пласт Атаман-Восток.

Поздно ночью клеть подымает людей «на гора». *Счет*

мелочей, мешающих добыче, мы представляем завуч участком. Эти мелочи надо зарубить, *убрать с дороги*. На черном копре горит звезда, оторванным крылом на териконе висит вагонетка. Сегодня, 4 октября, без 15 тонн механизированный пласт *выполнил свое задание*. Он может, он должен дать больше! Пласт Атаман-Восток пришел в движение.

Кадиевка.

МАРШ УДАРНИКОВ

Посвящается призыву рабочих-ударников в пролетарскую литературу.

Гудит, ломая скалы,
Ударный труд!
Прорвался песней алой
Ударный труд!
В труде нам слава и почет, —
Для нас кирка породу бьет,
Для нас и трактор по полю идёт, гудёт, —
Он песней по полю гудёт!
Бей с плеча!
Бей с плеча!
Даешь программу Ильича!
Даешь! Даем! Даешь!
Ведь каждый взмах лопаты,
Ударный труд! —
Громит врагов гранатой
Ударный труд! —
Старье летит, старье трещит,
В проломы рвется новый быт,
Неразрушимый новый мир построит труд,
Прекрасный мир построит труд!
Бей с плеча!
Бей с плеча!

Даешь программу Ильича!
Даешь! Даем! Даешь!
На сотнях Днепростроев,
Ударный труд!
Мы мощь свою построим,
Ударный труд!
Стоит буржуй за рубежом,
Грозит нам новым грабежом, —
Но уголь наш и сталь — его зальют рекой,
Зальют расплавленной рекой!
Бей с плеча!
Бей с плеча!
Даешь программу Ильича!
Даешь! Даем! Даешь!
В сраженьи нет пощады,
Ударный труд!
Весь класс — одна бригада,
Ударный труд!
Все руки бьют в один удар,
Чтоб шире плыл стальной пожар,
Чтоб уголь наш донецкий черной лавой шел,
Чтоб черной лавой уголь шел!
Бей с плеча!
Бей с плеча!
Даешь программу Ильича!
Даешь! Даем! Даешь!

Перевел Александр Ромм.

Музыка Бэла Рейниц. на слова А. Гидаш

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. В Донбассе нужен крутой перелом. (Статья) 3
2. Товарищи, держите темп! (Из статьи тов. Молотова) 10
3. Постановление Совнаркома 14
4. А. Фарбер. Вызов. (Стихи) 15
5. К. Гудок-Еремеев. За уголь. (Очерк) 18
6. М. Смоленский. Коммуна тринадцатой раскоски. (Очерк) 33
7. А. Гидаш. Железо, уголь, огонь! (Стихи) 45
8. С. Кирсанов. Из поэмы «Пятилетка». (Стихи) 50
9. М. Смоленский. В шахту! (Очерк) 56
10. А. Булгаков и И. Мартынов. Цесманова бригада. (Очерк) 65
11. А. Булгаков и И. Мартынов. «Копченки». (Очерк) . 71
12. А. Фарбер. Рожденье коммуны. (Очерк) 77
13. „ Песня лучших. (Стихи) 102
14. „ Черный хлеб. (Стихи) 104
15. К. Гудок-Еремеев. Донбасс героический. (Очерк)
    1. Сердце революции 108
    2. За наше общее 115
16. М. Черненко. На шахте взрыв. (Очерк) 122
17. П. Беспощадный. Паркоммуне. (Стихи) 134
18. А. Кудрейко. Слушай, Донбасс! (Стихи) 137
19. З. Чаган. Листки из записной книжки. (Очерк) 141
20. Рубченко. В бой! (Статья) 149
21. За Новый Донбасс. Письмо товарищу Молотову бригадиров шахты «Проходка» № 1 152
22. Письмо ИТС шахты «Проходка» № 1. 158
23. Пролетарским словом надо дорожить... (Ответ товарища Молотова) 160

Стр.

24. Соревнование врубовок 164
25. Н. Крен. Механизмы на полный ход 167
26. А. Бутенко. Арифметика революции 177
27. И. Кизяев. В бой за рационализацию 180
28. Как рыбинцы добились 111 проц. 183
29. Ни тонны меньше. Письмо рабочих шахты «Атаман» . . 187
30. Б. Галин. Атаман-Восток. (Очерк) 189
31. А. Гидаш. Марш ударников. (Песня) 196
32. Музыка на слова марша ударников 198

70 коп.

45573

М 533

2/4